

ISSN 2223-5205

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Первый выпуск сборника вышел в 2008 году

Выпуск 18

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2025

УДК 8(082)

Восемнадцатый выпуск сборника содержит научные статьи студентов и магистрантов филологического факультета и факультета истории и межкультурных коммуникаций ГГУ имени Ф. Скорины, отражающие опыт разностороннего осмысления актуальных проблем языкознания, литературоведения, фольклористики и этнографии. Особое внимание уделяется рассмотрению вопросов поэтики и стиля художественного текста, особенностей философско-эстетических концепций писателей, интердисциплинарным связям.

Для студентов, аспирантов, преподавателей.

Сборник издается в соответствии с оригиналом-макетом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

Е. Л. Хазанова (гл. ред.),
Е. Н. Полуян (зам. гл. ред.), Е. Н. Воинова (отв. секр.),
И. Н. Афанасьев, В. И. Коваль, В. С. Новак, И. Ф. Штейнер

Рецензенты:

кандидат филологических наук В. А. Скачкова;
кандидат филологических наук О. Н. Мельникова

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'06-1

А. И. Артемьева

Науч. рук. – Е. И. Холявко, канд. филол. наук, доцент

ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье исследуется проблема выделения временных рамок современной русской поэзии, определяются поколения поэтов, которых можно отнести к современным, и основные направления современной поэзии. На основе анализа существующих теоретических источников к современной поэзии отнесены произведения поэтов поколения застоя, реформ, миллениалов. Эти поколения соотносятся с такими направлениями в русской литературе, как постмодернизм, концептуализм и метареализм, а также постконцептуализм вместе с «двадцатилетними» поэтами, или «поколением Флагов».

Сегодня читатель с трудом успевает за темпом, с которым возникают новые поколения поэтов и направления в русскоязычной литературе, но такая ситуация для современной поэзии естественна:

- во-первых, разнообразие практик очень велико;
- во-вторых, каждый сегмент стремится обособиться и противопоставить себя не только предшественникам, но и «ровесникам»;
- в-третьих, в условиях, когда едва ли возможна всеобщая площадка, терпимая к самым разным взглядам, приходится устраивать для «своей» поэзии отдельную инфраструктуру – медиа, премии, семинары, лаборатории.

Проведя анализ, мы сделали некоторые обобщения о поколениях и направлениях современной поэзии.

В русской поэзии очень сложно очертить ее общее поле. Мы не говорим об общем поле поэзии, а только о том, которое складывается вокруг журнала “Prosōdia”, считающегося экспертным в области литературного слова. “Prosōdia” сдержанно смотрит на современную поэзию. Эта сдержанность возникает на фоне системной работы данного медиа с материалом истории русской и мировой поэзии,

которая не позволяет абсолютизировать современность. На данный момент восприятие читателями условной классики остаётся достаточно живо, на этом фоне абсолютизация современности и ее новизны, характерная лишь для ряда участников литературного процесса, несколько теряет в значимости.

В то же время “Prosōdia” в отличие от большинства литературных изданий работает как СМИ, а задача СМИ – не обслуживать какое-либо сообщество, но обращать внимание своих читателей на наиболее интересные явления в литературном пространстве, расширяя тем самым количество читателей поэзии. По этой причине ракурс взгляда на проблему достаточно широк. В изданиях “Prosōdia” запрещены только обценная лексика и призывы к межнациональной розни. Что касается аудитории: с декабря 2020 года по декабрь 2021 года только на сайте prosodia.ru было зафиксировано 150 тысяч уникальных читателей, в социальных сетях – примерно столько же [1]. Это означает прежде всего, что те, кто интересуется поэзией сегодня, все лучше находят данное медиа и с доверием относятся к нему.

В качестве основного ориентира исследования мы используем статистику поколений поэтов, чьи произведения опубликованы в 2020 году на просторах “Prosōdia”. К поколению застоя исследователь Высшей школы экономики В. В. Радаев относит людей, родившихся в 1947–1967 годы, к реформенному поколению – людей 1968–1981 годов рождения, дальше вплоть до 2000 года идет поколение миллениалов, начиная с 2001 года – поколение Z [2, с. 48].

Если посмотреть на возраст поэтов, опубликовавших в “Prosōdia” в 2020 году, можно увидеть, что лидируют три группы. Наибольшая – родившиеся в 1960-е годы (12 поэтов), на второй позиции – поэты 1970-х годов рождения и родившиеся в 1980-е (по 9 поэтов).

На первое место выходит большое поколение застоя – это 15 имён этого номера, от старших Андрея Грицмана, Ирины Ермаковой, Николая Кононова, Вячеслава Шаповалова – до Юлии Гуголевой, Евгения Лесина, Игоря Караулова, Виталия Пуханова. Младшие поэты этого поколения работают с образами коллективного бессознательного, их творчество во многом о том, воплощении каких абсурдных идей, лозунгов и концепций мы являемся. Здесь почти нет лирических героев и вообще очень мало живых людей, но много иронии по поводу любых общих мест. Эта поэтика делает объектом уничтожающей рефлексии именно то, что ей более всего интересно. И как раз на этом фоне исключениями, подтверждающими правило,

выглядят едва ли не противоположные женские поэтики более старших поэтов того же поколения – Ирины Ермаковой и Кати Капович. У них лирическое «я» не боится себя самого [1].

Второе по значимости поколение – реформенное, его представляют 13 имен. Из старших в нем – Александр Кабанов и Андрей Пермяков, из младших – Влада Баронец и Евгений Никитин. А посреди Люба Колесник, Олег Дозморов, Надя Делаланд, Александр Правиков. В этом поколении лирического «я» гораздо больше, хотя оно порой выглядит как специально созданный персонаж. Однако в целом интереса к прозаической реальности и как следствие к живому человеку здесь гораздо больше. С одной стороны, много сцен из жизни, а с другой – больше собственного, порой блаженного, порой брутального голоса. В этом поколении уже наблюдается осознанный диалог с поэтической традицией, чего в предыдущем было немного. Это поколение не вполне осознано и описано как поколение, несмотря на то, что играет ключевую роль в современной поэзии [1].

Поколение миллениалов еще не в полной мере в поэзии раскрылось – в подборке всего семь имён, которых слишком мало для коллективного портрета. Но очевидно, что роль миллениалов в поэзии нарастает – сегодня это происходит во всех сферах деятельности.

В качестве второго ориентира рассмотрим периоды направлений в истории русской литературы, начиная с постмодернизма. Постмодернизм в русской литературе начался в 1960–1970 годы в период после «оттепели», а конец приходится на 1980–1990 годы [3]. Период взросления поколения застоя по В. В. Радаеву приходится на 1956–1963 годы. По статистике “Prosōdia” за 2020 год именно представители этого поколения занимают первое место среди современников [1].

В середине 1980-х годов российский поэт Александр Ерёменко вместе с поэтами Алексеем Парщиковым и Иваном Ждановым создал неформальную литературную группу «метаметафористов», или «метареалистов». Метареализм был противопоставлен концептуализму – другому заметному течению в искусстве и литературе 1980-х годов. Если «метареалисты» создавали с помощью поэтического слова новый мир, то концептуализм стремился деконструировать старый мир [4].

В это же время (в середине 1980-х годов) в России впервые появился термин «постконцептуализм». Постконцептуальными было предложено назвать общие черты в творчестве Тимура Кибирова

и Михаила Сухотина после их совместного выступления на домашнем семинаре Александра Чачко. Позднее Михаил Айзенберг писал, что литературная атмосфера Москвы и Петербурга с начала 1980-х оказалась окрашена в постконцептуальные тона. Данные определения не смогли закрепиться в российской эстетике. Михаил Эпштейн использовал понятие постконцептуализма в своём труде «Основные направления современной поэзии» – постконцептуализм фактически уподоблялся новой искренности и был в одном ряду с такими понятиями, как «континуализм» или «презентализм». Позже о постконцептуалистском каноне в русской поэзии рубежа XX–XXI веков писал Дмитрий Кузьмин в вышедшей в 2002 году статье «После концептуализма», рассказывая о главных представителях постконцептуализма – поэтического направления, на которое возложили задачу по «борьбе за подлинность высказывания» и называли «новой искренностью». Статья была посвящена младшему поколению тогдашних поэтов, как представители этого течения рассматривались Дмитрий Воденников, Кирилл Медведев, Дмитрия Соколова, Данила Давыдов, Дарья Суховей [5].

С тех пор попытки обозначить некое особенное поколение, радикально отличающееся от прочих, предпринимаются чуть ли не каждый год. «Новые тихие» [6], «помнящее поколение» [7], «мейнстрим с человеческим лицом» [8], «поколение Дебюта», «поколение Транслита» [9]. Пришло время «поколения Флагов» – двадцатилетних поэтов, опирающихся на «метафизическую и мифотворческую традицию, которая двум последним поколениям виделась “боковой и иссякающей”» [10].

Двадцатилетние создают сообщество вокруг журнала «Флаги» и премии «Цикада». К появлению «поколения Флагов» русскоязычная поэзия накопила обилие жанров, направлений и практик, сняла табу, казавшиеся незыблемыми, открыла множество новых возможностей для высказывания.

О произведениях молодых поэтов можно сказать «новая растерянность» [11], понимая под ней аффект недоумения – тревогу в сочетании с дезориентацией, ощущение нереальности происходящего. Однако в поэзии «двадцатилетних» центральной темой становится не сама растерянность, а способы её преодоления. Из этих способов и выстраиваются индивидуальные образы поэтов, а из них, в свою очередь, – портрет поколения.

Таким образом, к современной поэзии можно отнести произведения поэтов трёх поколений: застоя, реформенного и миллениалов, которые соотносятся с такими направлениями в русской литературе, как постмодернизм, концептуализм и метареализм, а также постконцептуализм вместе с «двадцатилетними» поэтами («поколением Флагов»), которые сегодня выходят на арену новой поэзии.

Список литературы

1 Козлов, В. И. Ключевые поколения и жанры современной русской поэзии / В. И. Козлов // Prosodia. – 2021. – URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/klyuchevye-pokoleniya-i-zhanry-sovremennoy-russkoy-poezii>. (дата обращения: 25.04.2025).

2 Радаев, В. В. Миллениалы : как меняется российское общество / В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.

3 Постмодернизм в условиях советского тоталитаризма. – URL: <https://tak-to-ent.net/publ/17-1-0-472>. (дата обращения: 25.04.2025).

4 Аликулова, М. Д. Умер поэт Александр Ерёменко / М. Д. Аликулова // Prosodia. – 2021. – URL: <https://prosodia.ru/catalog/sobytiya/umer-poet-aleksandr-eryemenko>. (дата обращения: 25.04.2025).

5 Кузьмин, Д. В. После концептуализма / Д. В. Кузьмин // Арион. – 2014. – № 4. – URL: <https://www.arion.ru/>. (дата обращения: 10.05.2025).

6 Увицкий, А. Ю. Новые тихие : об экстравертной суггестивной поэзии / А. Ю. Увицкий // Знамя. – 2021. – № 8. – URL: <https://znamlit.ru/> (дата обращения : 10.05.2025).

7 Джабарова, Е. Преодолеть травму и ворваться в новый мир : что такое деколониальная поэзия и кто занимается ею в России / Е. Джабарова. – URL: <https://knife.media/decolonial-poetry/>. (дата обращения: 10.05.2025).

8 Алпатов, М. В. Мейнстрим с человеческим лицом / М. В. Алпатов. – URL : <https://prosodia.ru/>. (дата обращения : 10.05.2025).

9 Кузьмин, Д. В. Поколение «дебюта» или поколение «транслита»? / Д. В. Кузьмин // Новый мир. – 2012. – № 3. – URL: <https://nm1925.ru/>. (дата обращения: 10.05.2025).

10 Русскоязычные поэты младшего поколения. – URL : <https://srsly.ru/>. (дата обращения: 10.05.2025).

11 Алпатов, М. В. Новая растерянность и её преодоление : пять ключевых поэтов поколения двадцатилетних / М. В. Алпатов. – URL : <https://prosodia.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).

У. О. Евтихеева

Науч. рук. – И. Б. Азарова, ст. преподаватель

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

В статье рассматривается роль военно-патриотической литературы в воспитании нравственности, памяти и ценностей у молодежи. Анализируются произведения известных авторов, таких как А. А. Блок, К. М. Симонов, В. С. Гроссман и М. А. Шолохов. В данном исследовании проводится сравнительный анализ образа Ивана Бондарева из «Повести о настоящем человеке» М. А. Шолохова. Подчеркивается важность использования таких произведений в образовании для формирования гражданской ответственности, мужества и уважения к истории.

В современном мире, постоянно меняющемся и усложняющемся, важность формирования у детей правильного восприятия истории и культуры особенно велика. Семья и школа играют ключевую роль в развитии мировоззрения, памяти и ценностей подрастающего поколения. Память народа, закреплённая в художественной литературе и искусстве, помогает сохранить традиции, опыт и идентичность. Восприятие – это процесс построения внутреннего мира на основе внешних знаний, который формирует духовное развитие личности. На уроках литературы важно учить детей правильно понимать произведения, вызывая эмоциональный отклик и развивая критическое мышление. Особенно значимы уроки памяти о Великой Отечественной войне, где через художественные произведения устанавливается понимание героизма и исторической ответственности. Знания о прошлом помогают анализировать будущее, а искусство способствует развитию личности. Как отметил Д. С. Лихачёв: «Память – это источник культуры и созидания, её отсутствие разрушительно для человечества» [1, с. 256].

Военно-патриотическая литература – это жанр художественной литературы, посвящённый темам войны, героизма, долга и защиты Родины. Она включает романы, рассказы, поэзию и драму, направленные на воспитание чувства гордости за страну, уважения к её

истории и ценностям патриотизма. Основные черты этого жанра – описание военных конфликтов, подвигов героев, поднятие вопросов чести и самопожертвования, а также создание образов мужественных и стойких персонажей. Эмоциональная нагрузка произведений способствует формированию патриотических чувств у читателей.

Исторически жанр возник как ответ на потребность общества осмыслить войну и её последствия. В разные эпохи он отражал актуальные идеи о героизме и долге: от античных произведений до средневековых рыцарских романов и современных рассказов о войнах XX века. В современности литература этого жанра помогает понять трагедии конфликтов, травмы ветеранов и важность памяти о прошлом.

Военно-патриотическая литература выполняет важные воспитательные функции: формирует гражданские ценности, моральные ориентиры и национальное единство. Она способствует развитию чувства гордости за Родину, сохранению исторической памяти и созданию образа идеального гражданина. Также она объединяет поколения через диалог о прошлом и настоящем.

В XX веке эта литература приобрела особое значение в контексте масштабных войн, таких как мировые конфликты, отражая как героизм, так и трагедии войны – потери, разрушения и внутренние переживания участников. После распада СССР появились новые темы: переосмысление войны, судьбы ветеранов и критика конфликтов. Современные авторы исследуют последствия войн для общества и отдельных личностей, включая посттравматический стресс.

Общая эволюция жанра показывает его важность для формирования общественного сознания, патриотических чувств и исторической памяти. Литература вызывает эмоциональный отклик, вдохновляет на гордость за Родину и служит воспитательным инструментом для молодежи. В современности она продолжает развиваться, обращаясь к новым проблемам – глобализации, технологий и гуманитарных аспектов конфликтов.

Таким образом, военно-патриотическая литература сохраняет свою актуальность как средство осмысления человеческого опыта войны, укрепления национальной идентичности и воспитания будущих поколений.

Русский поэт Александр Блок через свои стихи о Первой мировой войне выразил патриотизм, внутренние переживания и духовный поиск, используя символизм и метафоры. Константин Симонов в своих произведениях о Великой Отечественной войне создал образы мужества, надежды и любви, подчеркивая важность патриотизма и стойкости.

Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба» исследовал моральные дилеммы, человеческие судьбы и память о войне, подчеркивая необходимость сохранения исторической правды. Сергей Есенин через свою поэзию передавал любовь к Родине, народные мотивы и надежду на будущее. Даниил Гранин в своих произведениях о войне показывал героизм простых людей и последствия конфликта для общества.

Эти авторы создали богатое наследие военно-патриотической литературы, которая служит не только воспоминанием о героизме и страданиях, но и инструментом воспитания патриотизма, уважения к истории и традициям. Их произведения помогают понять человеческий опыт в условиях войны, учат ценить мир и помнить уроки прошлого ради будущего страны. Военно-патриотическая литература остается важным средством формирования национальной идентичности, духовных ценностей и сохранения памяти о великих событиях.

Книги о войне обладают мощным воспитательным и патриотическим потенциалом, способствуя формированию гордости за Родину, развитию нравственных ценностей и осознанию исторического наследия. В лучших произведениях «отражаются не только героизм и стойкость народа, но и человеческие переживания, страхи и надежды участников войны, что делает их близкими и понятными читателю. Изучение военной литературы в школе помогает познакомить учащихся с биографиями выдающихся писателей, героическими подвигами национальных героев и важными событиями истории, укрепляя патриотические чувства» [2, с. 102].

В рамках учебной программы рассматриваются произведения различных авторов – Юрия Бондарева, Бориса Васильева, Анатолия Приставкина, Михаила Шолохова, Ольги Берггольц и других – охватывающие темы боевых действий, партизанского движения, блокады Ленинграда и героизма советского народа. Используются разнообразные методы обучения: анализ текстов, обсуждения, инсценировки, конкурсы и проектная деятельность. Это способствует развитию у школьников глубокого понимания ценности мира, мужества и памяти о героях.

Кроме того, военно-патриотическая литература помогает формировать национальную идентичность, укреплять память о героическом прошлом и вдохновлять новые поколения на сохранение мирного неба над головой. Она способствует диалогу между народами через понимание общих трагедий войны и может стать источником вдохновения для художников и писателей. В современных реалиях она остается актуальной для воспитания моральных ориентиров и укрепления единства общества. В целом, эта литература выполняет

важные функции – сохраняет память, формирует патриотизм, воспитывает нравственные ценности и способствует развитию исторического самосознания – делая её незаменимым элементом культурного наследия любой нации.

Как пример возьмём рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Данное труд является важным произведением о Великой Отечественной войне, которое не только отражает трагические события того времени, но и поднимает глубокие философские вопросы о человеческой жизни, достоинстве и стойкости духа. В школьной программе он занимает особое место, «помогая учащимся понять историческую значимость войны и её влияние на судьбы людей. Произведение основано на реальных событиях и личных переживаниях автора, что придает ему особую достоверность и эмоциональную силу» [3, с. 136].

Главный герой – Андрей Соколов – символизирует человеческую стойкость и мужество, несмотря на утрату семьи и тяжелые испытания. Рассказ поднимает темы человеческой судьбы, моральных выборов, мужества и надежды, показывая, как важно сохранять человечность в условиях жестокой реальности. Важной частью произведения является идея поддержки и солидарности, выраженная через встречи героев и их внутренние переживания.

Изучение «Судьбы человека» способствует развитию у учащихся эмпатии, морального сознания, патриотизма и уважения к истории своей страны. Произведение помогает понять ценность человеческих отношений, стойкости духа и необходимости сохранения памяти о прошлом. Оно также стимулирует критическое мышление, анализ моральных дилемм и важности ответственности за свои поступки.

Образ Ивана Бондарева в «Повесть о настоящем человеке» раскрывает его как сложную личность, сочетающую в себе черты ребенка и юного героя-воителя. Внешние характеристики, такие как настороженный взгляд и выражение лица, отражают внутреннюю борьбу, переживания и травмы, связанные с потерей близких и тяжелым опытом войны. Его поведение обусловлено прошлым: он служил в разведке, рисковал жизнью ради выполнения боевых задач и мстил врагам за погибших родственников.

Пример Ивана показывает его внутренний конфликт: с одной стороны – детская невинность, мечты о простых радостях, а с другой – зрелая ответственность, ненависть к врагу и желание защищать Родину. Его поступки – героические и самоотверженные – свидетельствуют о внутренней силе и мужестве, несмотря на юный

возраст. Внутренний мир героя насыщен противоречиями: он стремится к справедливости и мести, что делает его ярким примером взросления через испытания войны.

Автор подчеркивает важность понимания психологического состояния Ивана через описание его поведения, поступков и отношения окружающих. Личность данного героя показывает, что даже в юном возрасте человек способен проявлять героизм, мужество и ответственность. В целом, Иван Бондарев символизирует молодое поколение героев Великой Отечественной войны – тех, кто благодаря внутренней силе и стойкости смог преодолеть трудности войны и стать примером для будущих поколений.

Таким образом, военно-патриотическая литература не просто рассказывает о самой большой трагедии в истории нашей страны, но также наглядно демонстрирует, что всё в руках молодого поколения, которое обязано уважать прошлое.

Список литературы

1 Кузнецов, В. В. Русская литература и патриотизм: воспитательный потенциал современности / В. В. Кузнецов. – Москва: Просвещение, 2020. – 434 с.

2 Михайлов, А. А. Литературное наследие и гражданское воспитание: современные подходы / А. А. Михайлов. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2019. – 155 с.

3 Петров, Ю. В. Война и мир в русской литературе XXI века: новые интерпретации и педагогические практики / Ю. В. Петров. – Москва: Наука, 2021. – 185 с.

*УДК 821.161.3-14*Р.Баравікова*

Дз. І. Кіарэску

Навук. кiр. – Т. А. Фіцнер, канд. філал. навук, дацэнт

ПРЫРОДА Ў ЛІРЫЦЫ Р. БАРАВІКОВАЙ ЯК СРОДАК СТВАРЭННЯ ЛІРЫЧНАГА ВОБРАЗА

У артыкуле на прыкладзе вершаў са зборніка Раісы Баравіковай “Сад на капялюшыку каханай” аналізуецца роля прыродных пейзажаў і іх сімвалічных увасабленняў у лірыцы паэткі, спосабы выказвання праз іх ўнутранага і пачуццёвага свету лірычнай гераіні. Даводзіцца, што прырода і яе з’явы дапамагаюць аўтарцы

ствараць непаўторны і рознабаковы лірычны вобраз. Кожны элемент, сімвал ці знак прыроды – спосаб больш дасканала і тонка паказаць сутнасць лірычнай гераіні.

Прырода – неад’емная частка светабудовы і невычэрпная крыніца натхнення і творчай энэргіі для паэтаў. Дзякуючы ёй, творцы здольныя паглыбляцца ў розныя эмацыянальныя станы, што ў далейшым знаходзіць адлюстраванне ў напісаных ім вершаваных радках.

Сучасная айчынная паэтка Раіса Баравікова вылучаецца сваім асаблівым літаратурным поглядам на навакольны свет. У лірыцы творцы прырода і яе з’явы не проста з’яўляюцца фонам, на якім разгортваюцца падзеі, а выступаюць перад намі як жывыя, адухоўленыя і сімвалічныя вобразы, якія дапамагаюць у стварэнні сэнсавай і эмацыянальнай канвы твора, з’яўляюцца актыўнымі ўдзельнікамі вершаваных падзей, высвятляюць і раскрываюць унутраны стан лірычнай гераіні:

А ты, **лісток**, зусім як сэрца...

Зялёненькі ды малады

і днём, і ноччу **над азерцам**

дрыжыш, нібыта ў **халады** [1, с. 165].

Дальбог, разрыў наш не здарэнне,

у кожным дні – свае дары...

І толькі **снег**, як паўтарэнне

прыкмет той згубнае пары [1, с. 422].

Паэтычны голас Раісы Баравіковай дазваляе яе лірычнай гераіні адчуваць розныя пачуцці і эмоцыі, дзякуючы стварэнню і выкарыстанню паэткай прыродных пейзажаў і прыродных з’яў у якасці дапаможных сродкаў. Раіса Андрэеўна выкарыстоўвае з’явы прыроды, яе апісанні, як фарбы для стварэння поўнай карціны псіхалагічнага стану гераіні, яе болю і пакутаў. Прырода ў творы разам з намі смяецца і плача, спакойная і задуменная, напорыстая і гнеўная. У такіх выпадках прырода і яе пейзажы паўстаюць не як маўклівыя сведкі, а як актыўныя суразмоўцы, здольныя адчуваць, спачуваць і натхняць лірычную гераіню; яна задае ўвесь тон твора, робіць яркія акцэнты на самыя значныя і выжныя жыццёвыя падзеі лірычнай гераіні:

<...> таму не наракаю на расстанне,

спакойна я ўслухоўваюся ў **гром**,

бо ведаю: і той, другой, не спіцца,

і **бліскавіца** ў тым акне ярчэй,

дык хай яна баіцца памыліцца –

у тых агнях агонь маіх начэй... [1, с. 22]

Каб дакладна зразумець унутраны свет баравікоўскай лірычнай гераіні, пазнаць яе асаблівую шматграннасць і глыбіню, трэба звяртаць увагу на прыродныя пейзажы, прыродныя сімвалы-знакі, якімі паэтэса шчодро адорвае свае вершы:

Калісьці ў **зелень** апрануцца **дрэвы**

І **свет раслін** прайдзе на мажор,

Запросіць **салаўя** на ўрокі спеваў

Начы святлюткай месяц-дырыжор...

Ды гуд **пчаліны**, **спеў і расцвітанне**, –

Усё не раз паўторыцца ізноў,

А ты, хто даў сустрэчу і расстанне,

Гаворыш: не вяртаецца любоў... [1, с. 22]

Акаляючае асяроддзе, прыродныя пейзажы і з'явы часта выкарыстоўваюцца аўтарамі для сімвалічнага прадстаўлення абстрактных ідэй і паняццяў, такіх як жыццё, каханне, расстанне, надзея, свабода, справядлівасць і г. д. У чалавечым мысленні нават існуюць ужо трывалыя сувязі прыродных падзей і адпаведных ім абстрактных паняццяў, настрояў, напрыклад: бура, шторм могуць сімвалізаваць канфлікт, унутраныя перажыванні; вясна – сімвал адраджэння, надзеі, новых пачынанняў, любові; зіма – сімвал адзіноты, смутку; сад – сімвал цішыні і спакою, роздуму.

Паэтка стварае сваю мову прыродных сімвалаў, пераўвасабленняў і знакаў, якая дапамагае ёй больш яскрава і дакладна перадаць пачуццёвы стан яе лірычнага вобраза.

Як бачым з вершаў, прыведзеных вышэй, Раіса Андрэеўна выдатна выкарыстоўвае гэтую мову прыродных сімвалаў у сваіх вершах. Такую мову сімвалізацыі можна адзначыць і ў такіх вершах, як “Шыпшына пры даліне”, “На сцежку выйду палявую”, “Бязмежнасць жыве ў снегападах”, “Разважай пра штормы і спевы” і іншых. Так, у вершы “Зазімак” для перадачы адчаю і надзеі лірычнай гераіні паэтэса выкарыстоўвае сімвал кветкі вяргіні:

Ну як табе пад інеем, **вяргіня**,

ты нібы радасць позняга кахання,

а вось жа кажа: святамі пакіне,

бы абячае раніцы змярканне [1, с. 314].

Відавочна, што ў дадзенай страфе паэтэса малюе кветку, якую ўжо пакрывае першы іней восеньскіх маразоў, адначасова атаясамліваючы вобраз кветкі з вобразам сваёй лірычнай гераіні, якая адчувае такое ж непрадказальнае, моцнае пачуццё кахання, якое як той першы іней хутка кладзецца увосень на зямлю без

папярэджання. Нягледзячы на гэта, лірычная гераіня насцярожана ставіцца да яго, бо ведае, што раней яно прыносіла ёй толькі сум, расчараванне і душэўны боль... Яна цяпер моцная і, не шкадуючы сябе, прызнаецца, што *“не раз мяне кідалі / прывязваючы да надзеі юркай”* [1, с. 314]. Узгадвае, што былыя абраннікі паводзіліся не вельмі годна, *“адны, што караблі, з вачэй знікалі / другія – нібы мышы ў сваіх норках...”* [1, с. 314]. Дадзеныя радкі – роздум гераіні аб усіх тых, хто даваў няспраўджаныя надзеі. Таксама сум па тым, хто мог бы стаць адзіным каханым, але ніяк не рашыўся на першы крок. Верагодней за ўсё, гэта паўтаралася ў жыцці лірычнай гераіні неаднойчы: няспраўджаныя спадзяванні, здрады, эмацыянальны дысбаланс у адносінах з каханым. І гэта ўсё выклікае ў яе дарэчнае пытанне: *“Як заўтра быць?”* [1, с. 314]. Адказвае лірычная гераіня на яго сама: аптымістычна, з пачуццём уласнай годнасці, веры ў сябе і ў будучыню: *“Стаіць жа вунь і без бусла буслянка”* [1, с. 314].

Адной з адметнасцей паэтычнага зборніка “Сад на капялюшыку каханай” вылучаецца частотнае выкарыстоўванне паэтэсай сімвала саду ў вершах. Гэты сімвал сустракаецца ў вершах “Лістапад”, “Хто з нас не ўспомніць пладаносны сад”, “Хмелю расцвіўшага гронка”, “Адшуміць і ясень мой, і клён...”, “Рака”, “Раптам сонечна і блізка”, “11 мая”, “Нехта пазірае ўслед варожа”, “Чуеце зноў наплывае яна” і інш. Паэтычны сад Раісы Баравіковай, як адзначаў І. Штэйнер у прадмове да зборніка “Дрэва для райскай птушкі”, – *“гэта ўнікальна-ўніверсальная з’ява ў вербальным мастацтве радзімы, якая пад рукою майстра набывае самае разнастайнае ўвасабленне”* [2, с. 6]:

Калыша вецер гэты ціхі сад,
Паслухай толькі, музыка якая,
Я не яе, каханы мой, чакала,
Я думала, ты вернешся назад [1, с. 22].

У “Біблейскай энцыклапедыі Брокгаўза” адзначаецца, што *“рай – слова персідскага паходжання і абазначае сад”* [3]. Такое азначэнне слова дае падставу лічыць, што сімвал саду – месца для філасофскіх роздумаў, успрыняцця глыбіннай сутнасці; месца для любоўных адносін і асабістай рэфлексіі.

Так, у вершы “Як ціха яблыні шумяць...” сімвал саду, – гэта ўдалая спроба паэткі стварыць месца, якое з’яўляецца цёплым успамінам, які стварае добрыя ўмовы для цеснай сувязі дачкі з мамай. А ў вершы “А дзень на сад святлом пральцеца” сімвал саду – сумны роздум аб тым, што *“ён адгукнецца, ён з’явіцца, калі кахаў”* [1, с. 197].

Верш “Снег” Раісы Баравіковай наскрозь прасякнуты ўнутранай асабістай рэфлексіяй лірычнай гераіні, прадчуваннем нейкіх зменаў у яе жыцці, дзе іх сімвалам паўстае такая прыродная з’ява, як снег:

Навошта **снег**, калі яшчэ сасне
так радасна ў траву страсаць ігліцу... [1, с. 342].

У радках гэтага верша снег з’яўляецца не толькі сімвалам рэфлексіі, а і працэсу, які прадракае лірычнай гераіні “у змене дзён / да змены будзь гатовай” [1, с. 342]. Снег часам успрымаецца як даволі сумная з’ява, якая абвясчае пачатак зімы – часу, калі ўсё замірае. Таму гэты сімвал у вершы стварае настрой суму і задуменнасці, што адбіваецца на пачуццях лірычнай гераіні, прымушаючы яе верыць у тое, што ўсё скончыцца правалам:

І пойдзе ўсё спачатку...

на другім

узлёце і аўторак, і нядзеля,
і нешта, што здалося дарагім,
завершыцца ізноў абвальнай дзеяй [1, с. 342].

Працэс гэты ўжо не стрымаць. Снег ідзе. Няма часу спыніцца, думаць, меркаваць, пракручваць у галаве здраду, здзейсненую яе каханым, што аказаўся хлусам. Таму лірычная гераіня мусіць змірыцца: “Тэатр дваіх! Ні рэплік, ні авацый!” [1, с. 342] і зноў гэты пачатковы ронд: “Навошта гэты снег?” [1, с. 342].

Такім чынам, вершы са зборніка “Сад на каплюшыку каханай” пранізаны прыроднымі пейзажамі і своеасаблівай баравікоўскай мовай сімвалаў. Кожны элемент, сімвал ці знак прыроды, які выкарыстоўвае паэтэса, – гэта спосаб больш дасканала і тонка паказаць сутнасць лірычнай гераіні. Мова сімвалаў дэманструе розныя эмацыянальныя станы лірычнай гераіні і адлюстроўвае яе ўнутраныя перажыванні. Прырода ў творчасці Баравіковай становіцца не проста аб’ектам назірання, а важным кампанентам паэтычнай творчасці, які дапамагае чытачу ў поўнай меры зразумець пачуцці і думкі лірычнай гераіні вершаў, раскрыць глыбіню яе душы.

Спіс літаратуры

1 Баравікова, Р. А. Сад на капляюшыку каханай: Лірыка. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 486 с. – (Залатая серыя. Паэзія XX стагоддзя).

2 Штэйнер, І. Ф. Самотная ў капелюшы на фоне саду / І. Ф. Штэйнер // Баравікова, Р. А. Дрэва для райскай птушкі : лірыка / Раіса Баравікова. – Мінск : Маст. літ., 2007. – С. 5–7. – (Залатое пярэ).

З Ринекер, Ф., Майер, Г. Библейская энциклопедия Брокгауза: Свет на Востоке. Москва. – URL: <https://fliphtml5.com/bzklq/rjqa/basic> (дата обращения: 20.05.2025).

УДК 821.161.1-31*М.А.Булгаков

Е. Д. Корнева

Науч. рук. – И. Б. Азарова., ст. преподаватель

**ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ
ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ
В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Статья посвящена анализу демонологических героев в романе классика русской литературы XX века М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», акцентируя внимание на их символической роли и литературных прототипах. Воланд, Бегемот и Коровьев-Фагот рассматриваются как сложные образы, воплощающие борьбу за справедливость в мире иллюзий. Автор подчеркивает, что демонические персонажи у Булгакова не сводятся к воплощению зла: они провоцируют рефлексию о природе добра и зла, свободе воли и моральной ответственности.

Демонологические герои в романе «Мастер и Маргарита» часто выступают как символы борьбы за справедливость и истины в мире, где правда скрыта за маской лжи и иллюзий. Их появление и действия неразрывно связаны с темой религии, магии и силы веры.

Воланд и его свита отличаются многообразностью, что объясняется особыми характеристиками этих персонажей как представителей сверхъестественного мира, способных менять облик и предстать перед разными персонажами в различных ролях и масках.

Самый известный демонологический герой в романе – Воланд, который предстает перед читателем в образе дьявола. Он обладает харизмой, интеллектом и обаянием, при этом он саркастичен, жесток и безжалостен к тем, кто не заслужил его милости.

Чтобы понять, кто стал прототипом Воланда, необходимо обратиться к записям Сергея Ермолинского, драматурга и близкого товарища Михаила Булгакова. Он вспоминал, что писатель постоянно твердил: «Не хочу давать поводы любителям разыскивать прототипы. У Воланда никаких прототипов нет» [1, с. 428].

Однако имя Воланд Булгаков взял из поэмы Гёте, где оно упоминается лишь один раз и в переводах на русский язык оно опускается. Воландом называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечисти дать дорогу: «Дворянин Воланд идёт!» [2, с. 81].

В произведении Воланд предстает как эксперт в области чёрной магии, иностранный артист, но его подлинную натуру без проблем распознает Мастер: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с Сатаной» [3, с. 162].

Внешность Воланда остается неопределенной и расплывчатой, описания его облика сильно разнятся. Кто-то видит его невысоким, другие – высоким, а третьи вовсе не могут разглядеть чётких черт. Это, несомненно, одна из его «пассивных» способностей. Кроме того, Воланд обладает даром чтения мыслей, умеет летать, исполнять заветные мечты и стирать души из существования. Границы возможностей Воланда установить невозможно, поскольку, как утверждает-ся в романе, ему подвластно абсолютно всё.

Он не стремится причинять вред людям или издеваться над их слабостями. Его озорство проявляется в беззлобном смехе над человеческими недостатками. Воланд не жесток, умеет прощать и проявлять милосердие. Он наказывает лишь за серьезные пороки: неверие, жадность, чревоугодие и коррупцию. Тех же, кто сохраняет чистоту души, он справедливо вознаграждает.

Бегемот представлен как огромный, говорливый и интеллектуальный кот-оборотень, который умеет разговаривать на человеческом языке. Бегемот часто шутит, шалит и совершает различные шалости, при этом проявляя понимание и сочувствие к героям романа. Он является любимым шутком Воланда. Кот Бегемот в романе имеет напарника в лице Коровьева-Фагота, с которым они вместе творят безумные вещи.

Появление чёрного кота Бегемота в окружении Воланда – не случайность. С давних времён чёрные кошки ассоциируются с тёмными силами и часто упоминаются в преданиях и сказках. В народных поверьях чёрный кот нередко считается воплощением нечистого духа, стремящегося проникнуть в мир людей и выявить их уязвимости. Другое поверье гласит, что чёрный кот – это фамильяр ведьмы, ее своеобразный талисман и защитник.

В древней мифологии имя Бегемот носит демон чревоугодия, что объясняет его постоянную тягу к еде в романе, особенно к деликатесам. Общего у персонажа с его мифологическим прототипом много – только имя и ненасытный аппетит.

По свидетельству второй жены писателя Любви Евгеньевны Белозерской, реальным прототипом Бегемота послужил их домашний кот *Флюшка* – огромное серое животное. Булгаков только сделал Бегемота чёрным, так как именно чёрные коты по традиции считаются связанными с нечистой силой.

В финале романа Бегемот предстает в облике меланхоличного пажа, обреченного на вечные скитания со своим господином. С наступлением рассвета он, как и другие демонические существа, исчезает в место, где для них уготован вечный приют «преданным и избранным».

Коровьев-Фагот – старший помощник Воланда, шутовской персонаж, способный менять свою облик. В свите он выполняет, как правило, черновую работу – путает следы, даёт взятки и развлекает публику фокусами во время представлений чёрной магии.

В последнем полёте Коровьев преображается в мрачного темно-фиолетового рыцаря с неизменно серьёзным лицом. Своеобразным прототипом этого персонажа послужил бакалавр Сансон Карраско, один из основных персонажей булгаковской инсценировки романа «Дон-Кихот» Мигеля де Сервантеса.

Внешность Коровьева-Фагота несуразная, крайне нелепая и комичная: «Ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно. И физиономия, прошу заметить, глумливая» [3, с. 15], «усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, ироничные и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки» [3, с. 45].

Фамилия Коровьев образована по образцу фамилии персонажа повести Алексея Константиновича Толстого «Упырь» статского советника *Теляева*, который оказывается вампиром Амвросием. Как и Теляев у Толстого, Коровьев-Фагот в финальной сцене превращается в рыцаря.

Также Коровьев-Фагот связан и с образами из произведений Федора Михайловича Достоевского. В эпилоге романа «Мастера и Маргариты» названы «четыре Коровкина», задержанных по сходству фамилий с Коровьевым-Фаготом, что осылат к повести «Село Степанчиково и его обитатели», где фигурирует персонаж Коровкин.

Одной из главных особенностей демонологических героев в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» является их необычность и загадочность. Эти персонажи обладают сверхъестественными способностями и могут изменять реальность по своему усмотрению.

Демонологические герои часто выступают как символы борьбы за справедливость и истины в мире, где правда скрыта за маской лжи

и иллюзий. Их появление и действия неразрывно связаны с темой религии, магии и силы веры. Эти персонажи не только вызывают страх и тревогу, но и провоцируют к размышлению о природе добра и зла, свободе воли и ответственности. Воланд, как олицетворение дьявола, одновременно является носителем истины, способным вскрыть лицемерие общества и показать его противоречия.

Сверхъестественные персонажи романа «Мастер и Маргарита» – это не просто фигуры зла, а сложные образы, способствующие глубинному анализу человеческих страстей и моральных дилемм. Роман Булгакова обретает универсальность и актуальность, исследуя вечные вопросы человеческого существования и предоставляя читателю возможность самому определить грань между добром и злом.

Список литературы

- 1 Булгакова, Е. С. Воспоминания о М. Булгакове: сборник / Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. – М: Советский писатель, 1988. – 528 с.
- 2 Гёте, И. В. Фауст / И. В. Гёте. – М.: АСТ, 2018. – 544 с.
- 3 Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. – 480 с.

УДК 811.161.1'221.2:821.161.1-3

Э. Н. Костюк

Науч. рук. – Н. А. Сивакова, канд. филол. наук, доцент

РУКОПОЖАТИЕ КАК ЖЕСТ ПРОЩАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ)

Исследование посвящено анализу символики жеста «рукопожатие» в коммуникативной ситуации прощания в произведениях русской классической литературы. Научная новизна заключается в рассмотрении данного жеста в контексте межличностных отношений персонажей произведений, а также в выявлении его вариаций. Цель исследования – определить функции и значение прощального рукопожатия в произведениях русской литературы. В процессе анализа контекстов было выявлено, что рукопожатие не только обозначает момент расставания, но и может выражать надежду на будущую встречу, поддержку, благодарность, проявление искреннего понимания собеседника и заверение в сохранении добрых отношений.

Невербальная коммуникация представляет собой систему знаков, предназначенных для сопровождения вербального сообщения или для передачи информации, иногда противоречащей сказанному. Эта форма общения обладает чётко установленными значениями и может рассматриваться как особая знаковая система. В отличие от вербальной коммуникации, которая строится на словах и грамматических конструкциях, невербальная коммуникация использует жесты, мимику, позы, выражение глаз и интонацию как основные средства передачи информации.

Жесты играют важную роль в поддержании общения и особенно заметны в ситуациях прощания, когда они помогают выразить эмоции и отношения между людьми. Жесты прощания включают в себя различные формы движения рук, головы, тела, которые сопровождают слова или заменяют их. Такие жесты помогают выразить уважение, благодарность, сожаление или надежду на будущую встречу.

Г. Е. Крейдлин сравнивает жесты с единицами языка и определяет их как «символические знаки», формирующие «лексикон языка тела, так же, как и слова составляют словарь естественного языка» [1, с. 48]. С их помощью можно передавать мысли, чувства, идеи, а также выражать эмоции. В ситуациях прощания невербальная коммуникация приобретает особое значение – прощальные жесты могут сопровождать расставание.

Одним из наиболее распространенных жестов прощания является рукопожатие, которое служит знаком уважения, доверия и признательности. Прощальное рукопожатие – невербальный знак, который играет важную роль в межличностном взаимодействии. Этот жест сопровождает расставание, подчеркивая его значимость и эмоциональную глубину. В отличие от приветственного рукопожатия, которое символизирует начало контакта, в русской классической литературе рукопожатие при прощании используется не только как формальный акт завершения встречи, но и как выражение уважения, признательности, поддержки и надежды на будущую встречу, благодарность за проведенное время вместе или поддержку в трудные моменты.

Анализ произведений русской литературы XIX века позволит глубже понять роль жестов прощания в русской культуре. Фактический материал исследования составили тексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2], включающие произведения таких авторов, как Ф. И. Тютчев, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь,

А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, М. Ю. Лермонтов. Поиск ключевых слов, связанных с жестом рукопожатия и его употреблением в контексте прощания, позволил выявить значительное количество примеров, которые являются репрезентативными и дают возможность провести детальный анализ рукопожатия как жеста прощания в литературных произведениях.

Теоретическую основу нашего исследования составил семиотический подход, разработанный Г. Е. Крейдлиным, который он использовал при описании смысла и функций невербальных прощаний как основных типов жестовых касаний. Отобранные нами контексты воспроизводят акт тактильного взаимодействия на расстоянии протянутой руки. Мы составили список критериев, по которым будем анализировать контексты, содержащие жест рукопожатия. В ситуациях с жестом «рукопожатие» мы будем учитывать:

1) *пол* участников коммуникации (он и он, он и она, она и она, он и они);

2) *симметричность / несимметричность* выполняемых знаковых действий;

3) *количество* исполняемых в них жестов (есть ли дополнительные);

4) *наличие / отсутствие речевой части*, то есть обязательного речевого сопровождения в виде особых формул, парязыковых клише и т. п.;

5) дополнительные *индивидуальные характеристики* жестикулирующего или эмоциональное состояние.

Коммуникативные ситуации, связанные с прощальным рукопожатием, обычно происходят в значимые моменты, подчеркивая особые отношения между героями. Например, сцены расставания могут быть связаны с вынужденным отъездом одного из персонажей, разрывом отношений, завершением дружбы или даже с окончанием важного жизненного этапа. В таких случаях рукопожатие становится символом завершенности, оставляя в памяти героев и читателей гамму чувств и эмоций, сопровождающих момент прощания.

В дворянском обществе «ритуал» прощания строго соблюдался, и любое отклонение от установленных норм могло нести дополнительный смысл. Особенно это касалось рукопожатия, которое играло важную роль в общении между представителями дворянства. В ситуациях, когда участниками прощания являются мужчины, их жесты отличаются симметричностью, подчеркивающей равенство и взаимное

уважение. Полное соответствие жестов друг друга чаще всего наблюдается, если коммуникация носит формальный или дружеский характер и ее участники выступают как равноправные партнеры. В таких случаях субъектом действия часто является местоимение «мы», что подчеркивает единство участников общения: *«Только ты не иди за мной... Мы завтра увидимся. Прощай! И, торопливо пожав мою руку, Фустов направился к гостинице Яр»* (И. С. Тургенев). Однако в некоторых случаях рукопожатие могло быть асимметричным, особенно если один из участников занимал высокий социальный статус или выражал определенные эмоции, почтение или нежелание продолжать общение: *«Германн пожал ее холодную, безответную руку, поцеловал ее наклоненную голову, и вышел»* (А. С. Пушкин).

Кроме того, в литературе XIX века особое значение имели речевые конструкции, используемые в прощаниях. Во многих случаях они включали упоминание рукопожатия как символа уважения, доверия и крепкой связи между собеседниками. Такого рода формулы были не только традиционными, но и отражали характер межличностных отношений в дворянском обществе того времени: *«Вечером встретимся? – Непременно. – Так вот и прекрасно: там нам будет время побеседовать и об именах и об именовсах. С этим протопоп пожал руку своего компаньона, и они расстались»* (Н. С. Лесков).

Рукопожатие при прощании между мужчинами и женщинами чаще всего имеет симметричный характер, сопровождается вербальным приветствием и может быть дополнено различными жестами – поклоном, взглядом, легкой улыбкой. Когда участником коммуникации становится женщина, она обычно первой протягивает руку для формального прощания, что подчеркивает установленные нормы этикета: *«Доктор кивнул два раза головой, неловко пожал протянутую княжной руку и молча пошел к своей шубе»* (А. П. Чехов).

Если инициатором жеста прощания между женщиной и мужчиной выступает мужчина, это может свидетельствовать о том, что рукопожатие выполняет не только приветственную функцию, но и несет дополнительный смысл. В некоторых ситуациях этот жест может быть воспринят как знак внимания или уважения, но, если он происходит на глазах у других, приобретает оттенок осторожности и демонстративности: *«Фигура ничего не ответила, но тронулась тихо вдоль стены к двери, как китайская тень. Это была Маша. Истомин взял ее за руку и крепко поцеловал в ладонь. Когда я пожал руку Мани, рука эта была холодна как лед»* (Н. С. Лесков).

Прощальное рукопожатие может выражать уважение между собеседниками. Герои произведений, прощаясь, используют этот жест, чтобы подчеркнуть взаимное признание, доверие. Оно демонстрирует, что между людьми сохраняется хорошее отношение. В некоторых случаях рукопожатие становится заверением в крепости дружбы, связей. В произведениях этот жест может символизировать дружбу, уважение между товарищами: *«Я поеду на Каменный навещать графа Панина. Им дальше было не по дороге. Граф остановил коня и крепко, дружески пожал офицеру руку»* (Н. С. Лесков).

Кроме того, прощальное рукопожатие может выражать благодарность. Герои, которым оказана помощь, нередко используют этот жест, чтобы показать признательность. В подобных ситуациях рукопожатие приобретает особый смысл – оно становится способом выражения чувств, которые сложно передать словами. Персонаж, покидающий сцену, может оставить сильное впечатление благодаря жесту, показывающему его отношение к другому человеку. *«Я пошутил, – сказал он наконец. – Не бойся. – О, благодарю вас! – сказал я и, полный благодарности, пожал ему руку»* (А. П. Чехов).

Таким образом, прощальное рукопожатие в русской классической литературе – это не просто формальный жест, а символ, передающий глубокие эмоции и отношения между персонажами. Оно подчеркивает уважение, поддержку, благодарность и надежду на встречу в будущем. В зависимости от контекста этот жест может приобретать разные значения, но неизменно остается важным элементом межличностной коммуникации, отражающим характер взаимодействий между героями. Данный жест играют важную роль в невербальной коммуникации в литературных произведениях, помогая персонажам выразить эмоции, отношения и намерения, а также подчеркнуть значимость момента расставания. Их изучение позволяет лучше понять особенности межличностных взаимодействий как в художественной литературе, так и в реальной жизни.

Список литературы

1 Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

2 Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.05.2025).

А. Д. Масляк

Науч. рук. – И. Б. Азарова, ст. преподаватель

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена проблеме повышения эффективности запоминания учебного материала на уроках литературы, что особенно актуально в условиях перегрузки учащихся и необходимости развития не только памяти, но и критического мышления, творческих и эмоциональных навыков. Примеры из классических произведений («Война и мир», «Преступление и наказание») иллюстрируют практическую ценность методов, подчёркивая их роль в формировании аналитических навыков и устойчивых ассоциаций.

Мнемотехники – это методы, облегчающие запоминание информации через ассоциации, структурирование и визуализацию. Их эффективность подтверждена исследованиями в области когнитивной психологии, нейронаук и педагогики. Использование этих методов на уроках литературы не только улучшает память, но и развивает критическое мышление, творчество и эмоциональный интеллект учащихся.

При использовании этих приемов учитывать возраст учащихся. Для младших и средних школьников важен аспект на эмоции и движения (инсценировки). Глубокая семантическая обработка будет приемлема для старших школьников.

Также стоит избегать перегрузки. Нужно дозировать информацию в соответствии с объемом рабочей памяти.

1 Метод ассоциаций

Суть: Связывание новой информации с уже существующими знаниями или эмоциональными образами.

Научное обоснование:

Гиппокамп и миндалевидное тело (амигдала): Гиппокамп отвечает за формирование контекстуальных связей, а амигдала кодирует эмоциональный компонент. Как отмечает Гоулман (1995), исследования Джозефа Леду продемонстрировали, что «миндалевидное тело выступает ключевой структурой в формировании эмоциональных реакций, что подтверждается современными нейробиологическими исследованиями» [1, с. 3].

Теория двойного кодирования А. Пайвио гласит: «Информация, закодированная вербально и визуально, запоминается лучше» [2, с. 56]. Например, ассоциация героя Собакевича с медведем активует оба канала.

2 Метод локусов (дворец памяти)

Суть: Привязка информации к пространственным образам.

Научное обоснование:

Гиппокамп и пространственная память. Исследования Дж. О'Кифа подтверждают: «Метод локусов использует врождённую способность гиппокампа к пространственному запоминанию» [3, с. 72].

Нейропластичность: Регулярное использование пространственных ассоциаций укрепляет нейронные сети в теменной коре.

Пример из литературы: Восстановление сюжета «Капитанской дочки» через «прогулку» по ключевым локациям.

3 Акронимы и акростихи

Суть: Использование сокращений или стихов для структурирования информации.

Научное обоснование:

Рабочая память (модель Бэддели): Объём рабочей памяти ограничен (7 ± 2 элемента). Акронимы сокращают нагрузку, группируя информацию в единицы (чанки).

Фонологическая петля: Ритм и рифма акростихов улучшают удержание в вербальной памяти.

Пример из литературы: Акроним «ОСЕНЬ» для тем лирики Лермонтова (Одиночество, Свобода, Эпоха, Нравственность).

4 Визуализация и ментальные карты

Суть: Создание схем, инфографики или рисунков.

Научное обоснование:

Зрительная кора и образная память: 30 % коры мозга участвует в обработке визуальной информации. «Визуализация задействует затылочные и теменные доли, усиливая запоминание» [4, с. 50].

Теория когнитивной нагрузки: «Визуальные схемы снижают когнитивную нагрузку, распределяя информацию между вербальным и визуальным каналами» [5, с. 127].

Пример из литературы: Ментальная карта для анализа системы образов в «Войне и мире».

5 Игры и интерактив

Суть: Использование игровых форматов для повторения.

Научное обоснование:

Дофаминовая система: Игры стимулируют выброс дофамина, который усиливает мотивацию и консолидацию памяти.

Теория деятельностного подхода: «Запоминание эффективнее, если информация включена в активную деятельность» [6, с. 150].

Пример из литературы: Викторина по цитатам из «Горя от ума» с балльной системой.

6 Метод историй (цепочки)

Суть: Объединение элементов в логический сюжет.

Научное обоснование:

Эпизодическая память: «Мозг лучше запоминает информацию, организованную в последовательности, напоминающие “истории”» [7, с. 95].

Нейронные сети default mode network (DMN): Активируется при создании нарративов, связывая новые данные с личным опытом.

Пример из литературы: Запоминание этапов духовного пути Раскольникова через метафору «пути из тьмы к свету».

7 Интервальное повторение

Интервальное повторение – это методика, основанная на повторении учебного материала через возрастающие промежутки времени, что позволяет эффективно переносить информацию из кратковременной в долговременную память. Например, для анализа романа «Война и мир» учащимся необходимо удерживать в памяти десятки персонажей, их взаимоотношения и ключевые эпизоды, что сложно достичь за счёт однократного прочтения.

Интервальное повторение помогает систематизировать знания и избежать «перегрузки». При изучении поэзии повторение через определённые интервалы способствует запоминанию метафор, ритма и скрытых смыслов. Эмоционально насыщенные сцены, например, гибель Базарова в «Отцах и детях», закрепляются в памяти за счёт периодического возвращения к ним в ходе обсуждений и письменных работ.

Примеры применения:

Расписание повторений для романа «Преступление и наказание»:

День 1: Чтение части 1.

День 3: Анализ мотивов Раскольникова.

День 7: Сопоставление с «Мёртвыми душами» Гоголя.

День 30: Эссе на тему «Философия сверхчеловека в русской литературе».

8 Интеграция в учебный процесс:

Домашние задания: Составление хронологических таблиц для произведений с нелинейным сюжетом («Герой нашего времени»).

Контрольные работы: Тесты с вопросами, требующими вспомнить материал.

Таким образом, применение мнемотехник на уроках литературы не только улучшает запоминание, но и развивает критическое мышление, творчество и эмоциональный интеллект учащихся. Научная база подтверждает эффективность этих методов. Важным аспектом является адаптация приёмов к возрастным особенностям. Интеграция цифровых инструментов с традиционными формами работы (анализ текстов, эссе) превращает изучение литературы в осмысленный процесс, избегая механического заучивания.

Список литературы

- 1 Леду, Дж. Эмоциональный мозг / Дж. Леду. – М.: Мир, 2018. – С. 3–5.
- 2 Садоски, М., Пайвио, А. Образы и текст: Теория двойного кодирования в чтении и письме / М. Садоски, А. Пайвио. – Лондон: Routledge, 2013. – С. 56–57.
- 3 О’Киф, Дж. Метод локусов и пространственное запоминание / Дж. О’Киф // Нейронаука и когнитивные исследования. – 1989. – № 4. – С. 70–75.
- 4 Хабери, Р. Визуализация и нейронные механизмы памяти / Р. Хабери // Журнал когнитивной нейронауки. – 2010. – № 5. – С. 45–60.
- 5 Свеллер, Дж. Когнитивная нагрузка и визуальное обучение / Дж. Свеллер // Журнал педагогической психологии. – 1988. – № 3. – С. 123–135.
- 6 Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2005. – 352 с.
- 7 Тульвинг, Э. Эпизодическая и семантическая память / Э. Тульвинг // Когнитивная психология. – 1972. – № 3. – С. 89–104.

УДК 37.091.33:004.9:821.161.1

Т. С. Моисеенко

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются возможности применения технических средств обучения (ТСО) в преподавании русской литературы.

На основе анализа теоретических источников и практического опыта автора выделены ключевые функции ТСО, их классификация, психологические аспекты использования, а также предложены методические рекомендации для педагогов. Особое внимание уделено балансу между традиционными и цифровыми методами обучения.

Современный образовательный процесс немыслим без интеграции технологий. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности уроков литературы через использование таких технических средств обучения, как интерактивные доски, мультимедийные презентации, аудиозаписи и цифровые платформы. Важно отметить, что их применение требует методически грамотного внедрения в учебный процесс, чтобы избежать перегрузки учащихся и сохранить глубину восприятия художественных текстов. Сосредоточим внимание на характеристике функций технических средств обучения. По мнению исследователя Шарун Е. В., можно выделить три основные функции:

1 *Познавательная* – передача информации через мультимедийные форматы, что позволяет наблюдать то, что недоступно обычному восприятию.

2 *Формирующая* – развитие у учащихся познавательных способностей, эмоциональной сферы и чувственного восприятия.

3 *Дидактическая* – упрощение проверки знаний (например, через интерактивные тесты) и стимулирование познавательной активности [1, с. 79]. Как правило, реализация приведённых функций в единстве их взаимодействия обеспечивает эффективность решения вопросов, связанных с изучением произведений художественной литературы.

Что касается классификации технических средств обучения, то в методике преподавания филологических дисциплин возможным является использование таких, как аудиальных, визуальных и аудиовизуальных. Следует обратить внимание на то, в чём конкретно проявляется эффективность использования каждого из вышеназванных средств обучения:

– *аудиальные* (аудиокниги, подкасты, фонохрестоматии, которые, исходя из материалов исследования И. Г. Захаровой, «оживляют процесс изучения литературы» [2, с. 78]);

– *визуальные* (презентации, инфографика, интерактивные схемы) помогают успешно структурировать учебный материал;

– *аудиовизуальные* (экранизации, виртуальные экскурсии по музеям-усадьбам писателей через Google Earth) обеспечивают более глубокое восприятие их биографических сведений, а также осмысление творческой концепции того или иного автора.

Проведённый анализ теоретических исследований по методике преподавания литературы свидетельствует о том, что мультимедийные форматы улучшают запоминание на 40% (например, при изучении лирики Серебряного века сочетание аудиозаписей с визуальными образами создаёт синестетический эффект). При этом нельзя забывать, что использование аудиовизуальных средств, а также аудиальных и визуальных требует учитывать факт дозирования времени:

1 Оптимальное время работы с цифровыми инструментами – 15–20 минут для младших школьников и 25–30 минут для старшеклассников.

2 Важно чередовать ТСО с традиционными методами, например, после анализа отдельных эпизодов романа через интерактивную схему нужно обязательно возвращаться к полному тексту (выразительному чтению, пересказу, словесному рисованию, к эвристической беседе).

Собственный педагогический опыт как учителя-практиканта по применению технических средств обучения на уроках русской литературы позволил убедиться в эффективности их использования.

В 5 классе при изучении рассказа А. П. Чехова «Каштанка» были использованы, например, аудиозаписи в исполнении профессиональных актёров с последующим созданием иллюстраций (бумажных или цифровых), а также интерактивная викторина (была предложена учащимся в игровой обучающей платформе Kahoot!) на узнавание персонажей. По результатам проведённого в этом классе анкетирования было выявлено, что использование аудиозаписей и викторины позволило повысить эмоциональную вовлечённость учащихся на 32 %.

В 8 классе при анализе повести В. Г. Короленко «Парадокс» применялись аудиозаписи монологов и дискуссионные слайды в Google Slides с цитатами и современными представлениями учащихся о событиях, описанных в данном произведении, что способствовало более глубокому пониманию и усвоению его философской проблематики. В данном случае, благодаря опросу учащихся, насколько применённые методы изучения повести В. Г. Короленко «Парадокс» с использованием ТСО были интересными, также их ответы были положительными: повышение мотивации учащихся при изучении повести составило 85 %.

Исходя из собственных наблюдений, можно сделать следующие выводы: улучшилось качества анализа текстов за счёт наглядности; имело место развитие навыков критического мышления при сравнении литературных текстов с их экранизациями.

Учителю-предметнику важно учитывать методические рекомендации по использованию технических средств обучения, к которым можно отнести следующие:

1 Сочетание методов: ТСО должны дополнять, а не заменять чтение и анализ текста. Как отмечал К.Д. Ушинский: «Если вы входите в класс, от которого трудно добиться слова, начните показывать картинки...» [3, с. 34].

2 Использование визуализации для изучения сложных тем, например, интерактивных схем композиции «Евгения Онегина».

3 Контроль цифровой нагрузки: «цифровые паузы» каждые 20 минут с физическими упражнениями.

4 Вовлечение учеников в создание контента: буктрейлеров, подкастов, ментальных карт в цифровых сервисах типа Canva.

5 Дифференциацию заданий: тренажёры для слабых учеников и анализ экранизаций для сильных.

Таким образом, при грамотном применении технические средства обучения становятся мощным инструментом для углублённого изучения литературы, что подтверждается как теоретическими исследованиями, так и практическим опытом. Ключевой принцип – соблюдение баланса: технологии должны усиливать эмоциональное восприятие и критическое мышление, не подменяя живое взаимодействие с текстом. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение влияния ИИ-инструментов (например, персонализированных рекомендаций для учащихся) на качество обучения литературе, а также разработка комплексных методик внедрения цифровых технологий в традиционный урок словесности.

Список литературы

1 Шарун, Е. В. Использование технических средств обучения на уроках русского языка и литературы / Е. В. Шарун // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар : Новация, 2016. С. 78-82. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/187/9714/> (дата обращения: 23.03.2025).

2 Захарова, И. Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Г. Захарова. – М. : Академия, 2003. – 192 с.

3 Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения. Т. 1 / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1988. – 416 с.

УДК 811.161.3'42:003.071:821.161.3-31*А.Адамович

С. П. Попенкова

Науч. рук. – Е. Л. Гречаникова, ст. преподаватель

РОЛЬ ЭПИГРАФОВ В ПОВЕСТИ А. АДАМОВИЧА «ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ»

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данного аспекта в литературоведении, несмотря на значимость повести в контексте современной белорусской прозы. В ходе исследования выявлено, что эпиграфы используются как средство раскрытия авторской позиции, для обозначения тематической доминанты, создания интертекстуального диалога, усиления эмоционального воздействия. Научная новизна заключается в систематизированном анализе роли эпиграфов как важных элементов художественной структуры, выявлении ключевых функций эпиграфов в повести А. Адамовича.

*Калісь глядзеў на сонца я,
Мне сонца асляпіла вочы.
Максім Багдановіч, “Трыялет”.*

Эпиграф, то есть короткий текст, цитата или высказывание, предваряющий художественное произведение, как правило, тонко намекает на главную мысль автора, может указывать на основную тему, задавать направление читательского восприятия и интерпретации, создавать связь между произведениями, авторами и культурными контекстами. Система эпиграфов, предваряющих шестнадцать глав повести «Последняя пастораль» Алеся Адамовича, является важным смысловым и эстетическим компонентом художественного целого, направляющим развитие сюжета и раскрывающего авторский замысел. Исследование и анализ эпиграфов, их культурных источников и функциональной нагрузки позволяют глубже понять авторскую концепцию.

В литературоведении существует несколько различных вариантов классификации эпиграфов. В работах Н. А. Кузьминой и И. В. Арнольда производятся попытки классифицировать эпиграфы по функциональному признаку [1, с. 60, 8, с. 8], по источнику происхождения [2], в статье И. Г. Беляевой «Литературный эпиграф как катализатор включения предваряемого им текста в различные типы коммуникации» – по диалогической направленности [3, с. 23], у Е. Д. Горячевой в статье «Функционально-прагматический потенциал эпиграфа в художественном тексте» – по содержательной функции [4, с. 35]. Однако ни одна из названных классификаций не может быть представлена как исчерпывающая, поскольку не исключает другие, кроме того, многие эпиграфы могут не иметь чёткой соотносённости с той или иной группой даже в рамках одной и той же классификации.

В процессе анализа эпиграфов в повести «Последняя пастораль» были выделены следующие функциональные группы:

1 Эпиграфы как смысловые ориентиры и средство создания **тематической доминанты**. Подобные эпиграфы акцентируют внимание на ключевых темах и мотивах, выполняют функцию смысловых ориентиров, задавая определенную тональность повествованию. Они также могут служить своеобразными маркерами, направляющими читателя в интерпретации сложных и неоднозначных образов и ситуаций.

Так, одним из эпиграфов к первой главе выступают строки Максима Богдановича (*“Калісь глядзеў на сонца я, // Мне сонца асляпіла вочы”* [5, с. 495]), акцентирующие внимание читателя на проблеме ослепления человечества достижениями науки и техники, утраты чувства опасности и чувства меры, невнимательности человечества по отношению к природе и последствиям собственных действий.

Эпиграф к третьей главе, взят из поэмы Янки Купалы (*“Яна і я”*):

*“Раем на зямлі выглядываў наш сад,
Я ў ім – Адам, яна ў ім – Ева,
Ў раі гэтым вецёр быў нам бог і сват,
Вецвямі шлюб давала дрэва...”* [5, с. 498].

Рассказ об Адаме и Еве в райском саду и последующее изображение генетических мутаций и уродств в самой главе, подчёркивают проблему деградации человечества и утраты нравственных ориентиров.

2 Эпиграфы как **средство раскрытия авторской позиции**. Такого рода эпиграфы позволяют А. Адамовичу акцентировать внимание на тех проблемах и вопросах, которые он считает наиболее важными.

В качестве примера выражения авторской позиции можно обратиться к одному из эпиграфов первой главы – словам профессора Бейнбриджа, произнесённым им после первого в истории ядерного взрыва: «*Все мы теперь сукины дети!*» [5, с. 495], в котором А. Адамович выражает обеспокоенность человеческим легкомыслием и возлагает на человечество ответственность за фатальные последствия ядерной катастрофы.

3 Эпиграфы как средство **создания интертекстуального диалога** (историко-культурный контекст, обращение к научному знанию).

Можно сказать, что практически все эпиграфы в «Последней пасторали» вступают в интертекстуальные связи с другими произведениями литературы, философии и культуры. Они расширяют смысловое поле повести, обогащают новыми ассоциациями и интерпретациями и позволяют читателю увидеть произведение белорусского автора в широком культурном контексте. Цитирование Библии (Книга Иова) и древнеиндийских трактатов («Сатапатха-Брахмана», «Бхагават-Гита»), а также использование в качестве эпиграфов белорусской поэзии свидетельствует о стремлении автора продемонстрировать универсальный характер апокалиптических мотивов, проблемы гибели человечества в мировой культуре, связать «Последнюю пастораль» с национальной культурой и фольклорными традициями. В ряде глав повести эпиграфы, относящиеся к той или иной главе, могут вступать в диалогические отношения.

В первой и заключительной главах А. Адамович обращается к научной мысли. Начало повести, как отмечалось выше, открывается словами профессора Бейнбриджа, произнесёнными им в момент взрыва первого в истории ядерного устройства. Эпиграфом к заключительной главе становится формула Альберта Эйнштейна « $E = mc^2$ » [5, с. 594], которая в тексте интерпретируется как «рутинный физический процесс превращения, энтропии, падения энергии в ничтожно малом уголке Вселенной» [6, с. 217]. Этим автор противопоставляет безэмоциональное научное знание гуманистической концепции. Формула « $E = mc^2$ » не несёт зло сама по себе, но, использованная в качестве финальной фразы, становится символом уничтожения планеты и всего живого.

4 Эпиграф как средство **усиления эмоционального воздействия**. Эпиграфы с такой первостепенной функцией создают определённый эмоциональный фон, помогают глубже прочувствовать трагизм происходящих событий.

Например, использование экспрессивных высказываний («*Все мы теперь сукины дети!*» [5, с. 495]) и философских афоризмов

(«Сколько бы камня ни обтесала нация, он идёт большей частью на её гробницу» Генри Торо [5, с. 544].) усиливает эмоциональное напряжение и подчёркивает трагизм безвыходной ситуации, в которой оказались последние жители планеты.

Эпиграф к пятой главе из поэмы Янки Купалы “Яна і я”: “У хаце ўжо маёй будзь гаспадыняй – Няма ў мяне нікога, проч цябе; Сядзь на пачэсны кут, мая багіня, І будзем думы думаць аб сабе” [5, с. 515]: и последующее описание каменной норы вместо уютного дома, почти идиллического быта пары в нечеловеческих условиях создают контраст, выявляющий пропасть между прошлым и настоящим. Тут же автор иронично использует фразу “Няма ў мяне нікога, проч цябе” [5, с. 515] позволяя читателю прочувствовать буквальность этих слов в тексте, ведь у главных героев действительно нет никого, кроме друг друга.

Итак, правомерно выделить следующие функциональные группы эпиграфов в повести А. Адамовича «Последняя пастораль»:

- эпиграфы как средство создания **тематической доминанты**;
- эпиграфы как **средство обозначения авторской позиции**;
- эпиграфы как средство **создания интертекстуального диалога**, связей с текстом культуры в целом и научным знанием в частности;
- эпиграфы как средство **усиления эмоционального воздействия**.

Список литературы

1 Кузьмина, Н. А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н. А. Кузьмина – Вестник Омского ун-та 1997. – № 2. – С. 60–63.

2 Классификация литературных эпиграфов. – URL: https://studexpo.net/956900/literatura/klassifikatsiya_literaturnyh_epigrafov (дата обращения: 08.04.2025).

3 Беляева, И. Г. Литературный эпиграф как катализатор включения предваряемого им текста в различные типы коммуникации / И. Г. Беляева // Глобальный научный потенциал. – № 11 (68). – 2016. – С. 23–27.

4 Функционально-прагматический потенциал эпиграфа в художественном тексте. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno> (дата обращения: 08.04.2025).

5 Адамович, А. М. «Последняя пастораль. Повести. Рассказы» / А. М. Адамович. – М. : Советский писатель, 1989. – 640 с.

6 Смирнова, А. И. «Последняя пастораль» Алеся Адамовича и «антология предупреждений» конца XX века / А. И. Смирнова. – URL: pedpsyjournal.mgpi.ru. (дата обращения: 08.04.2025).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 37.091.33:811.161.1'354

Т. В. Гарусова

Науч. рук. – О. Н. Мельникова, канд. филол. наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется природа формирования орфографического навыка и факторы, влияющие на орфографическую зоркость учащихся. Теоретическое осмысление данной проблемы неразрывно связано с дидактической задачей поиска наиболее рациональных методов и приёмов обучения орфографии. Представлена система упражнений, направленных на формирование орфографических умений и навыков.

Особой разновидностью речевого навыка является орфографический навык. Орфографический навык – это навык письменной речи. По мнению методистов, своеобразие процесса формирования навыков орфографии состоит в том, что «он складывается из двух переплетающихся линий: изучения непосредственно орфографического материала и занятий по орфографии в период изучения других программных тем» [1, с. 152].

Чтобы опознать орфограмму определённого типа и проверить её, необходимо знать:

- природу данного орфографического явления, то есть принцип, которому оно подчиняется;
- орфографическое поле, необходимое для проверки;
- опознавательные признаки данной орфограммы;
- умения, необходимые для проверки орфограммы данного типа [2, с. 101].

Чтобы успешно освоить орфографию, школьникам необходимо не просто заучивать правила, а уметь безошибочно применять их на практике. Любая неточность в применении правила может привести к ошибкам. Важно понимать, что орфография тесно связана с грамматикой, и успешное правописание требует глубокого понимания структуры языка. Процесс обучения орфографии должен быть

построен таким образом, чтобы ученик, опираясь на теоретические знания и выполняя практические упражнения, постепенно осознавал каждый орфографический случай и, следуя правилам, формировал устойчивый навык грамотного письма.

Процесс формирования орфографических умений и навыков проходит следующие этапы:

1 Мотивационный этап: желание выразить свои мысли на бумаге.

2 Осознание необходимости проверки правописания. Учебная ситуация, требующая письменного ответа, заставляет ученика задуматься о правильности написания слов и их сочетаний. Понимая важность грамотности, он формулирует цель – писать без ошибок, и определяет задачу – научиться проверять орфограммы.

3 Поиск способа решения задачи: школьник обращается к грамматическим правилам, стараясь понять, какое из них применимо в конкретном случае. Он осознает последовательность действий, необходимую для решения орфографической задачи.

4 Составление алгоритма. Ученик разрабатывает план проверки, разбивая задачу на отдельные шаги. Он последовательно проверяет орфограмму, следуя каждому пункту алгоритма.

5 Многократное повторение действия по правилу, в различных условиях и с возрастающей сложностью, позволяет закрепить полученные знания. Алгоритм постепенно упрощается, а скорость выполнения увеличивается.

6 Появление элементов автоматизма. Алгоритм «сворачивается», а тренинг и упражнения способствуют усилению автоматических навыков. На этом этапе ученик способен самостоятельно контролировать и проверять свою работу, что приводит к безошибочному письму [3, с. 464].

Важно понимать, что лучше всего правописание усваивается, когда ученик осознанно подходит к процессу. Осознанное письмо – это когда человек пишет, опираясь на правила орфографии, учитывающие особенности произношения, значения и другие характеристики слов. Успех в обучении правописанию напрямую связан с тем, насколько хорошо и вовремя ученики понимают, что слово – это важная часть языка.

Для развития навыков грамотного письма используют различные упражнения. При этом важно учитывать, насколько хорошо ученики уже знают правила, насколько развита их речь и в какой языковой среде они растут.

Чтобы помочь ученикам писать грамотно, важно подбирать упражнения, которые развивают их «орфографическую зоркость» – умение видеть места, где можно допустить ошибку.

К орфографическим упражнениям традиционно относятся списывание и диктанты.

При выполнении списывания особую значимость приобретает зрительная и моторная память. Списывание может быть двух видов: осложненное (с пропуском орфограмм) и неосложненное (без пропуска орфограмм).

Чтобы научить учеников находить орфограммы и правильно писать, часто используют простое списывание. Суть этого метода в том, что дети переписывают текст, попутно выполняя определенные задания. Примерами такого вида работы могут выступать следующие упражнения:

1 Списывание с акцентом на орфограммы. Ученики переписывают текст, но при этом подчеркивают или выделяют нужные орфограммы, чтобы обратить на них внимание.

2 Выборочное списывание. Детям предлагается выписать из текста только те слова, в которых есть определенные орфограммы, например, слова с безударной гласной в корне.

3 Списывание с классификацией. Ученики переписывают слова из текста, группируя их по типам орфограмм. Например, в одну группу слова с проверяемой безударной гласной, в другую – с непроверяемой.

Такие виды списывания помогают не просто механически переписывать текст, а осознанно анализировать слова и применять правила правописания.

Приведём пример осложнённого списывания с группировкой слов по орфограммам.

Распределите слова по столбикам. В первый запишите слова в которых пишется буква и, во второй – слова с буквой ы. Объясните написание приставок.

Сверх..зысканный, вз..мать, пост..нфарктный, без..сходность, вз..скательный, с..знова, пред..юльский, с..мпровизировать, дез..нформировать, меж..нститутский, под..сканный, пред..дущий, под..тожить, суб..нспектор.

Пример осложнённого списывания с заданием:

Спишите и вставьте пропущенные буквы, подчеркните в словах известные орфограммы, укажите в скобках проверочные слова.

Как ч...дес...но гулять под д...ждём в л...су! Летний дож...ь тёплый. В гор...де в такую п...году сыро. А в л...су з...мля быстро вп...тает влагу. Ты идёшь по мя...кому к...вру из сухих листьев и иголок. Т...шину леса нарушает шум д...ждя.

Важнейшим из видов письменных работ для проверки и закрепления знаний, тренировки орфографических навыков учащихся является диктант – вид орфографического упражнения, сущность которого для учащихся состоит в записи воспринимаемого на слух текста.

По характеру записи текста диктанты разделяют на:

- 1) дословные (текстуальные), в которых текст (связный, отдельные предложения, слова) записывают без всяких изменений;
- 2) диктанты с изменением текста.

В процессе проведения диктанта также можно применять игровые приёмы. Примером реализации подобного приёма является игра «Найди общее». Учащимся предлагаются несколько слов. Им нужно назвать орфограмму, которая объединяет эти слова, и подобрать проверочное слово. Эта игра способствует формированию умения определять тип орфограммы и умение применять правило.

Например:

- 1) *сыроежка, просьба, вокзал, ловкий, гладкий* («Парная согласная в корне слова»);
- 2) *полевой, ядовитый, бережливый, пушистый, космический* («Безударная гласная в корне»);
- 3) *известный, здравствуй, сердце, местность, постный* («Непроизносимая согласная»);
- 4) *перья, друзья, крылья, скамья, воробьи* («Разделительный Ь знак»).

Достаточно эффективным упражнением является выборочный диктант, предусматривающий запись учащимися не всего текста, а только отдельных слов, словосочетаний или предложений в соответствии с целями и задачами урока.

Например: Выпишите слова с непроизносимой согласной в корне. Учитель читает по предложению, выдерживая паузу, чтобы дети могли успеть записать слова на данную орфограмму.

Стоит прекрасный зимний денёк. Солнце освещает всю окрестность. Радостные солнечные зайчики скачут по стволам деревьев. На берёзу опустилась стайка прелестных птичек. Это синички. Их много живёт в нашей местности. У синичек праздничный наряд. На головке чудесная шапочка. Одна из синичек радостно свистнула.

Учащиеся должны записать следующие слова: *прекрасный, солнце, окрестность, радостные, прелестных, местности, праздничный, чудесная, радостно, свистнула.*

Таким образом, чтобы добиться хороших результатов в орфографии, необходимо использовать различные виды упражнений, выбор которых не должен быть хаотичным или случайным. Эффективность одного и того упражнения может сильно варьироваться в зависимости от контекста его применения. Поэтому важно оценивать и выбирать наиболее подходящие приемы, учитывая конкретные условия обучения.

Простое увеличение количества упражнений не гарантирует повышения грамотности. Гораздо важнее качество выполняемых заданий, организация учебного процесса и содержание используемого материала.

Список литературы

1 Рождественский, Н. С. Обучение орфографии в начальной школе / Н. С. Рождественский. – М.: Просвещение, 2015. – 328 с.

2 Матвеев, С. А. Все правила русского языка для начальной школы / С. А. Матвеев. – М.: АСТ, 2013. – 271 с.

3 Львов М. Р., Горецкий В. Г., Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / М. Р. Львов, В. Г. Горецкий, О. В. Сосновская. // 8-е издание, стереотипное. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 464 с.

*УДК 811.161.1'42'373.612.2:821.161.1-31*М.А.Булгаков*

Д. А. Жилицкая

Науч. рук. – Н. И. Лапицкая, канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВОЛАНДА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена анализу языковых средств создания образа Воланда в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Основное внимание уделяется исследованию роли прилагательных, характеризующих образ Воланда. Особый акцент делается на лексике с негативной и мистической коннотацией, формирующей восприятие героя как потусторонней силы.

Роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита» [1] до сих пор вызывает интерес современных литературоведов и исследователей в области языка. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть языковые средства, которые помогают создать образ Воланда в названном произведении.

Характеризуя образ Воланда как главного представителя демонической линии в романе, следует обратить внимание на описание внешности героя, появившегося на Патриарших прудах. Особое значение в описании имеет двойственность этого образа: ничто в герое не симметрично и не идеально. Его рост – это нечто среднее между высоким и низким, во рту – платиновые и золотые коронки, кривой рот, разного цвета глаза, брови расположены не на одинаковом уровне. Находим мы также и отсылку к «Фаусту» Гёте: трость с головой пуделя проводит параллель между гётевским Мефистофелем, явившимся к Фаусту в облике чёрного пуделя, который является предвестником смерти и искусителем. Всё в образе Воланда неестественно и странно: например, его *кривой* рот. В толковом словаре данное прилагательное имеет ряд значений: 1. Не прямой, изогнутый. 2. Слепой на один глаз, окривевший (разг.). 3. Кривая, -ой, ж. Непрямая линия, а также (в математике) любая линия на плоскости или в пространстве [2, с. 753]. Таким образом, внешние характеристики выражают враждебность и неискренность для будущих собеседников на патриарших прудах.

Глаза чёрного мага также отличаются друг от друга: один чёрный, другой зелёный. Относительно гетерохромии существует большое количество суеверий: например, зелёные глаза всегда считались признаком того, что человек может иметь отношение к колдовству и магии, а чёрный цвет глаз мог ассоциироваться с потусторонним миром и существами, обитающими в нём. Таким образом соединение двух разнородных элементов в очередной раз указывает на непростое происхождение героя и его некоторую промежуточную позицию между двумя мирами.

Следует отметить тот факт, что большинство прилагательных, используемых для описания образа Воланда, являются субстантивированными: 1 «*А ваш знакомый с Патриарших сделал бы это лучше меня. Спасибо за беседу. До свидания*» [1, с. 167]. 2 «*Как прикажете, мессир? – спросил Фагот у замаскированного*» [1, с. 139]. 3 «*Степу сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний и, в частности, появление в спальне неизвестного, да еще с закуской*

и водкой. Вот что недурно было бы разъяснить!» [1, с. 86]. 4 «И опять передернуло Берлиоза. Откуда же **сумасшедший** знает о существовании киевского дяди?» [1, с. 48]. 5 «Позвонить? Ну что же, позвоните, – печально согласился **больной** и вдруг страстно попросил: – Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует!» [1, с. 47]. 6 «Тут **безумный** расхохотался так, что из липы над головами сидящих выпорхнул воробей» [1, с. 47]. Данные субстантивы указывают на неизвестного собеседника, чья сущность является загадкой для тех, кто встречается его. Самым употребительным из субстантивированных прилагательных является слово *неизвестный*, что в очередной раз подчёркивает отрешенность героя от всего земного, простого и понятного для обычного человека. Однако странное поведение специалиста по чёрной магии провоцирует неоднозначную реакцию собеседников, заставляя их считать Воланда личностью крайне странной, безумной и сумасшедшей. Е. А. Макарова в статье «Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект» анализирует особенности употребления субстантивов и отмечает, что «они изображают предмет как качественное целое вне времени и степеней проявления признака», а также говорит о выделении тем самым единственного и наиболее значимого признака для описания какого-либо предмета [3, с. 23]. Таким образом, можно сделать вывод, что данные слова используются для определения персонажа как некоторой метафизической и инфернальной сущности, которую невозможно постичь или изучить. Мотив неизвестности проходит через весь роман, а проделки дьявольской свиты действительно вселяют сумасшествие и хаос в жизнь озадаченных московских граждан.

Особое значение для описания Воланда имеют прилагательные цветообозначения. Только при первом появлении Воланда упоминаются слова *золотой* (зуб, относительное прил.), *серый* (костюм, туфли и берет), *зелёный* (глаз). В дальнейшем единственным цветом, появляющимся при описании таинственного мага, является **чёрный**. Данное прилагательное является качественным и имеет несколько значений. Вот некоторые из них: 1 Цветовое обозначение. 2 Принявший темную окраску, потемневший. 3 перен. Мрачный, безотрадный, тяжёлый. 4 полн. ф., перен. Преступный, злостный [2]. Слово **чёрный** в романе часто применяется как цветовая характеристика одежды или внешности Воланда: **чёрный** глаз, **чёрная** полумаска, **чёрное** бельё, **чёрные** туфли, **чёрная** хламида, **чёрная** сутана, **чёрная** перчатка. Однако часто прилагательное используется в переносном значении: *специалист по чёрной магии*, **чёрный** маг, **чёрный** Воланд.

Рассматривая особенности употребления данного цвета в мифологии и фольклоре, стоит упомянуть о том, что он также оценивается как полное отсутствие света, подчёркивающее насыщенность цветовой характеристики. Однако данное цветообозначение зачастую играет образную роль при описании чего-либо, наполненного инфернальными и тайными смыслами. Чёрный цвет часто ассоциируется с тьмой, в которой ничего невозможно отчётливо распознать и рассмотреть. Тем не менее нельзя говорить лишь о негативной оценочной характеристике цвета, ведь он также обладает некоторой амбивалентностью: с одной стороны, он, символизирует зло, мистику и смерть, с другой стороны, может означать элегантность и красоту. Данный колоратив, непременно сопровождающий образ Воланда, выполняет несколько функций. Во-первых, подчёркивается инфернальное происхождение Воланда и его причастность к потустороннему миру. Во-вторых, образ героя наполняется мистифицированной и загадочной аурой, которая не даёт возможность увидеть в темноте настоящее «я».

Особую роль в образе Воланда играет его голос: на протяжении всего романа он характеризуется как *тяжёлый, низкий и повелительный*: 1 «И тогда над горами прокатился, как **трубный** голос, **страшный** голос Воланда» [1, с. 424]. 2 «И тут эту речь в самом начале перебил неизвестно откуда послышавшийся **тяжелый низкий** голос» [1, с. 387]. 3 «Голос Воланда был так **низок**, что на некоторых слогах давал оттяжку в хрип» [1, с. 282]. 4 «Ошеломленный буфетчик неожиданно услышал **тяжелый бас**» [1, с. 282]. 5 «Совершенно верно, благодарю, – медленно говорил маг **тяжелым басом**, – сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?» [1, с. 135]. 6 «Молчание нарушил этот неизвестный, произнеся **низким, тяжелым** голосом и с иностранным акцентом следующие слова» [1, с. 84]. Данные характеристики в очередной раз подчёркивают силу и власть главного представителя дьявольской свиты. Воланд никогда не спешит и не суетится, его голос всегда низкий и тяжёлый, оказывающий непосредственное влияние на слушающего.

Особое внимание стоит обратить на имена прилагательные, которые употребляются в романе для характеристики чёрного мага: *непрощенный, неизвестный, престранный, сумасшедший, полоумный, странный, таинственный, загадочный, подозрительный, страшный, незаурядный, безмолвный, замаскированный, всесильный* и т. д. Данные слова выполняют несколько функций: они создают инфернальную

атмосферу, одновременно подчёркивая антагонистическую природу повелителя тьмы. Перечисленные выше имена прилагательные можно разделить на несколько групп по смыслу и коннотациям:

1 Слова, подчёркивающие «иное» и незнакомое: 1) прилагательное *непрошенный* акцентирует внимание на спонтанности появления персонажа и отсутствие его изначальной предусмотренности в событийной структуре. Данная характеристика подчёркивает его принадлежность к иной, антагонистичной реальности; 2) лексема *неизвестный* указывает на принципиальную непознаваемость его природы, а также на связь с таинственной и демонической сферой; 3) определение *престранный* отражает как внешнюю, так и поведенческую дисгармонию по отношению к окружающему пространству, что дополнительно подтверждает инфермальную природу Воланда.

2 Слова, выражающие отклонения от норм психики и поведения: прилагательные *сумасшедший* и *полоумный* характеризуют ненормальное или сумбурное состояние сознания, что увеличивает отчуждённость Воланда в обычном мире. Более того, *сумасшедший* характеризуется яркой эмоциональной окрашенностью, а *полоумный* указывает на искажённость нормального мышления. Прилагательное *странный* укрепляет образ князя тьмы как героя нестандартного с присущей ему непредсказуемостью и хаотичностью.

3 Слова, используемые для создания в образе сверхъестественности и необъяснимости: прилагательные *таинственный* и *загадочный* намекают на инфермальную сущность Воланда. Они направляют читателя к поиску скрытых смыслов. Слово *подозрительный* указывает на невозможность доверия, создавая около героя обстановку вечного сомнения и подозрения со стороны окружающих его людей, что в значительной мере усиливает его образ как потенциального врага или возмутителя спокойствия.

4 Слова, выражающие воздействие и влияние на других: Прилагательное *страшный* акцентирует внимание на угрозе и непредсказуемости, вызывающих страх. Слово *незаурядный* подчёркивает выход Воланда за рамки обыденности, отделяя его от привычного человеческого мира. *Безмолвный* указывает на замкнутость и скрытность, раскрывая силу его личности, которая не требует словесного выражения. *Замаскированный* отражает намеренное сокрытие истинной природы персонажа – автор использует внешние атрибуты, чтобы завуалировать глубину образа. Наконец, *всесильный* подчёркивает абсолютную власть, превосходящую возможности обычных людей, что окончательно закрепляет его статус как существа иного порядка.

Таким образом, автор постоянно использует прилагательные, формирующие представление о персонаже как о сущности, принципиально отличной от человеческой природы, создать эффект таинственности и подчеркнуть невозможность полного понимания его истинной натуры. Восприятие Воланда другими персонажами романа строится на ощущении опасности и скрытности. Цветовая лексика, сопровождающая образ персонажа, минимальна, но значима: доминирующий чёрный цвет выполняет не только характеризующую, но и символическую функцию. Автор избегает точных определений, предпочитая расплывчатые характеристики (наиболее употребляемым является слово *неизвестный*), что усиливает эффект загадочности, но сознательно ограничивает возможности конкретной интерпретации образа.

Список литературы

- 1 Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. – Москва: АСТ, 2014 г. – 446 с.
- 2 1 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова : Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.
- 3 Макарова, Е. А. Субстантивация прилагательных: когнитивный аспект / Е. А. Макарова // Проблемы когнитивной лингвистики. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/substantivatsiya-prilagatelnyh-kognitivnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 10.05.2025).

УДК 811.161.1'371:811.111'371

К. А. Кононенко

Науч. рук. – Т. В. Починок, канд. пед. наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОНЦЕПТОСФЕР

В статье рассмотрен вопрос языковой концептуализации и формирования представлений о мире и месте человека в нём. Целью работы является совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции для обеспечения эффективной коммуникации

между представителями разных культур. Подробному анализу подвержен один из национально специфичных концептов в русской языковой картине мира – «судьба». На основании подробного анализа установлены важнейшие ценностные и образные характеристики, присущие слову «судьба», которое является важнейшей категорией сознания.

Изучение иностранного языка, прежде всего, означает знание системы данного языка и умение использовать его в коммуникативной лексике (не обязательно в процессе общения с представителями другой культуры). Однако для эффективного общения знание лексики и грамматики языка недостаточно, так как совершенствование коммуникативной компетенции для правильного и глубокого понимания носителя другой культуры, для достижения взаимопонимания невозможно без понимания языковой картины мира.

Основной единицей языковой картины мира является *концепт* (от лат. *conceptus* «понятие»). Концепт – это как бы «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, сопровождающих слово [1]. Концепт является подвижным и неуловимым элементом языка, который используют для сопоставления менталитетов и ключевых культурных компонентов. Концепты обеспечивают понимание между членами этносоциума, а также определяют принадлежность человека к какой-либо социальной группе (возрастной, половой, профессиональной).

Концепт представляет собой феномен сознания, который актуализирует смыслы, ценности, эмоции, чувственный опыт членов определённого этносоциума. Имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности [2, с. 283]. Однако концепт не репрезентирует словарное значение лексемы: он возникает непосредственно из слова, обогащаясь новыми дополнительными смыслами на основе социокультурного опыта общества.

Бажанов А. Е. отмечает, что концепты как элементы культуры определенного лингвокультурного сообщества не существуют разрозненно и независимо друг от друга, но складываются в систему концептов или концептосферу [3]. Таким образом, концептосфера – ментальная сфера, отражающая находящуюся в сознании представителя данной культуры структурированную информацию об актуальном

положении вещей в мире. Она содержит в себе основы и базовые понятия языка, обеспечивающие взаимопонимание членов лингвокультуры. Лихачёв писал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации» [2, с. 284].

Вопрос сопоставления концептосфер при соприкосновении двух культур играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации. Концептосфера помогает анализировать структуру языка и выявлять взаимосвязь между различными концептами. Исходя из этого, процесс сопоставления и сравнения концептосфер направлен на преодоление лингвокультурной специфики и непонимания концептов в межкультурном общении. При анализе ключевых концептов выявляется национально-культурная специфика данных концептов, обусловленная различиями в ценностной картине мира и различием менталитетов, которое проявляется в коммуникативном поведении носителей языков и культур [4].

При сопоставлении базовых концептов русской и американской культур, можно заметить отсутствие американских аналогов для концептов, описывающих эмоциональное и духовное состояние русского человека, в то время как концепты, отражающие индивидуализм и прагматизм американской нации, не находят отражения в словаре представителя русскоязычной культуры.

Состав и число основополагающих концептов у исследователей различается. За ключевые в русскоязычной культуре принято считать следующие концепты: душа, тоска, отечество, духовность, судьба, честь, правда, друг, вера и др. Ключевые концепты американской культуры: *privacy, efficiency, challenge, liberty*.

Концепт «судьба» трудноуловим и его сложно описать. В русскоязычной лингвокультуре судьба трактуется как ход событий, течение обстоятельств, которые складываются независимо от воли человека. Её можно детерминировать как некую предопределённость событий и исходов, которая заранее задана для каждого человека. Судьба включает все решения, поступки человека и даже случайности, которые в конечном итоге определяют его путь. Судьба является символом всего, что происходит с человеком помимо его воли, случайности.

Концепт «судьба» относится к высшей категории концептов, участвующих в формировании мировоззрения, национальной

и индивидуалистической картины мира. «Судьба» в русской высококонтекстной культуре вызывает чувство неотвратимости, смирения, предполагает наличие внешней, нередко, потусторонней силы, контролирующей человека.

К содержанию американского концепта «судьба» также относятся предопределенность, внешняя сила, однако значимыми признаками следует считать разрушение, конец, безысходность – doom (destruction, unpleasant events that cannot be avoided); участь, будущее – fate, destiny (a power that decides what will happen in the future); случайность, удача – chance, luck, serendipity.

В русском языке явно прослеживается связь «судьбы» с судом, покорностью, идеей искупления. Из этого следует, что с судьбой бесполезно бороться и необходимо смириться с тем, что предначертано, однако внутренняя борьба оценивается положительно [5]. В английском языке судьба определяется как сила, с которой можно и нужно бороться, отсюда выражения: tempt fate, try luck. Это выражает и один из главных символов американской культуры «Ковбой», подразумевающий независимость и желание быть хозяевами своей судьбы.

В последние годы возник интерес к паремиологическому фонду языков как к отражению культурной стороны народа. Чаще всего, современные исследователи рассматривают пословицы и поговорки, так как данные паремии содержат мудрость и опыт народа и их изучение способствует лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Паремии привлекают людей своей семантической ёмкостью и обеспечивают полноценную коммуникацию между носителями языка. Проследим каким образом концепт судьба отражается в паремиях обоих языков.

Характерной чертой русских пословиц, отражающих предопределённость судьбы, является упоминание Бога. Например, англоязычная пословица “What will be, will be” считается почти полным эквивалентом русской пословицы «Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст». Однако в русском варианте данной пословицы находит отражение религиозная сторона жизни человека. Также Бог упоминается и в другой русской пословице «Все под богом ходим». Пословица означает, что Бог как воплощение незримой силы существует в принципе, определяя поступки людей, программирует их будущее [6]. Судьба воспринимается как нечто, что суждено с рождения, а «Чему быть, того не миновать».

В американской лингвокультуре распространена концепция «предопределения судьбы» или «явного предначертания». Само слово

«предопределение» отсылает к идее о том, что судьба человека предначертана Богом и что всё в мире не случайно. Религиозное отношение американцев к концепту «судьба» можно проследить в пословице “If you want to make God laugh, tell him your plans” или “Every man for himself and God for us all”. Часто можно встретить пословицу “There is no flying from fate”, которая совпадает по образному значению с русской пословицей «От судьбы не уйдёшь». Данная пословица передаёт чувство принятия и побуждает людей принять свои обстоятельства.

Таким образом, в концептах представлена национально-специфичная информация, которая характеризует менталитет и ценностные ориентации представителей той или иной лингвокультуры. Данные особенности особенно ярко проявляются в паремиологическом фонде языка. Для представителей русскоязычной лингвокультуры для концепта «судьба» характерны предопределённость, неотвратимость, зависимость человека от Божьей воли. Для представителей американской лингвокультуры отличительными признаками восприятия концепта «судьба» являются борьба с предначертанным и большая значимость воли случая. Ментальное и лексико-семантическое поле концепта «судьба» включает множество других смыслов, зависящих от языковой картины мира и менталитета представителей той или иной лингвокультуры.

Список литературы

1 Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 834 с.

2 Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: Антология. – М.: Изд. Центр «Академия», 1997. – С. 283–284.

3 Бажанов, А. Е. Идиома как точка пересечения концептов (на примере немецкой идиомы Nur bahnhof verstehen) / А. Е. Бажанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2014. – №1 (31). – Ч. 2. – С. 32–35.

4 Медведева Т. С. К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2009. – № 1. – С. 120-132.

5 Жданова Н. В. Концепт «судьба» в русском и английском языках // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – №36. – С. 52–54.

6 Употребительные русско-сербские пословичные параллели тематической группы «Судьба» (на фоне китайского языка) / Ли СиньЮнь – Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / под ред. М.Ю. Котовой СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. – С. 73–88.

УДК 811.16'373.6:811.161.1'373.6

Е. М. Лисовская

Науч. рук. – Е. И. Тимошенко, канд. филол. наук, доцент

ПРИСТАВОЧНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО *REKŬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Анализируется семантика производных приставочных глаголов праславянского глагола *rekŭ в русском языке на фоне этимологического значения корня *-rek-, которое реконструируется как 'упорядочивать', 'устраивать', 'определять', 'располагать'. Значение речевой деятельности, свойственное глаголам типа **изрекать, прорицать, нарекать, отрицать**, для рассматриваемого корня является вторичным, более поздним. Все приставочные производные от глагола *rekŭ в современном русском языке подверглись процессу опрощения. Лишь некоторые из них входят в активный словарный запас современного языка; большинство глаголов являются книжными и устаревшими.*

Язык – исторически изменяющееся явление, в котором по разным причинам происходят преобразования, затрагивающие все его уровни. Одним из следствий подобных преобразований является утрата формальных и семантических связей между исконно родственными словами, что ведёт к разрушению словообразовательных гнёзд и формированию гнёзд этимологических.

Корень *-rek- является праиндоевропейским. Его значение реконструируется как 'упорядочивать', 'устраивать', 'определять', 'располагать'. Небольшая часть продолжений корня в славянских языках сохраняет исконную семантику, отражая идею созидания, благоустройства. Эта идея сохраняется в таких производных, как бел. *рэч* 'вещь', словен. *reč*, род. п. -*ŭ* 'вещь', польск. *rzecz* 'вещь', укр. *річ* 'дело', 'вещь' [1, с. 10].

Одновременно следует иметь в виду, что этимологическая семантика корня характеризовалась синкретизмом. Близким к значениям 'упорядочивать', 'устраивать' было значение 'располагать в пространстве', которое также выражает идею упорядочения применительно к местоположению предмета. Ещё одной семой, непосредственно связанной с указанными значениями, была сема 'определять', которая находит продолжение в семантике компонентов современных словообразовательных гнёзд с вершинами *прорицать* в значении 'предсказывать' и *обречь* в значении 'предназначить к какой-либо неизбежной участи'. И в том, и в другом гнезде представлена семантика предопределённости.

Наиболее регулярной семантикой продолжений рассматриваемого корня в славянских языках является семантика речевой деятельности: русск. *речь* 'способность говорить', 'манера говорить', 'язык как средство общения', 'совокупность словесных средств выражения мыслей и чувств', польск. *rzec* 'сказать', 'произнести'; в.-луж., н.-луж. *rjes* 'сказать', 'молвить', укр. *річ, речи* 'речь', 'слово', болг. *реч* 'речь', 'слово', серб.-хорв. *реч* 'слово', чешск. *řeč* 'речь' [2, с. 109].

В русском языке от глагола *РЕЧИ* был образован целый ряд приставочных глаголов, в которых на современном срезе приставка не выделяется, – это глаголы *обречь, отречься, наречь, изречь, уречь, заречься, порицать, проречь, пререкаться, прорицать, упрекнуть, попрекнуть*. В большинстве этих слов семантика речевой деятельности оказывается представленной наиболее отчётливо. Большой вклад в лексические значения данных производных глаголов вносит приставка. На современном языковом срезе эти глаголы выступают как исходные слова самостоятельных словообразовательных гнёзд. Таким образом, приставочные продолжения утраченного современным русским языком исторически производящего глагола *РЕЧИ* образуют этимологическое гнездо.

Во всех словах данного ряда произошло опрощение. Опрощением называется морфологический процесс, в результате которого слово со сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. В. А. Богородицкий в «Общем курсе русского грамматики» приводит следующие примеры опрощения для толкования этого процесса: «слова *вкус* (*кус-ать, кус-ок*), *забыть* имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус, за-быть*) уже не чувствуется» [2, с. 99]. Таким образом, при опрощении связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них. По мнению

В. А. Богородицкого, некоторые обстоятельства особенно благоприятствуют утверждению опрощения слов: в слове могут произойти фонетические изменения, вследствие которых оно может так разойтись с родственными словами, что уже не сможет даже ассоциироваться с ними; могут выйти из употребления родственные слова, вследствие чего данное слово становится одиноким и уже не разлагается (*кольцо* – *коло*); значительные перемены в значении сравнительно с простыми словами тоже способствуют опрощению [2, с. 99]. Ещё одна причина опрощения связана с явлением устойчивой префиксации. Именно эта причина и обусловила процесс опрощения, произошедший от производных от рассматриваемого **rekti* глаголах, рассматриваемых в статье.

Наиболее отчётливо речевая семантика прослеживается в следующих производных приставочных глаголах:

наречь со значениями ‘назвать, дать имя, объявить кем-либо, чем-либо’, ‘обвинить кого-либо в чём-либо’. С синхронной точки зрения данный глагол является устаревшим;

нарицать с семантикой ‘именовать’, ‘называть’, ‘давать имя’. Данный глагол является синонимичным предыдущему и так же, как и он, является устаревшим, а также имеет книжную, торжественную, высокую стилистическую окраску;

изречь со значением ‘произнести’, ‘высказать’, ‘провозгласить’. В современном русском языке данный глагол является устаревшим, может использоваться с иронической интонацией и имеет книжную, торжественную стилистическую окраску;

уречь со значением ‘назначать’, ‘нарекать’. В современном русском языке данный глагол является устаревшим;

заречься со значением ‘дать обещание не делать чего-либо впредь’. В современном русском языке также является устаревшим и разговорным;

проречь со значением ‘предсказать’. Данный глагол имеет книжную, торжественную стилистическую окраску и с синхронной точки зрения является устаревшим.

Остальные производные приставочные глаголы также сохраняют исходную речевую семантику, однако внутренняя форма данных слов является затемнённой. Все они приобретают значение отрицания, которое вносят исторически выделявшиеся приставки. К данным глаголам относятся следующие производные:

отрицать со значением ‘опровергать что-либо’. Данный глагол является ещё одним примером стилистически нейтрального и общеупотребительного в современном русском языке;

пререкаться со значением ‘спорить’, ‘препираться’. В словарях данный глагол характеризуется как разговорный;

порицать со значением ‘обвинять’, ‘хаять’, ‘осуждать’. Данный глагол имеет книжную, высокую стилистическую окраску и с синхронной точки зрения является устаревшим.

Таким образом, анализ праславянского глагола **rekti* и его производных демонстрирует сложный процесс изменения семантики в русском языке. Первоначальное значение глагола, связанное с речевой деятельностью, претерпело определённые трансформации, в результате чего многие ранее производные стали устаревшими или получили иронический оттенок.

Такие глаголы, как *упрекать* и *отрицать*, продолжают использоваться в современном русском языке, оставаясь стилистически нейтральными и общеупотребительными.

Ряд рассмотренных глаголов (*нарицать*, *порицать*, *изречь*, *проречь*) характеризуются книжной, торжественной и высокой стилистической окраской, что могло явиться причиной их выхода из активного употребления. Кроме того, приставки, которые вносят существенный вклад в семантику производных глаголов, могут затемнять первоначальную семантику. Например, в словах *порицать* и *пререкаться* сохраняется речевая семантика, однако их внутренняя форма становится менее очевидной.

Исследование показывает, что изменения в языке происходят не только из-за семантических сдвигов, но и благодаря социокультурным факторам, которые определяют активность тех или иных лексических единиц. Это подчеркивает динамичную природу языка и его способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

Список литературы

1 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Издательство «Русский язык». – 1999. – Т. 1. – С. 91 – 134.

2 Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий. – М. : Государственное социально-экономическое издательство. – 1935. – С. 99-130.

3 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Издательство «Прогресс». – 1986–1987. – Т. 3: М – С. – 1986. – 831 с.

К. И. Мека

Науч. рук. – Л. М. Шецко, канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИКА СЛОВА РОФЛ В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Статья посвящена анализу семантики слова рофл в молодежном сленге. Рассмотрено происхождение и значение термина «сленг» во взаимосвязи с периодом развивающихся интернет-ресурсов и средств социального взаимодействия. Целью анализа является изучение значения, употребления и контекста англицизма. Выявлены основные предпосылки появления жаргонного слова «рофл». Ключевой аспект данной статьи – лексическое значение термина, в котором рассматриваются его синонимы и производные, а также контекстуальное употребление в различных ситуациях, таких как разговоры и социальные сети.

«Когда твоя лп начала тебя шипперить с дед инсайдом, ты что испытала – кринж или всё-таки рофл?» – такую фразу можно услышать в беседе современных молодых людей [1].

Изначально, в XVI–XVII веках, «сленг» существовал только в устной английской речи, а в XVIII веке появился в письменных текстах. В то время он обозначал язык, используемый бедными и отверженными слоями населения. К середине XIX века «сленг» стал популярным и применялся к любой неформальной, разговорной лексике, однако в первой половине XX века значение слова изменилось. Теперь под ним подразумеваются слова и выражения, либо новые, либо употребляемые в новом смысле, которые свойственны речи конкретных групп людей, объединенных возрастом, социальным статусом, профессией или общими интересами [2].

О. С. Ахманова в своей работе «Словарь лингвистических терминов» дает следующее объяснение термина: «сленг – 1) разговорный вариант профессиональной речи; 2) элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [3, с. 419].

Растущая популярность английского языка, особенно в молодежной среде, и увлечение англоязычной культурой, по мнению многих ученых, стали основными причинами появления и распространения сленга в русском языке, который предоставляет молодежи возможность выражать свои мысли оригинально, кратко и с большей глубиной.

Проанализировав основные источники пополнения молодежного сленга, можно сделать вывод о том, что сленг «приходит» из социальных сетей («Он так жестко залип»), из онлайн-игр и сообществ («У него скилл на уровне богов!»), мемов («Просто у меня рофлить не получается!»), мобильных приложений («Залетай в мой ДС!»).

Для ускорения общения и упрощения речи часто используют сокращения (например, «пж» вместо «пожалуйста», «спс» вместо «спасибо») и укороченные варианты слов (такие как «игнор», «неадекват»). Кроме того, в молодежном сленге активно используются заимствования из иностранных языков, особенно из английского: «агриться» (злиться), «хайп» (привлечение внимания), «рофл» (шутка).

Помимо всего вышеперечисленного, молодежный сленг пополняется из других источников, хотя и в меньшей степени. К ним относятся: аргó (слова из криминального жаргона, например, «лох», «кича») и музыкальная терминология («попса», «трек») [4].

В данной статье анализируется семантика употребления слова «рофл», также заимствованного из английского языка. Данный англицизм является интернет-сленговым термином, который происходит от английского выражения “rolling on the floor laughing”, что переводится как «катаюсь по полу от смеха». Оно используется для обозначения сильного смеха или чувства юмора по отношению к чему-либо. В основном «рофл» применяется в контексте общения в интернете, в социальных сетях, мессенджерах и на форумах, когда кто-то находит что-то очень смешным («Колян, рассказал девчонкам рофл, от чего те угарали до слез»).

Синонимы к данному сленговому слову зависят от контекста и ситуации, отличающиеся между собой оттенками значений, вот некоторые из них: смех (общий термин для чего-то забавного), угар (ситуация, которая вызывает сильный смех), ржач (неформальное слово, описывающее что-то очень смешное), фейл (неловкая или комичная ситуация, часто используемая с юмором), гэг (шутка или комедийный элемент, вызывающий смех), прикол (что-то забавное, веселый

момент), ха-ха (выражение, символизирующее смех), мем (шуточный контент, часто используемый для развлечения), кек (интернет-сленг, аналогичный смеяться или «ржать»), шутка (общее обозначение для юмористического высказывания), лол (акроним для “laughing out loud”, аналогичный «рофлу»), смехота (устаревший, но все еще используемый вариант для описания чего-то очень смешного).

Происхождение слова «рофл» уходит корнями в интернет-культуру 1990-х годов, когда в онлайн-общении стали популярны аббревиатуры и акронимы для упрощения коммуникации. Его возникновение связано с желанием пользователей интернета кратко и убедительно передавать свои эмоции в текстовом формате.

Сначала “rolling on the floor laughing” часто сокращали до “ROFL”, что стало популярным среди пользователей форумов и чатов. С течением времени это выражение адаптировалось и вошло в русский язык при помощи транслитерации, что и дало нам слово «рофл», имеющее несколько интерпретаций, которые зависят от контекста:

- это реакция на что-то забавное (главное значение). Слово описывает сильные эмоциональные впечатления от очень смешного материала, будь то шутка, мем, видео или ситуация;

- сама шутка или момент. С течением времени рофлом стали называть не только реакцию на юмор, но и саму шутку или курьезное событие. В этом плане рофл становится синонимом слов «прикол» или «анекдот»;

- легкое подшучивание или саркастическое высказывание. В данном контексте слово имеет оттенок сарказма или даже троллинга. Глагол «рофлить» обычно используется, когда кто-то шутит с иронией или насмехается над другим человеком;

- разновидность интернет-юмора. В контексте онлайн-культуры рофл ассоциируется с мемами, GIF-изображениями и веселыми видео, которые вызывают у пользователей сильные эмоции смеха [5].

Слово «рофл» и его производные активно используются в молодежном сленге. Например, можно услышать: «Это просто рофляно (наречие), когда он забыл слова на концерте», что обозначает «Это просто смешно, когда он забыл слова на концерте». В другом случае, «Мы рофлили (глагол) с друзьями над его шутками весь вечер» имеет значение «Мы смеялись с друзьями над его шутками весь вечер». Фраза «Не бери в голову, это просто рофл (существительное)» можно перевести как «Не воспринимай это серьезно, это просто шутка». Когда предлагают «сделать рофл-видео (существительное) для нашего

канала», это значит «снять смешное видео для нашего канала». Наконец, «Он такой рофляный (прилагательное)» переводится как «Он такой смешной».

Таким образом, слово «рофл», в зависимости от контекста и смысла, который хочет донести говорящий, может употребляться в качестве различных частей речи: имен существительных и прилагательных, глаголов и, в некоторых случаях, наречий.

Из вышеизложенного следует, что молодежный жаргон, представляющий собой форму общения, присущую определенной социальной группе, сохраняет все ключевые характеристики кодифицированного литературного языка. Это обуславливает его привлекательность для лингвистических исследований.

Жаргонные выражения, особенно устойчивые фразы, непосредственно отражают юношескую жизнь: желания, предпочтения, привычки и нормы. Это вполне естественный процесс. Появление нестандартной лексики в молодежном языке обусловлено различными психологическими и социальными факторами. К числу важных причин можно отнести стремление к самовыражению среди ровесников, желание продемонстрировать остроумие и стремление к творческому подходу в общении, где метафорический смысл соединяется с оригинальным звукопроизношением, а также отдельные жаргонные слова с яркой эмоциональной окраской, предоставляют молодежи широкий спектр возможностей для самовыражения [6].

Список литературы

- 1 Пруфы, кринж и рофл: на каком языке говорит современная молодежь. – URL: <http://bit.ly/4jqTILm> (дата обращения: 12.04.2025).
- 2 Современный молодежный сленг: его источники и разновидности. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-molodezhnyy-sleng-ego-istochniki-i-raznovidnosti> (дата обращения: 12.04.2025)
- 3 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 512 с.
- 4 Современный молодежный сленг: его источники и разновидности. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-molodezhnyy-sleng-ego-istochniki-i-raznovidnosti> (дата обращения: 14.04.2025).
- 5 Рофл. – URL: <https://cyclowiki.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%84%D0%BB> (дата обращения: 14.04.2025).
- 6 Молодежный жаргон: игра или вызов. – URL: <https://studfile.net/preview/2789577/page:31/> (дата обращения: 15.04.2025).

Д. Ю. Петранкова

Науч. рук. – Л. М. Шецко, канд. филол. наук, доцент

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ НА МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется влияние англицизмов на молодежный сленг в русском языке, вызванное глобализацией и цифровизацией. Рассматриваются сферы их активного употребления (интернет, гейминг, мода) и механизмы адаптации через фонетические, морфологические и семантические трансформации.

Русский язык сегодня переживает активную фазу трансформации, обусловленную глобализацией, цифровизацией и расширением межкультурных связей. Одним из наиболее ярких проявлений этих процессов стало стремительное проникновение англицизмов в молодежный сленг. Заимствованные лексемы не только органично внедряются в повседневную речь, но и служат маркерами социокультурных изменений, отражая динамику языковой эволюции. Исследование англицизмов в молодежной среде позволяет рассматривать сленг как пространство языкового эксперимента, в котором формируются новые смысловые оттенки и элементы идентичности. Молодежь, выступая в роли активных носителей инновационного языка, задаёт вектор его развития.

Актуальность темы обусловлена повсеместным проникновением английского языка в цифровое пространство, где происходит формирование новой лингвистической реальности. Анализ характера, функций и последствий англицизмов в молодежном языке необходим для понимания глубинных процессов, формирующих современную речевую культуру. Современная молодежь часто использует сленговые выражения как в устной, так и в письменной речи. Исходя из определения, которое дает энциклопедический словарь, можно трактовать *сленг* как «совокупность слов, составляющих слой разговорной лексики, употребляемых преимущественно в непринужденном общении» [1, с. 420].

Процесс заимствования иностранных слов в русском языке имеет давнюю традицию. На различных этапах своей истории

русский язык обогащался лексикой греческого, латинского, тюркских, французского, немецкого языков. Однако особую роль в конце XX века стал играть английский язык, превратившись в доминирующий источник новых заимствований [2, с. 229].

Особенно активным этот процесс стал с развитием интернета и цифровых технологий. Первоначально англицизмы использовались в профессиональной сфере (менеджмент, IT, маркетинг), но с ростом популярности социальных сетей, видеоигр и массовой культуры проникли в повседневную речь, особенно молодежи [3, с. 35].

Рассмотрим основные сферы употребления англицизмов в молодежном сленге.

Интернет и социальные сети стали основными движущими силами в распространении англицизмов. Такие слова, как *пост*, *сторис*, *репост* и *бан*, приобрели широкое распространение среди молодежи, т. к. напрямую связаны с новой реальностью общения в виртуальной среде, где англоязычные термины часто оказываются более удобными и точными для обозначения специфических действий и процессов. Например, *пост* (от англ. *post*) обозначает запись, публикацию на платформе, *сторис* (от англ. *stories*) относится к временным публикациям в Instagram или других соцсетях, которые исчезают через 24 часа. *Репост* и *бан* (от англ. *repost* и *ban*) также стали частью повседневного общения, обозначая действия по распространению контента и наказанию пользователей за нарушения правил. Этот процесс заимствования связан с глобальной повседневной практикой использования англоязычных платформ и с доминированием английского языка в интернете, который стал универсальным языком для виртуального общения и технологий.

Благодаря популярности англоязычных игр, которые быстро распространились по всему миру, англицизмы также проникли в лексикон молодежи. Слова: *агрить* (от англ. *aggro*), *нуб* (от англ. *noob*), *буст* (от англ. *boost*), *пвп* (от англ. *PvP – Player vs Player*) – часть игровой терминологии и служат для точного и краткого обозначения процессов и состояний, с которыми сталкиваются игроки в виртуальных мирах. Например, *агрить* означает действие, при котором игрок или персонаж привлекает внимание врагов или других игроков, часто рискуя своей безопасностью. *Нуб* – новичок, игрок, который только начал осваивать игру и не обладает большим опытом. *Буст* – это процесс повышения уровня персонажа или улучшения его характеристик с помощью внешней помощи или финансовых вложений. *Пвп* – это мод игры, в котором два и более игроков сражаются между собой.

Англицизмы широко распространены и в сфере моды и стиля. Слова: *лук*, *оверсайз*, *кэжуал* – стали неотъемлемой частью лексики тех, кто активно следит за модными тенденциями. Лук (от англ. look) используется для обозначения определенного образа или стиля одежды, который человек выбирает для себя. Оверсайз (от англ. oversize) обозначает стиль в одежде, когда вещи имеют свободный, широкий покрой. Кэжуал (от англ. casual) – это стиль, ориентированный на удобство, повседневную носку, который тем не менее сохраняет определенный уровень стиля.

В музыке и поп-культуре англицизмы служат важным индикатором глобализации и влияния англоязычной музыкальной индустрии. Слова типа *бит*, *треки* стали повседневной частью тех, кто интересуется современными музыкальными направлениями. Бит (от англ. beat) – это музыкальная составляющая, ритм, на основе которого строится композиция. Трек (от англ. track) обозначает музыкальное произведение или песню. Использование таких терминов позволяет молодежи чувствовать себя частью мировой музыкальной сцены.

В области психологии и межличностных отношений также наблюдается проникновение англицизмов, таких как *газлайтинг*, *буллинг* и *хейтер*. Эти термины пришли в русский язык с развитием социальных сетей и увеличением интереса к психологии и эмоциональному состоянию людей в условиях информационного перегруза. Газлайтинг (от англ. gaslighting) обозначает манипулятивное поведение, направленное на заставление человека сомневаться в своей адекватности и восприятии реальности. Буллинг (от англ. bullying) – это систематическое запугивание или преследование, чаще всего в школьной или интернет-среде. Хейтер (от англ. hater) – человек, который выражает ненависть или презрение по отношению к чему-либо или кому-либо в интернете.

Таким образом, англицизмы в молодежном сленге охватывают широкий спектр сфер жизни, от технологий и интернета до музыки, моды и психологии. Они служат не только средством общения, но и важным индикатором культурных изменений, отражая глобализацию и цифровую трансформацию обществ.

В современном русском языке наблюдается трансформация англицизмов, которая представляет собой сложный и многогранный процесс, в ходе которого заимствованные слова и выражения подвергаются фонетическим, морфологическим и семантическим изменениям с целью лучшей интеграции в языковую систему [4, с. 19].

Рассмотрим подробнее основные направления подобных изменений с конкретными примерами.

При заимствовании английских слов первым шагом обычно является их *фонетическая адаптация*. Английское звучание слов часто не совпадает с нормами русского произношения, поэтому происходит их «искажение» или переработка. Например, слово “like” переходит в русское произношение как [лайк]. При этом акцент меняется: в английском языке ударение может быть иначе, а при адаптации слово получает привычное русское звучание, которое затем используется в разговорной речи, как, например, в глаголе «лайкать» с типичными для русского языка спряжениями (лайкнул, лайкает).

Морфологическая адаптация проявляется в изменении формы слова, присоединении русских суффиксов и окончаний, образовании производных форм. Слово хайп (от англ. hype) – ажиотаж, буря эмоций или чрезмерное внимание к чему-то – в процессе морфологической адаптации подчиняется правилам склонения русского языка: один хайп, два хайпа, три хайпа. Кроме того, в русском языке наблюдается образование производных форм: хайпить (глагол) – создавать ажиотаж или активно распространять информацию о чём-то (Он хайпит новый альбом), хайповый (прилагательное) – что-то модное, популярное, создающее ажиотаж (Это хайповый тренд в моде).

Англицизмы часто претерпевают *семантическую трансформацию*, приобретая дополнительные значения или тонкие оттенки, характерные для специфики русского контекста. Н-р, слово фолловер (англ. follower) в первоначальном виде означало «тот, кто следует за кем-либо», однако в социальных сетях оно приобрело новое значение – обозначение подписчика, участника онлайн-сообщества. Ещё один пример – твит, первоначально заимствованный как транслитерация английского tweet, со временем трансформировался в понятие короткого сообщения в соцсетях, что не всегда полностью совпадает с первоначальным значением слова.

Англицизмы адаптируются и *на уровне синтаксиса*. В ряде случаев конструкция предложения изменяется под влиянием английского синтаксического строя, что приводит к появлению новых словосочетаний или изменению порядка слов. Н-р, конструкции с использованием слова «лайк» могут появляться как самостоятельные обороты: «Я поставил лайк этому посту» – подчеркивается влияние английских моделей построения фраз социальных платформ.

Трансформация англицизмов в русском языке представляет собой процесс глубокой адаптации заимствованных элементов, проходящей через несколько уровней изменений. Эти трансформации отражают не только техническую адаптацию к фонетическим и морфологическим нормам, но и позволяют словарному запасу динамично

реагировать на реалии информационного века и культурных изменений. Такой процесс делает язык гибким, способным быстро включать инновационные лингвистические формы, что особенно заметно в молодежном сленге [5, с. 51].

Таким образом, влияние англицизмов на молодежный сленг современного русского языка – явление, отражающее глубокие социальные, культурные и технологические изменения, происходящие в мире. Проникновение англицизмов в речь молодежи связано с глобализацией, развитием интернета, социальных сетей и массовой культуры, что способствовало распространению английского языка как основного средства коммуникации в виртуальной среде. Англицизмы становятся не только инструментами общения, но и важными маркерами идентичности, позволяющими молодежи ассоциировать себя с мировыми трендами и технологиями.

Список литературы

- 1 Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
- 2 Зацепина, Е. А. Англицизмы в современном русском языке рубежа XX–XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр / Е. А. Зацепина. – Москва : Юрайт, 2025. – 235 с.
- 3 Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43.
- 4 Башкирцева, О. А. К вопросу об адаптации англицизмов в русском языке (на примере слов *селфмейд*, *хэндмейд*, *мастерид*, *мастхэв*) / О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская // Русская речь. – 2019. – № 6. – С. 19–31.
- 5 Борисова, Е. Г. О некоторых особенностях современного жаргона молодежи / Е. Г. Борисова // Русский язык в школе. – М., 1980. – № 3. – С. 51–54.

УДК 811.112.2'42'367.625:811.111'42'367.625:821.112.2-343*Грімм

П. А. Рачкова

Науч. рук. – О. Н. Филимончик, ст. преподаватель

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗГЛЯДА В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ НЕМЕЦКИЙ-АНГЛИЙСКИЙ

В данной статье рассматриваются способы выражения направления взгляда в языковой паре немецкий-английский, приводится

классификация глаголов зрительного восприятия по направлению взгляда, на примере сказки Гримм «Белоснежка» анализируются и выявляются основные грамматические различия в использовании глаголов зрительного восприятия в двух языках.

Глаголы зрительного восприятия являются не только центральным элементом глагольного состава языка, но и ключевым компонентом многочисленных устойчивых выражений и фразеологизмов, отражающих разнообразие семантических оттенков и функциональных особенностей. Эти глаголы можно сравнить с верхушкой айсберга: на поверхности представлены их основные формы, тогда как в глубинных слоях семантики скрыты многочисленные смысловые вариации, связанные с различными аспектами зрительного восприятия. Они играют важную роль в формировании лексической и семантической структуры языка, затрагивая его фундаментальные механизмы.

Лексико-семантическое поле представляет собой важный инструмент в лингвистике, позволяющий выявить системные связи между словами на основе их значений и функций в языке. Исследование этого феномена имеет особую ценность для анализа художественных текстов, где каждый элемент лексики играет роль в создании сложных смысловых структур. В контексте перевода изучение лексико-семантических полей помогает лучше понять особенности оригинального текста и найти эквиваленты, сохраняющие смысловые и стилистические оттенки.

Лексико-семантическое поле представляет собой сложную систему, объединяющую слова по смысловой близости и общей тематике, что позволяет организовать лексический материал и выявить внутренние семантические связи. Внутри каждого лексико-семантического поля можно выделить более узкие единицы – лексико-семантические группы, которые формируются на основе конкретных признаков и обладают более высокой степенью связности. Анализ этих групп позволит глубже понять организацию поля и изучить взаимосвязи слов в пределах единого семантического пространства.

Проведя анализ ситуаций смотрения, видения и созерцания, мы пришли к выводу, что наиболее уместной, содержательной и разнообразной внутренней структурой обладает классификация глаголов зрительного восприятия по направлению взгляда Молчановой Л. В. [1], благодаря наличию общих интегрирующих компонентов, таких как динамический признак направленности и отсубъектная направленность взгляда. Данная классификация будет приведена с использованием латинской терминологии.

Перспективное направление взгляда (от латинского *prospicio*, *prospectum* «смотреть вперед, глядеть вдаль»). В эту группу входят глаголы смотрения, обозначающие направление взгляда вперед, вдаль прямо перед собой. В центре данной подгруппы находятся глаголы с префиксом *an-* (*ansehen*, *anblicken*, *anschauen*, *anstarren*, *angucken*, *anstieren*, *angafften*) в значении «(по) смотреть на кого / что-либо прямо перед собой». Что касается данной классификации глаголов зрительного восприятия в английском языке, то в центре подгруппы перспективного направления взгляда находятся глаголы с предлогом *at* (*to look at*, *to glance at*, *to stare at*, *to gawp at*, *to gaze at*) в значении «(по)смотреть на кого / что-либо прямо перед собой».

Деспективное направление (от лат. *despecio*, *despectum* «смотреть вниз»). Подгруппа включает глаголы со значением «смотреть вниз, на землю, под ноги»: *zu Erde sehen*; *starren auf den Boden*; *niedersehen*. Также в данном виде направления взгляда встречаются сочетания глагола зрительного восприятия с префиксом *hinab-*. Говоря о подгруппе, включающей глаголы со значением «смотреть вниз, на землю, под ноги», эти глаголы на английском звучат так: *to look down at the ground / floor*; *to cast one's eyes / gaze downwards*. Несмотря на наличие предлога *at* глагол может считаться деспективного направления взгляда, если имеет наречное направление *down*, т. е. играет весомую роль в определении направления.

Суспективное направление (от лат. *suspecio*, *suspectum* «смотреть вверх»). К этой группе относятся глаголы и фразосочетания со значением «посмотреть вверх, на небо, в высоту». К подгруппе можно отнести: 1) глаголы, обозначающие действие, направленное вверх на неопределенный объект или цель: *zum (den) Himmel / in die Höhe sehen*; *den Blick / die Augen heben*; *die Augen gehen in die Höhe*; 2) глаголы с префиксами *hinauf*, *auf*, *hoch*, *empor*. В ключе английского языка к подгруппе суспективного направления можно отнести: 1) глаголы: *to look up at the sky / in the air*; *to gaze / to stare upwards*; *to cast one's eyes upwards*; *to raise one's eyes*; 2) глаголы с наречными уточнителями и предлогами, обозначающими движение вверх, такие как *to look up*; *to gaze upward*.

Интроспективное направление (от лат. *introspecio*, *introspectum* «смотреть внутрь»). Эту группу составляют глаголы со значением «смотреть внутрь чего-либо»: 1) значение «смотреть внутрь чего-либо» выражается глаголами с предлогом *in*, префиксами *drein / rein*; 2) интроспективное направление взгляда уточняется второй подгруппой

значений глаголов с префиксами *hinein / herein*: «снаружи вовнутрь отсюда / оттуда туда / сюда». Эту группу составляют такие английские глаголы со значением «смотреть внутрь чего-либо»: 1) значение «смотреть внутрь чего-либо» выражается глаголами с предлогами *into* и *in*; 2) интроспективное направление взгляда уточняется второй подгруппой значений глаголов с обстоятельствами *inward / from the outside inward*: «смотреть снаружи внутрь, отсюда / оттуда туда / сюда».

Экстраспективное направление (от лат. *extrospicio, extrospectum* «смотреть наружу»). В эту группу входят глаголы смотрения со значением «выглядывать, смотреть откуда-либо на кого-, что-либо, находящееся снаружи»: первая подгруппа обозначена глаголами смотрения с префиксом *aus*; во второй подгруппе глаголы с префиксами *hinaus* и *heraus*: смотреть наружу отсюда / оттуда туда / сюда. В английском языке в эту группу входят следующие глаголы смотрения со значением: 1) глаголы смотрения с предлогом *out*; 2) глаголы с наречными словами и словосочетаниями *outward* и *from inside out*: «смотреть наружу отсюда / оттуда туда / сюда».

Латероспективное направление (от лат. *laterus* «сторона, бок»). Взгляд субъекта отклоняется от прямого направления в какую-либо сторону: 1) выражается лексико-семантическими компонентами *zur Seite / beiseite / seitwärts*, наречиями *rechts* и *links*, префиксом *weg*; а также выражения *die Augen von etw. abwenden, die Richtung des Blicks verändern*; 2) глаголы со значением «смотреть искоса»: *(hin)schielen, einen schrägen Blick werfen*. В английском языке данное направление выражается в следующем: 1) выражают лексико-семантические компоненты *to the side / aside / sideways*, наречиями *right* и *left, away*; а также выражения *to avert one's eyes from something, to change the direction of one's gaze*; 2) глаголы со значением «смотреть искоса»: *(to) squint, to cast a sidelong glance*.

Циркумспективное направление (от лат. слова *circus* «круг, арена»). Данное направление предполагает движение взгляда вокруг, по сторонам, осматриваться по сторонам и выражается всем спектром лексико-семантических единиц смотрения с дифференцирующими компонентами *um sich / herum / umher / rechts und links / von... zu...*. Рассматривая со стороны английского языка, данное направление предполагает движение взгляда вокруг и выражается всем спектром лексико-семантических единиц смотрения с дифференцирующими компонентами, например: *around oneself / around / about / right and left / from... to... .*

Ретроспективное направление имеет значение «смотреть, оглядываться назад» (от лат. *retrospicio, retrospectum* «смотреть назад»). Данное значение выражено глаголами с префиксом *zurück*, предложом *rückwärts*; возвратными глаголами *sich um / sehen, schauen, blicken*. Данное значение в английском языке выражено глаголами с предлогами и наречиями *back, backward, rearward*.

Рассмотренная классификация глаголов зрительного восприятия по направлению взгляда даёт возможность систематизировать их употребление и выявить типичные модели выражения зрительного действия в немецком языке. Однако для полноценного анализа важно не только рассмотреть глаголы в теоретическом аспекте, но и проанализировать их функционирование в реальных текстах. Особенно показательны в этом отношении художественные произведения, где зрительное восприятие нередко играет важную роль в развитии сюжета, передаче эмоций и взаимодействии персонажей. В этом контексте особенно интересна сказка «Белоснежка», которая содержит многочисленные примеры употребления глаголов, обозначающих направление взгляда.

Для выявления различий в выражении зрительного действия в немецком и английском языках были проанализированы оригинальный немецкий текст сказки [2] и его английские переводы [3, 4]. Сопоставление соответствующих фрагментов позволило проследить грамматические и семантические особенности передачи направления взгляда в обеих языковых системах.

Одним из самых частотных по употреблению глаголов в немецком языке и сказках братьев Гримм является глагол “*sehen*”. Лексико-семантическое поле глагола “*sehen*” представляет собой сложную систему значений, охватывающую не только его прямой английский эквивалент “*see*”, но и множество смысловых оттенков, связанных с процессами восприятия, наблюдения, а в некоторых случаях – с осмыслением и оценкой. Подобная многозначность позволяет рассматривать данный глагол в контексте более широкой семантической структуры, включающей лексемы, имеющие схожее значение или тематическую близость.

Однако, в оригинальном немецком тексте «Белоснежки» встречаются и другие глаголы, передающие направление взгляда, что позволяет на практике увидеть особенности их функционирования. Например, глагол *aufblicken* [2] включает префикс *auf-*, указывающий на направление взгляда вверх. В переводах на английский язык данный глагол представлен как *to gaze out* [3] и *to look out* [4]. Несмотря на изменившийся смысл при переводе, можно увидеть отличие в выражении направления взгляда в английском языке, а именно выражаться оно

стало предлогом, в отличие от префикса в исходном немецком языке. В то же время *umsehen* [2] содержит префикс *um-*, обозначающий движение взгляда по сторонам. В обоих представленных вариантах перевода данный глагол представлен как *to look round* [3, 4], где предлог *round* несет тот же смысл, что и префикс у исходного глагола. Глаголы *hinausgucken* [2] и *herausschauen* [2] демонстрируют типичную для немецкого языка модель выражения направления взгляда через префиксы (*hinaus-* и *heraus-*), тогда как в вариантах перевода на английский язык приведены глаголы *to peer* [3] и *to look* [4] с последующим предлогом *out* после каждого из них.

Таким образом, сопоставительный анализ глаголов зрительного восприятия в немецком и английском языках показал, что ключевым различием между ними является способ выражения направления взгляда. В немецком языке эта функция преимущественно реализуется морфологически – с помощью приставок, которые интегрируются в структуру глагола, тогда как в английском языке направление взгляда передается аналитически, посредством предлогов, следующих за глаголом.

Список литературы

- 1 Молчанова, Л. В. Семантические закономерности организации лексико-семантического поля зрительного восприятия в немецком языке / Л. В. Молчанова // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2015. – №. 1. – С. 191–200.
- 2 Grimms Märchen. Die schönsten Märchen der Brüder Grimm / W. Villaret. – Munich: C. Bertelsmann Verlag, 1957. – 444p.
- 3 Grimms Märchen. Alle Märchen der Brüder Grimm – URL: <https://www.grimmstories.com/> (date of access: 14.05.2025).
- 4 The Complete Grimm's Fairy Tales / M. Hunt, J. Stern. – New York : Pantheon Books, 1972. – 880p.

УДК 811'27:316.77

Д. А. Савишникова

Науч. рук. – Ю. Е. Акулич, ст. преподаватель

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассматривается межкультурная коммуникация, ее практические аспекты и роль в повседневной жизни. Охват ключевых концепций, основных факторов, влияющих на

успешную коммуникацию, представлен в работе посредством приведения примеров и рассуждений о том, как правильно установить успешную коммуникацию. Особое внимание уделяется применению принципов межкультурной коммуникации в различных сферах.

Межкультурная коммуникация относится к общению между отдельными людьми или группами, принадлежащими к разным культурным слоям. Она предполагает понимание различий в культурных нормах, ценностях, убеждениях и стилях общения, которые могут влиять на то, как люди взаимодействуют друг с другом. Это важно в различных контекстах, включая международный бизнес, дипломатию, путешествия и повседневное общение с представителями разных культур. Эффективная межкультурная коммуникация может способствовать взаимопониманию, предотвращать недоразумения и способствовать развитию позитивных отношений между людьми, принадлежащими к разным культурным слоям.

Культура является основой межкультурной коммуникации, поскольку выступает фактором социального развития, средства гармонизации отношений между человеком и природой, личностью и обществом. Коммуникация, в свою очередь, является своеобразной предпосылкой функционирования и развития культуры, поскольку сохранение культуры связано с необходимостью передачи культурной информации путем подражания символическим формам как от одного поколения к другому, так и от одной культуры к другой.

Межкультурность тем временем подразумевает не слияние или ассимиляцию культур, а принятие и оценку различных культурных особенностей в обществе, способствуя социальной интеграции и справедливости. Кроме того, она выступает за устранение иерархий, которые обычно ставят одни культуры выше других, способствуя установлению отношений равенства. Это современный концепт, который используется в социальных науках и приобрел значение в современном глобальном контексте. С другой стороны, идея межкультурного общения связана с другими фундаментальными концепциями, такими как разнообразие, плюрализм и мультикультурализм [1].

Так же, как и в науке, изучающей эволюцию культуры человека, межкультурную коммуникацию можно разделить на *макрокультуру* и *микрокультуру*:

- макрокультура – более общая, охватывающая культура;
- микрокультура – культура, которая присуща какому-то конкретному народу или какой-либо микроцивилизации [1].

Межкультурная коммуникация также может осложняться различными барьерами, которые могут возникать между людьми из разных культур. Некоторые из этих барьеров включают языковые различия, невербальные сигналы, культурные ценности и убеждения, а также отсутствие знания или понимания культуры друг друга. Эти различия могут приводить к конфликтам и недопониманию при общении с представителем другой культуры. Незнание культуры также может создавать барьеры в межкультурной коммуникации. Это отсутствие осведомленности может привести к стереотипным взглядам и поведению, которые могут еще больше усугубить проблемы коммуникации.

Чтобы улучшить навыки межкультурной коммуникации, люди предпринимают различные шаги. Во-первых, они могут получать знания о различных культурах посредством чтения, посещения культурных мероприятий или участия в программах межкультурного обучения. Во-вторых, люди должны осознавать свои собственные культурные предубеждения и активно работать над их преодолением. Они должны быть открытыми и готовыми адаптировать свой стиль общения для учета различных культурных норм и практик.

Межкультурная коммуникация относится к обмену информацией между людьми или группами с разным культурным происхождением. Язык является важнейшим компонентом межкультурной коммуникации, поскольку он служит средством передачи идей, мыслей и эмоций. Однако различия в использовании и интерпретации языка могут создавать проблемы для эффективного общения между культурами [2].

Также стоит заметить, что у каждой культуры своя логика, свое представление о мире. То, что значимо в одной культуре, может быть несущественным в другой. Становясь участниками любого вида межкультурной коммуникации, люди взаимодействуют с представителями других культур, существенно отличающихся друг от друга не только в языке, но и в нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе. Поэтому важно всегда с уважением смотреть на своего партнера с иной культурой. У каждого народа разные приоритеты в еде, одежде, в толковании времени и пространства. В результате формируется упрощенная модель окружающей действительности, которая помогает индивиду ориентироваться в сложном мире. Факт рождения человека в определенной культуре, а также его воспитание, играют особую роль в формировании представлений о мире, в связи, с чем мировоззрения людей носят относительный и разнообразный характер. В процессе интерпретации поведения носителя чужой культуры многое объясняется стереотипными представлениями.

Обобщение культурных аспектов вредит взаимопониманию между субъектами, а следование им приводит к печальным последствиям. Так, например, испанец подарил своему русскому другу на день рождения восемь прекрасных пионов, т. е. чётное число. Но в русской культуре чётное число цветов обычно приносят усопшим. Поэтому такой подарок, согласно данной культурной интерпретации, будет русскому, по меньшей мере, неприятен.

В современном обществе существует грань между культурной осведомлённостью и культурной ассимиляцией. Поэтому вместо того, чтобы предполагать, что вы знаете что-то, спросите об этом у нескольких представителей этой культуры. Знание культурных реалий людьми определенной нации не всегда совпадает с интерпретацией и пониманием его содержания представителями других национальностей [2].

Эффективная межкультурная коммуникация требует понимания и осознания различных факторов, которые могут повлиять на процесс. Некоторые из этих факторов могут включать следующие аспекты.

1 *Культурные различия*: разные убеждения, ценности, обычаи и поведение. Например, в некоторых культурах предпочтительнее не прямое общение, а в других – прямое. Важно понимать эти культурные различия, чтобы избежать недопонимания или непреднамеренного оскорбления кого-либо.

2 *Языковые барьеры*. Недостаточное владение языком другого человека или разница в диалектах может препятствовать эффективной межкультурной коммуникации. В таких случаях рекомендуется использовать невербальные сигналы: выражение лица, жесты и тон голоса.

3 *Культурные нормы и ожидания*. Понимание культурных норм и ожиданий другой стороны имеет решающее значение для предотвращения недопонимания. Например, в некоторых культурах считается невежливым задавать вопросы напрямую, поэтому нужно быть осторожным, задавая вопросы во время разговора [3].

В последнее время социальная роль межкультурной коммуникации возрастает вследствие большей актуализации. В современном обществе межкультурная коммуникация играет важную роль в создании более объединенного и гармоничного мира. Она способствует развитию толерантности, уважения и понимания разных культур. Межкультурная коммуникация позволяет людям строить мосты между различными культурами, учиться друг от друга и находить общее решение проблем.

Ярким примером являются международные деловые переговоры. Здесь собираются участники из разных стран, у каждой из которых

свои особенности ведения бизнеса, языки и стили общения. Например, деловая встреча между американскими и японскими фирмами, на которой американская прямота в напористом общении сочетается с японской косвенностью и акцентом на невербальные сигналы. Успех переговоров в этом сценарии зависит от осознания и адаптации каждой из сторон к этим культурным различиям. Это включает в себя понимание важности невербального общения в Японии, такого как поклоны или избегание прямого зрительного контакта, а также американское предпочтение прямоты и четкой устной коммуникации. Такая чувствительность к культурным нюансам не только способствует успешным переговорам, но и помогает строить долгосрочные деловые отношения.

Межкультурные особенности национальностей создают больше пространства для духовного взаимодействия и обмена, но интерпретация множества культурных аспектов находится в зависимости от ясности и независимости, не обращая внимания на всевозможные межкультурные однообразия, неправильного применения и замены основных понятий приводит к нередким мелким инцидентам между разными культурными группами. Помочь в ситуациях, связанных с межкультурной коммуникацией, могут посредники, знакомые с особенностями обеих взаимодействующих культур. Например, профессиональные переводчики, способные донести не только суть высказывания, но и то, какие дополнительные оттенки значения были в него вложены. В случае необходимости они могут смягчить неуместно крепкие выражения, допустимые в одной культуре, но неприемлемые в другой. В некоторых культурах принято сразу приступать к обсуждению главного вопроса, послужившего причиной встречи, в других культурах правила приличия требуют начать разговор с отвлеченной темы, чтобы установить личный контакт с собеседником. Резкий переход к главной проблеме без предварительной части будет для представителей последней культуры, по крайней мере, неудобным. Найти некий компромисс – задача посредника.

Таким образом, при межкультурной коммуникации всегда следует учитывать высокую вероятность непонимания, проявлять терпение, быть готовым скорректировать свое поведение, в соответствии со складывающейся ситуацией. Межкультурная коммуникация является огромной гуманистической ценностью, так как отдельный человек не может нормально существовать в изоляции от других людей, так и ни одна культура не способна полноценно функционировать в изоляции от культурных достижений других народов. Сегодня

естественна ситуация, когда любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры.

Список литературы

1 Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – Москва : Флинта ; Наука, 2013. – 632 с.

2 Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / Рос. акад. наук. под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 5. – 2012. – 728 с.

3 Образовательные ориентиры этнокультурного развития и сохранения традиционных этнических ценностей : сб. науч. тр. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; под. ред. : И. В. Кожанов. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 54.

УДК 811'27:316.77

Ю. А. Сидорейко

Науч. рук. – Ю. Е. Акулич, ст. преподаватель

СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕДРАССУДКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной работе рассматривается влияние стереотипов и предрассудков на суждения людей в процессе межкультурной коммуникации. Основная цель статьи – изучить природу стереотипов и методы борьбы с ними. Стереотипы и предрассудки могут вызвать дискommunikацию, а значит, представляют собой важный объект для изучения.

Коммуникация является неотъемлемой частью повседневной жизни, бизнеса и международных отношений. Эффективное взаимодействие между представителями разных культур часто осложняется наличием стереотипов и предрассудков устойчивых, но упрощённых и зачастую искаженных представлений о другой культуре или социальной группе. Эти когнитивные эмоциональные установки могут приводить к недопониманию, конфликтам и снижению качества ком-

муникации, что вызывает интерес к изучению природы стереотипов и предрассудков, их влияние на межкультурное общение, а также способов преодоления барьеров для построения более гармоничных и продуктивных взаимоотношений между людьми разных культур.

Каждая культура представляет собой набор знаков и символов, выраженных в языке с определенными значениями. Расшифровывая эти значения, представитель чужой культуры сталкивается с проблемой идентичности смыслов. Реальность такова, что конкретная культура (ее понятия, установки, модели поведения) как система декодируемых смыслов формирует стереотипы. Слово «стереотип» впервые было использовано для описания секретов типографского ремесла. Оно обозначало металлическую пластину, используемую для печати повторяющихся копий материала. В последнее время понятие стереотипа все чаще используется для характеристики процессов, связанных с культурой, идеологией, государственной политикой и т. д. Таким образом, культурные и этнические стереотипы – это предвзятое приписывание человеку определенных характеристик на основании его принадлежности к той или иной культурной или этнической группе. Это отношение к другому народу, сформулированное на основе опыта культурной и национальной общности. Примеры стереотипных представлений о людях и нациях можно найти уже в ранних этнологических описаниях иностранных классических авторов, таких как Геродот, Тацит или Юлий Цезарь [1].

Можно выделить следующие виды стереотипов:

- 1) рациональные – оценочные высказывания («арабы вспыльчивы»);
- 2) изобразительные – существуют в психологии в виде обобщающих образов (типичный мусульманин, типичная филиппинка);
- 3) эмоциональные – связанные с эмоциями (положительные – с симпатиями; отрицательные – с антипатиями).

Хотя стереотипы считаются в основном негативными суждениями, они могут быть и позитивными. Положительные стереотипы часто воспринимаются как положительные характеристики. Позитивные стереотипы не только подчеркивают сильные стороны целевой группы, но и создают активные отношения между группами. Например, стереотипы о врожденных спортивных и музыкальных способностях афроамериканцев могут создать позитивное взаимодействие между афроамериканцами и другими группами, которые ценят эти способности. Стереотипы вредны, когда они используются в качестве жестких

предрассудков и применяются ко всем членам группы или к человеку в течение определенного периода времени, независимо от индивидуальных различий.

Предрассудок – это иррациональная неприязнь, подозрительность или ненависть к определенной группе людей. Предрассудки включают в себя несправедливое, предвзятое или нетерпимое отношение к человеку. Негативные стереотипы часто приводят к менее продуктивному взаимодействию с другими людьми [2].

Выделяются следующие негативные воздействия стереотипов на коммуникацию между собеседниками.

1 *Стереотип может привести к недопониманию.* Например, японцы воспринимаются как люди, ориентированные на работу в команде. Однако, если относиться к ним так же, как к китайцам, из-за их схожих физических характеристик, то можно столкнуться с коммуникативной неудачей, поскольку между японцами и китайцами существуют национальные различия. Японцы, особенно молодое поколение, больше, чем китайцы, заинтересованы в индивидуальном вкладе в работу и гибких отношениях.

2 *Стереотипы могут вызывать предрассудки.* Стереотипы иногда помогают защитить самооценку или укрепить представление о члене превосходящей группы, поэтому человек может быть мотивирован применять негативные стереотипы к своим представлениям и решениям, чтобы восстановить чувство самоуважения. В этом случае стереотипы могут привести к межгрупповой дискриминации;

3 *Стереотипы могут влиять на работу человека.* Представители стереотипных групп могут начать уделять меньше внимания своей деятельности в определенной области. Например, долгосрочные стереотипы могут привести к тому, что учащиеся из определенных уязвимых групп перестают стремиться к хорошим результатам обучения и т. д.

4 *Стереотип можно изменить в небольших масштабах.* Хотя различные исследования показывают, что стереотипы невозможно устранить полностью, их можно уменьшить и изменить в узком диапазоне. Например, стереотип о том, что рабочие на заводах часто считаются неграмотными, часто использовался в коммунистических странах для мобилизации людей против определенной группы людей, но сейчас вследствие изменения сознания людей и их мировоззрения данный стереотип стал менее заметен и рабочие заводов сейчас не считаются глупыми, а являются специалистами, имеющими узкий профиль работы. Межгрупповые контакты и различные тренинги межкультурной осведомленности могут помочь. Но стереотипы все равно неизбежны в более широком контексте [3].

Проблема со стереотипами заключается в том, что независимо от того, положительные они или отрицательные, как только стереотипы выявлены, от них трудно избавиться. Иногда они существуют в подсознании человека и от них еще труднее отказаться. На это может повлиять недостаток информации о них.

Человек склонен принимать информацию из своего окружения, которое скорее подтверждает стереотипы, чем опровергает их. Стереотипы уменьшают неопределенность в процессе общения и повышают уверенность в предсказании поведения незнакомцев. Но чаще всего, основываясь на стереотипах, люди переоценивают общие черты группы и недооценивают индивидуальные различия, причем делают это автоматически, не задумываясь. По этой причине стереотипы часто приводят к недопониманию и даже конфликтам в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1 Intercultural stereotypes and the role of critical and creative thinking in overcoming them : [сайт]. – Vilnius, 2023. – URL: <https://journals.vilniustech.lt/index.php/CS/article/download/17187/11701> (date of access: 20.04.2025).

2 Роль и перспективы развития языкового обучения в современном образовательном пространстве : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., Уссурийск, 18 апр. 2024 г. / Приморский гос. агр.-техн. ун-т, – Уссурийск : ПГАТУ, 2024. – С. 59–65.

3 Hiyasova, S. G. Reflection of prejudices and stereotypes in cross-cultural communication / S. G. Hiyasova // Научный альманах стран Причерноморья. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 23–29.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392.1(476.2-37)Жыткавічы)

В. Н. Абрамовіч

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

РАДЗІННА-ХРЭСЬБІННЫЯ АБРАДЫ І ЗВЫЧАІ ЖЫТКАВІЦКАГА РАЁНА

У артыкуле на аснове экспедыцыйных матэрыялаў, запісаных у Жыткавіцкім раёне і апублікаваных у зборніку “Радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі беларусаў (на матэрыяле фальклору Гомельскай вобласці” [1], ахарактарызаваны абрады і звычаі, звязаныя з нараджэннем дзіцяці. Увага засяроджана на прыкметах і павер’ях, звязаных з цяжарнасцю жанчыны і нараджэннем дзіцяці, асобных рытуалах хрэсьбіннага застолля.

Радзінна-хрэсьбінная абраднасць беларусаў – адзін з важных відаў традыцыйнай народнай культуры беларусаў, і гэта абумоўлена тым, што нараджэнне дзіцяці заўсёды лічылася не толькі цэнтральнай падзеяй у жыцці, але і сакральнай падзеяй. Адсюль невыпадкова радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі напоўнены мноствам разнастайных прадудцыравальных дзеянняў, скіраваных на захаванне здароўя, забеспячэнне лепшай будучыні, а таксама на прадухіленне няшчасцяў і бед.

У наш час радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі захоўваюцца і сёння ў некаторых рэгіёнах Беларусі, асабліва на тэрыторыі аднаго з раёнаў Гомельскай вобласці – Жыткавіцкага. Важна падкрэсліць, што яны адаптаваліся да сучасных умоў жыцця, але працягваюць захоўваць асобныя традыцыйныя элементы, якія забяспечваюць перадачу маральна-этычных каштоўнасцей з пакалення ў пакаленне. Папулярнымі і сёння застаюцца такія кампаненты, як выбар хросных бацькоў і святкаванне нараджэння дзіцяці,

Як вядома, “у складзе радзіннай абраднасці вызначаюцца тры асноўныя моманты: само нараджэнне, ачышчэнне маці і бабкі-павітухі і прыём у грамадства новага члена” [2, с. 319]. Засяродзім увагу на прыкметах і павер’ях, звязаных з цяжарнасцю жанчыны.

З самага пачатку цяжарная жанчына знаходзілася пад уважлівым наглядам з боку сям'і. Верылі, што яе ўчынкi, паводзіны абавязкова адаб'юцца на здароўі, характары і лёсе дзіцяці, таму для цяжарнай жанчыны існаваў асаблівы звод правіл і паводзін на ўсе выпадкі жыцця. Правілы гэтыя грунтаваліся на ўніверсальным магiчным прынцеце: *“падобнае выклікае падобнае”*. Лічылася, што паводзіны цяжарнай жанчыны, рысы яе характару (працавітасць, клопат пра сям'ю, набожнасць, сумленнасць) непасрэдна ўплываюць на будучыню дзіцяці, уплываючы на яго выхаванне ў будучым як працавітага, добрасумленнага і рэлігійнага чалавека. Адпаведна, парушэнне цяжарнай жанчынай сацыяльных і маральных норм магло, зыходзячы з народных вераванняў, прывесці да нараджэння дзіцяці з негатыўнымі рысамі характару:

“Цяжарнай жанчыне забаранялася:

– пераступаць вяроўку, бо пры нараджэнні пупавіна перадушыць дзіця, вакол горла абаўеца;

– стаяць на парозе хаты, бо будуць цяжкія і працяглыя роды;

– прасіць ў доўг, бо тое, што папросіш, з'ядуць мышы;

– працаваць, асабліва ў святы;

– хадзіць на могілкі ці на похараны, бо дзіця народзіцца жоўтае” (в. Рычоў) [1, с. 224–225].

“Як бярэменная, то калі спужаецца, то не трэба хватацца за цела, бо дзіця будзе покрыта пятнамі.

Нельзя лезці ў жэрдыны.

– Нельзя, як сціраеш, класці одзежу выкручуную на плечы, штоб пупавіна не завезалася на шыі дзіцяці” (в. Пухавічы) [1, с. 227].

Падчас родаў жанчыне-парадзісе дапамагала бабка-павітуха. Звычайна за ёй пасылалі мужа ці замужнюю жанчыну, даючы ім з сабой лустачку хлеба з соллю ў якасці знака павагі і просьбы аб дапамозе. У сваю чаргу, бабка-павітуха, ідучы да парадзіхі, несла пірог ці хлеб, дэманструючы гатоўнасць дапамагчы: *“Павітуха дапамагала парадзісе як магла. Акрамя чыста акушэрскіх прыёмаў, яна выконвала шэраг магiчных дзеянняў, заснаваных на веры ў звышнатуральныя сілы. На парадзісе расшпілялі ўсе гузікі, развязвалі вузлы, паясы, распяталі косы, адкрывалі ўсе замкі, дзверы, куфры ў хаце. Бабка шаптала замовы, пастуквала венікам у столь, як бы звяртаючыся за дапамогай да дамавіка. Вадзіла парадзіху тры разы вакол стала і праз ганак, якія лічыліся свяшчэннымі месцамі хаты. Дзейсным сродкам абялгчэння пакут парадзіхі лічыўся такі: зняць у дзяжы абруч і надзець яго тры разы на парадзіху зверху ўніз”* (в. Азяраны) [1, с. 221].

На працягу жыцця бабка-павітуха падтрымлівала адносіны з дзецьмі, якіх яна бабіла, рабіла ім падарункі на святы. Неўзабаве пасля родаў сяброўкі і сваячкі парадзіхі прыходзілі яе адведваць. У гэтых візітах, якія не патрабавалі спецыяльнага запрашэння, удзельнічалі толькі замужнія жанчыны. Наведванне суседкамі жанчыны-парадзіхі было абавязковым: верылі, што жанчыну, якая не прыйшла да сяброўкі, чакала асуджэнне з боку грамадства. Госці прыносілі з сабой такія пачастункі, як пірагі, бліны або хлеб, і праводзілі час у размовах аб родах і сваім уласным вопыце. Адведкі былі прызначаны для матэрыяльнай падтрымкі жанчыны-парадзіхі. Важна адзначыць, што, калі дзіця яшчэ не было ахрышчана, яго маглі нават не паказваць гасцям.

Усе абрадавыя дзеянні, якія праводзілі з нованароджаным, былі скіраваны на тое, каб магічным чынам забяспечыць яму добрую долю і здароўе. *“Павітуха ніколі не прымала дзіця голымі рукамі, а накрывала іх якім-небудзь старым адзеннем, каб у будучым дзіця жыло ў багацці. Часам жартам павітуха загортвала хлопчыка ў жаночую сарочку, каб яго, як падрасце, любілі дзяўчаты”* (в. Азяраны) [1, с. 221]. Затым бабка-павітуха перавязвала пупавіну чыстай ільняной ніткай, пасля чаго пераразала яе. Пры гэтым выбар прадмета для пераразання залежаў ад полу дзіцяці. Як сведчаць фактычныя матэрыялы, пупавіну перавязвалі хлопчыкам – на сякеры, нажы, кары дуба ці малатку, а дзяўчынкам – на грэбні, верацяне або нітках, што сімвалічна ўплывала на вызначэнне ў будучым іх прафесійных заняткаў. Калі пупавіна адпадала (прыкладна праз 4–5 дзён), то яе клалі ў дзірку, што была ў сцяне хаты. Калі дзіця дасягала 7 гадоў, яму прапаноўвалі развязаць вузельчык з пупавінай, што, лічылася, магло паспрыяць яго разумоваму развіццю.

Першыя тры дні пасля нараджэння былі поўныя абмежаванняў, бо нараджэнне лічылася пераходам дзіцяці з чэрава маці ў іншы свет. У гэты перыяд было строга забаронена што-небудзь выносіць з хаты або даваць у пазыку як сваім, так і чужым: *“Это для того, коб у хаці царыў покой, гетэ закрывало падход до сем’і і хазяйства тым, хто можэ навесці нячысту сілу і ўкрасці долю маленькага. Гетэ ж робілось, колі і хазяйство прыносіло прыплод”* (в. М. Малешаў) [1, с. 223].

На дзявяты дзень пасля нараджэння бабка-павітуха праводзіла абрад першага купання дзіцяці. Ваду не кіпяцілі, баючыся, што кіпячая вада зробіць дзіця злым і крыклівым (пра чалавека са скандальным характарам гаварылі: *“У гарачай вадзе купаны”*). Падчас

купання немаўляці выкарыстоўвалі розныя сімвалічныя прадметы, напрыклад, хлопчыку ў ваду клалі зярняты жыта для здароўя і працягу роду, пярсцёнак для пераймання бацькавай справы, а дзяўчынцы – аднакапеечную манету, каб палегчыць менструальны цыкл.

Беларусы вельмі адказна падыходзілі да выбару кумоў, а само хрышчэнне праводзілі да 40-га дня. Выбіралі імя хросных бацькоў. Існавала павер’е, што да хрышчэння нельга паказваць дзіця незнаёмым людзям: *“За дзень да хрысцін, а яны праводзіліся абавязкова ў нядзелю, бацька дзіцяці нёс у хату хросным бацькам і бабцы-навітусе хлеб-соль, завёрнуты ў ручнік ці кавалак палатна, і запрашаў на хрысціны. На другі дзень з самай раніцы прыходзілі хросныя бацькі і бабка-навітуха. Яны ішлі не з пустымі рукамі: хросная маці брала з сабой “мятліка” (такі падарунак, які потым зносіць дзіця), бацька хросны браў грошы, а бабка несла адзенне, у якое будзе апранацца дзіця ў царкве. Спачатку бабка мыла дзіця вадою з мака, апранала яго адзеннем, прыказваючы: “Як я цябе адзявала, так штоб вяселле даждала. Дай, Бог, табе гэтае адзенне знасіці і нам усім любым быці. Каб ты.ю мой унучак, рос да прыбываў, да каралём стаў. А зараз я цябе хрышчу, перахрышчаю і да хроснай маці пасылаю” (у гэты момант аддае дзіця хроснай маці)”* (в. Дзякавічы) [1, с. 221–222].

Хросныя бацькі адыгрывалі ключавую ролю ў жыцці чалавека. Яны неслі адказнасць за маральнае выхаванне хроснікаў, з’яўляючыся аўтарытэтнымі дарадцамі. Менавіта кум і кума аказвалі матэрыяльную дапамогу і нават бралі на выхаванне дзяцей, калі адбывалася бяда з іх бацькамі. У выбары кумоў існавалі два падыходы. Адны аддавалі перавагу сваякам, што забяспечвала ўмацаванне роду. Іншыя, наадварот, запрашалі людзей “збоку”, пры гэтым хросных бацькоў заўсёды лічылі блізкімі людзьмі.

Хрысцілі дзіця звычайна пад вечар. Як правіла, бацькі дзіцяці не прымалі ўдзел ў хрышчэнні. Яны заставаліся дома і рыхтавалі хрэсьбінный стол. Пакуль ішло хрышчэнне, маці імкнулася зрабіць як мага больш працы па гаспадарцы, верачы, што гэта прынясе дзіцяці працавітасць у будучыні. Падчас самога абраду хрышчэння назіралі за паводзінамі дзіцяці, каб прадказаць яго лёс.

Абрад хрышчэння завяршаўся хрэсьбінамі, якія праводзілі бацькі нованароджанага. Гэта было своеасаблівае прызнанне і прыняцце новага члена ў грамаду, таму ўдзел у святкаванні бралі толькі дарослыя, жанатыя члены абшчыны, а прысутнасць моладзі не віталася. Як і ўсе значныя першыя падзеі ў жыцці, хрэсьбіны

лічыліся вызначальнымі для далейшага лёсу дзіцяці. Ключавыя ролі ў гэтым абрадзе адводзіліся кумам і бабцы-павітусе. *“Самыя ганаровыя месцы за сталом, у святкаванні хрэсьбін, належалі куму і куме. Кумы павінны былі сядзець як мага бліжэй адзін да аднаго, каб у дзіцяці былі густыя зубы і каб жыло ў згодзе з другімі людзьмі”* (в. Азяраны) [1, с. 221], Каб жыццё дзіцяці было доўгім і спакойным, сталы ставіліся ў прамую лінію.

Бабіна каша лічылася галоўнай абрадавай стравай на хрэсьбінах. Гэта была грэцкая, ячная, пшонная ці рысавая каша, якую бабка-павітуха варыла на малацэ, запраўляла маслам ці салам, мёдам, цукрам. Для яе прыгатавання звычайна купляўся новы гаршчок. Бабка-павітуха ўрачыста несла па вуліцы гаршчок з кашай у спецыяльным кошыку, сплеченым з лазы. *“Кашу ставілі на стол і куплялі яе, лажылі грошы, падаркі. У гэтым торзе патрэбна, каб перамог кум. Хто пераможа ў грошах, той і б’е кашу. Калі білі гаршок, гаварылі: “Дзе чарапкі б’юцца, там дзеці вядуцца”* (в. Рычоў) [1, с. 225].

У параўнанні з фальклорам іншых усходнеславянскіх народаў, унікальнай асаблівасцю беларускай традыцыйнай культуры з’яўляецца захаванне ў рэпертуары жыхароў хрэсьбінных песень. Варта адзначыць, што беларускія хрэсьбіны вылучаюцца сваёй карнавальнасцю і выкананнем жартаўлівых сцэнак, дыялогаў: *“На хрэсьбінах спяваліся прыпеўкі і пра кумоў:*

Кум куму любіў,

Па саду вадзіў.

А чаго ж мне кумы

Да й не любіці, Па зялёнаму саду

Да й не вадзіці” (в. Азяраны) [1, с. 221].

“Ой, куме, куме,

Добра гарэлка.

Будумо піці

До понедзелка ” (в. Рычоў) [1, с. 225].

На трэці дзень пасля хрышчэння праводзіўся абрад ачышчэння. Дзіця купалі, пакуль збіраліся госці. Рабілася асаблівая сумесь з вады, аўса і хмелю. Бабка-павітуха купала дзіця, а потым ваду вылівалі ў тое месца, дзе ніхто не ходзіць.

Такім чынам, радзінна-хрэсьбінныя абрады, звычаі і песні Жыткавіцкага Палесся, з’яўляючыся важнай часткай фальклорнай спадчыны беларусаў, дапамагаюць асэнсаваць светапогляд нашых продкаў, зразумець семантыку абрадавых дзеянняў, а таксама пацвярджаюць багацце рэгіянальна-лакальных асаблівасцей.

1 Радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі беларусаў (на матэрыяле фальклору Гомельскай вобласці) / аўтары-ўкладальнікі Новак В. С., Шынкарэнка В. К., Кастрыца А. А., Воінава А. М., Вяргеенка С. А., Палуян А. М., Партнова-Шахоўская А. У. – Гомель: Барк, 2013. – 380 с.

2 Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.

УДК 392.5(=161.3):392.5(=112.2)

А. В. Акулич

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ТРАДИЦИИ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ У БЕЛОРУСОВ И НЕМЦЕВ

В статье рассмотрены традиции свадебной обрядности у белорусов и немцев. Осмысливая семантику отдельных обрядовых моментов свадебной обрядности белорусов (автор опирается на фактический материал книги «Вяселле на Гомельшчыне» [1]), а также немцев, автор выявляет схожие и специфически отличительные черты отдельных этапов свадебных обрядовых комплексов обоих народов.

С самых давних времен заключение брака сопровождалось различными традиционными обрядами, которые передавались из поколения в поколение, порой забывались какие-то отдельные моменты свадебной обрядности и устойчиво сохранялись другие. Следует отметить, что каждый народ славится своими собственными уникальными, неповторимыми свадебными традициями и характерными для них приметами и поверьями. Одни из них вызывают у современного человека недоумение и неприятие, а другие, напротив, очень ценятся и используются по сей день.

Проведение свадебных обрядов у белорусов играло очень важную роль в жизни будущих молодоженов. Они призваны были наполнить грядущую семейную жизнь счастьем, достатком, здоровым потомством и миром в доме. Свадьба представляла собой не только комплекс магических обрядовых действий, характерных для каждого из обрядовых этапов, но и являлась веселым времяпровождением, которое сопровождалось песнями, музыкой, танцами и играми.

Поскольку белорусы очень верили в различные приметы и суеверия, свадьба могла состояться только в условных временных рамках. Например, во время постов жениться было категорически нельзя. Самым оптимальным временем для торжества был период зимнего мясоеда, длившегося, начиная с Крещения и заканчивая Масленичной неделей, а также конец лета и начало осени.

Общеизвестно, что традиционную белорусскую свадьбу можно разделить на 3 этапа: досвадебный или подготовительный, собственно свадебный, послесвадебный. На подготовительном этапе осуществлялись сватовство, запоины, смотрины, помолвка.

Жених, его родители и сват шли поздно вечером с хлебом, солью и водкой сватать невесту, под видом купцов просились в дом невесты. Обычно сватовство сопровождалось ритуальным диалогом: *«Заходзяць у хату і гавораць: «Так, мы ж шлі па вашай дзярэўне, цёлку купіць хочам». – «У нас цёлкі няма», – адказваюць. «А што ў вас ё?» – «Да адны дзеўкі». – «А у нас жаніх ё». – «Дык давайце сватацца»»* [1, с. 168].

Через определённое время после успешного сватовства проводятся запоины. Мать жениха приносит хлеб, сам жених – водку, а невеста дарит подарки свекру и свекрови. Во время совместного застолья назначался день, когда должна состояться помолвка. Однако даже после запоин свадьба могла не состояться, если вдруг молодые передумали вступать в брак, например, становилось известным что-то плохое либо о женихе, либо о невесте, иногда причиной разлада был вопрос о приданом.

После запоин осуществлялись смотрины: *«На другой нядзелі маладая з бацькам і маці ідуць да маладога. Там яшчэ раз гавораць пра дзень вяселля. Заадно глядзяць, як жыве малады, што ў яго ёсць»* [1, с. 263].

Нередко накануне свадьбы проводилась помолвка: *«Заручыны адбываліся пры вялікай прысутнасці гасцей. Гуляюць заручыны паасобку – нявеста сабе, жаніх сабе. Гуляюць ноч. На заручынах дамаўляліся аб дні правядзення вясельнага застолля»* [1, с. 161].

Собственно свадебный этап является самым важным, включающим в себя другие обрядовые этапы: девичник, каравай, посад, свадебное застолье в доме невесты, раздел каравая, отъезд в дом молодого, свадьба в доме молодого. Обратим внимание, как проходил обрядовый этап под названием «девичник», когда в доме у невесты собирались её подруги, имели место ритуалы прощания с ними.

Обычно эта традиция проводилась в субботу прямо перед свадьбой. Отсюда и название «Суборная суббота»: *“Перад самым вяселлем, у суботу вечарам, у хаце маладой збіраліся яе сяброўкі. Збіраліся, каб развітацца, бо пасля замужжа маладая не мела права хадзіць гуляць з імі”* [1, с. 174–175]. В этот день подругам невесты было принято плести венок для молодой, который служил свадебным головным убором.

Очень большое значение белорусы придавали выпечке каравая. Для его приготовления обычно приглашали замужних женщин, которые во время выпекания обрядового хлеба пели песни или повторяли словесные заклинания: *“Вырастай высокі-высокі, каб жаніх харошы-харошы”* [1, с. 270]. Считалось, что если каравай удался, брак обещал быть счастливым. Когда тесто поднималось настолько высоко, что извлечение каравая из печи становилось затруднительным, это в отдельных случаях также интерпретировалось как очень хороший знак.

Собственно свадебный процесс длился несколько дней. Начиналось все с того, что пока жениха благословляли родители, невесту в это время наряжали ее подруги, а старшие женщины готовили праздничный стол. «Молодую наряжали со всей тщательностью: заплетали косу, окончательно подгоняли платье, перевязывали невесту домотканым красным поясом. Фату (вэлюм) одевали в самый последний момент» [2].

Примерно к обеду к дому невесты приезжал жених вместе со своими друзьями, чтобы выкупить ее у подружек и родителей. *“Сяброўкі з боку маладой прыдумвалі розныя пераашкоды для дружыны маладога, які павінен быў плаціць грошы за тое, што не змог пераадоліць тую ці іншую пераашкоду”* [1, с. 175]. После успешного выкупа молодые отправлялись в церковь для совершения венчального обряда. Вечером того же дня проводилось деление каравая, во время которого гости дарили молодым различные подарки, сопровождаемые словами-пожеланиями.

В ночь проводился обряд снятия фаты. Невесте снимали фату, распускали косу и завивали волосы. Это обозначало, что девушка теперь стала замужней женщиной. После этого молодую забирали жених со своей дружиной и они вместе ехали в его дом. По традиции родственники со стороны жениха готовили постель в чулане, в котором должны были запереть молодых для осуществления обряда первой брачной ночи.

Свадебные гуляния проводились на протяжении 3–5 дней, в зависимости от области. Они сопровождались богатыми застольями

и различными обычаями, например, такими, как послесвадебные «перезвы» и «разгребины». С девятого по сороковой день со дня свадьбы у молодоженов проводился «медовый месяц».

Как и белорусы, немцы издавна очень ценят свои свадебные традиции, также верят в различные приметы и суеверия. Считалось, что если в день торжества идет дождь, то это к несчастью, а ураган или буря предзнаменовали бурную семейную жизнь. В некоторых регионах немцы верили в то, что жениться нужно в дни нарастающей луны: чем она больше, тем счастливее будет брак. Следует отметить, что современные немецкие свадьбы включают в себя достаточно много древнейших ритуалов, передающихся из поколения в поколение.

Традиционно немецкая свадьба подразделяется на три этапа. Ни одна свадьба не обходится без помолвки. До недавнего времени помолвка играла у немцев куда большую роль, чем само свадебное торжество. Немцы понимали ее как заключение публичного договора при наличии судей. В нём говорилось, где и как будет проводиться свадьба, размер приданого и тому подобное. Более того до помолвки молодым не разрешалось проявлять свои чувства и появляться вместе на публике.

За один или несколько дней до свадьбы гости собирались в доме жениха и невесты и приносили старую фарфоровую посуду. Они разбивали ее на мелкие кусочки, таким образом прогоняя злых духов от молодой семьи. Этот необычный обряд имеет название “Polterabend”, что с немецкого означает «вечеринка накануне свадьбы». После молодые должны были собрать и выбросить всё до последнего осколка. “Übrigens darf an diesem festlichen Abend nicht nur Porzellangeschirr, sondern auch Müll aus anderen zerbrechlichen Materialien zerbrochen werden: Ton, Keramik, Glas”. («В этот праздничный вечер можно разбивать посуду не только из фарфора, но и из других хрупких материалов: глины, керамики, стекла») [4]. В это же время гости посыпали их горохом или чечевицей, желая молодым счастья и здорового потомства. Обряд всегда сопровождался богатым застольем, наполненным различными национальными блюдами и напитками.

Как и у белорусов, у немцев также проводились такие обрядовые моменты, как «девичник» и «мальчишник», символизирующие прощание с холостяцкой жизнью.

Утро начиналось с приготовлений к свадьбе. Исходя из народных поверий, свадебное белое платье, которое должна была надеть невеста, передавалось из поколения в поколение. Каждая немецкая

девушка с самого детства собирала монеты, чтобы купить именно за них новую свадебную обувь. Этот обычай называется “Hochzeitsschuhe” (свадебные туфли), который символизирует бережливость будущей невесты и умение распоряжаться семейным бюджетом. Важным атрибутом был свадебный венок, украшенный драгоценностями и бусинами. Его невеста не должна была его снимать до первой брачной ночи: “Der Hochzeitsstrauß der deutschen Braut, die zum ersten Mal heiratet, sollte aus Myrtenbaum bestehen”. («Если девушка выходила замуж в первый раз, ее свадебный букет должен быть составлен из цветов дерева мирт») [4].

Свадебную церемонию немцы старались успеть провести утром до 12 часов. Это время считалось самым благоприятным для заключения брака. Если же они не успевали, то даже переводили стрелки церковных часов вспять.

Начиналось все с того, что жених приезжал на карете с лошадьми, чтобы забрать невесту и поехать в церковь для совершения венчального обряда. Невесте было запрещено оглядываться назад, иначе брак мог не состояться. На подходе к алтарю молодых сопровождали гости, которые посыпали дорожку лепестками роз, чтобы, по поверьям, привлечь богиню плодородия, способствующую здоровому потомству. Во время церемонии жених и невеста держат в руках свечи, обвязанные атласной лентой, которые символизируют единство и невозможность обойтись друг без друга.

У немцев есть много интересных старых традиций, имеющих место после проведения свадебной церемонии, которые совершаются и по сей день. Одной из таких свадебных традиций является “Baumstamm zersägen” («распиливание бревна»): «Сразу же после церемонии, как только молодожены вышли из церкви, перед ними предстает тяжелое бревно на двух пильных козлах. Молодоженам дается старая ржавая пила, они становятся друг напротив друга и начинают пилить, это означает, что новоиспеченные муж и жена будут работать вместе. Эта традиция также символизирует то, что все проблемы, которые встанут на их пути, необходимо решать сообща» [6].

“Einen Rosenstrauch pflanzen” («посадка розового куста») – ещё одна необычная традиция в Германии: “Ein deutsches Ehepaar muss an seinem Hochzeitstag einen Rosenstrauch pflanzen – diese alte Tradition ist im ganzen Bundesland noch weit verbreitet. Im Allgemeinen ist das Pflanzen von Bäumen die heilige Pflicht einer angesehenen deutschen Jugend”. («Немецкая супружеская пара должна посадить розовый куст в день свадьбы – эта старая традиция до сих пор широко распространена по всей Германии. Сажать деревья – священный долг уважаемой немецкой молодежи») [4].

Немцы нередко проводили “Brautenführung” («Похищение невесты»). “Während der Feier wird die deutsche Braut normalerweise von einem Zeugen entführt und in einem nahe gelegenen Raum versteckt. Ein Test kommt für den Bräutigam, der seine Geliebte so schnell wie möglich finden und befreien muss”. («Во время празднования немецкую невесту обычно похищает свидетель и прячет в соседней комнате. Для жениха грядет испытание, в котором он должен как можно скорее найти и освободить свою возлюбленную») [4].

Таким образом, рассмотрев особенности свадебной обрядности белорусов и немцев, можно сделать вывод, что ход и этапы свадебного обрядового комплекса у обоих народов при всей схожести имеют свои собственные уникальные обряды и обычаи, которых не наблюдается в традиционных культурах белорусского и немецкого народов.

Список литературы

- 1 Вяселле на Гомельшчыне: фальклорна-этнаграфічны зборнік. – ЛМФ “Нёман”, 2003. – 442 с.
- 2 Туристический портал «Про Беларусь» – URL: <https://probelarus.by/> (дата обращения: 11.05.2025).
- 3 ГОРЬКО.БЕЛ – все для Свадьбы и Праздника – URL: <https://www.gorko.by/> (дата обращения: 11.05.2025).
- 4 UberAlles – URL: <https://uberalles.live/> (дата обращения: 18.05.2025).
- 5 Moskauer deutsche Zeitung – URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/> (дата обращения: 18.05.2025).
- 6 Дестинейшнс.ру – путеводитель по странам, городам и их достопримечательностям – URL: <https://destinations.ru/> (дата обращения: 18.05.2025).

УДК 398.332.19(4762-37Рагачоў)

Г. А. Асіпцова

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

АБРАД ВЫКЛІКАННЯ ДАЖДЖУ НА РАГАЧОЎШЧЫНЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ РАГАЧОЎСКАГА РАЁНА)

У артыкуле, прысвечаным апісанню мясцовых асаблівасцей абраду выклікання дажджу, выкарыстаны аўтэнтычныя матэрыялы,

запісаныя ўласна аўтарам артыкула і апублікаваныя ў зборніку “На берагах Дняпра і Друці: народная духоўная культура Рагачоўскага раёна” [1]. Прыведзеныя ў якасці прыкладаў звесткі пра абрад выклікання дажджу сведчаць пра непаўторнае рэгіянальна-лакальнае багацце традыцыйнай культуры Рагачоўскага раёна.

Спрадвечна дождж з’яўляўся цэнтральнай тэмай у сістэме народных вераванняў розных народаў. Фальклорная спадчына Рагачоўскага раёна разнастайная і цікавая, але асаблівае месца ў ёй займае абрад выклікання дажджу. Гэта не дзіўна, таму што дождж – ключавы элемент жыцця людзей: менавіта ад яго залежаў ураджай, што наўпрост уплывала на ўзровень жыцця вяскоўцаў. Калі дажджу доўга не было або ён быў зусім дробным і нядоўгім, людзі палохаліся і звязвалі гэту з’яву са звышнатуральнымі сіламі.

Усё гэта прывяло да з’яўлення спецыяльных абрадаў, прызначаных для ўлагоджвання, паводле міфалагічных уяўленняў, прыродных духаў, каб нарэшце пайшоў дождж. Абрад выклікання дажджу ў розных мясцовасцях Беларусі мае самабытны характар, але нягледзячы на гэта можна заўважыць і агульную аснову абраднасці выклікання дажджу.

Засяродзім увагу на мясцовых асаблівасцях абраду выклікання дажджу ў Рагачоўскім раёне. Паводле ўспамінаў жыхароў вёскі Стрэнькі, адметным атрыбутам у абрадзе выклікання дажджу з’яўляліся лялькі, якія спецыяльна рабілі для ўдзелу ў гэтай абрадавай цырымоніі: *“Яшчэ ў дзяцінстве ў нас быў вясковы клуб, які цяпер ужо не працуе, дык вось, у гэты клуб мы хадзілі проста гуляць і часта рабілі лялькі, там былі цёткі, якія вучылі нас гэтаму. Гэтыя лялькі мы рабілі з саломы, адзежку ім з рыззя рознага рабілі, усё гэта ніткамі завязвалі і прыносілі дадому, памятаю, радасныя заўсёды былі, калі атрымлівалася хутка іх зрабіць. Потым маці мая ставіла ў агарод ляльку гэтую, потым яшчэ і ў дом на акно, вельмі часта дождж і пачынаўся пасля гэтага, вось”* (запісана намі ў в. Стрэнькі ад Жукавай Валянціны Іванаўны, 1949 г. н.) .

Лічылася, што, калі людзі пачыналі капаць зямлю да Дабравешчання («Благавешчання») або гарадзіць плот, дажджу не будзе і прыйдзе засуха, таму мясцовыя жыхары ні ў якім разе не робяць гэтага, а калі хто і робіць, то суседзі і іншыя людзі лаюць за гэта і папракаюць. *“Вось, еслі да Благавешчання плот ці зямлю капаеш, то абязцельна дождж іці не будзе. Нада после Благавешчання зямлю капаць і плот гарадзіць. У нас у вёсцы такое была. Загарадзілі*

да Блажавешчання забор – дажджа ням. Выходзілі, крычалі, маліліся, што не было дажджа. Патом узялі, павалілі гэты плот. Усё, дождж адразу пайшоў. Вот эта было. Я помню харашо” (в. Высокае) [1, с. 265].

У некаторых вёсках у абрадзе выклікання дажджу выкарыстоўвалі ў якасці такога атрыбута хлеб, які спецыяльна рыхтавалі. Гэты хлеб-каравай, які папярэдне акраплялі пасвечанай вадой, пакідалі ў полі або каля ракі. Лічылася, што такім чынам можна задобрыць прыроду, і тады, меркавалі, што пойдзе дождж. Абрад выклікання дажджу ў в. Стрэнькі адбываўся, зыходзячы са сведчанняў інфармантаў, наступным чынам: “Так, мы гэта рабілі вельмі часта, я як цяпер памятаю. Як толькі дажджу доўга не было, маці пастаянна клікала дапамагаць печ, каравай, ой, як жа мне гэта не падабалася ў маладосці і дзяцінстве, пастаянна пачэш, пачэш, але што-што, а дождж пачынаўся амаль адразу, недарма было тое, значыць, у дарослым узросце я перастала гэтага рабіць, але вось, як цяпер памятаю, як злавалася на гэта, потым яго яшчэ і вадой пасвяцонай, якую ў бацюшкі бралі, пырскалі, але ёсць яго маці, і яна не дазваляла чаму-та, у поле выносілі і пакідалі там, яшчэ і да рэчкі, бывала, прыйдзем з ім” (запісана намі ў в. Стрэнькі, ад Жукавай Валянціны Іванаўны, 1949 г. н.).

Паводле іншых фактычных матэрыялаў, у некаторых мясцовасцях праводзілі абворванне дарогі або ракі. На тэрыторыі Рагачоўскага раёна мела месца пераворванне вусця ракі. Лічылася, што гэтымі дзеяннямі людзі стымулююць, будзяць ад сну водную стыхію і тым самым заклікаюць дождж. Калі выконвалі абрад абворвання, то важнае магічнае значэнне надавалі зеляніне. Звычайна прыносілі галінкі дрэў, звычайна галінкі “мая”, кідалі іх у раку, у калодзежы: “А многія жанчыны, мужчыны (быў такі абрад) ішлі араць рэчку, значыць, прыносілі плуг, якім сеюць бульбу, і аралі, браліся: хто цянуў плуг, хто ішоў за плугам. Многа людзей ішло: хто смяяўся, хто малітву чытаў. І так працянулі ў адзін бок, у другі. Многа раз цягалі гэты плуг. Пасля плуга прыносілі ветацкі «мая», многа сабіралі і прыносілі «май», гэта ветацкі, якія ламаліся ў траецкую суботу і ўкрашваліся імі хаты ў вёсцы, вароты. Рвалі не толькі ветацкі «мая», а явар. Віселі, сохлі гэтыя ветацкі, потым сабіралі іх і прыносілі, і кідалі ў рэчку, не толькі ў рэчку, і ў калодзежы кідалі, у крынічку. Хто смяяўся, дзеці смяліся, старыя людзі сварыліся, каб, калі малітвы чыталі, слухалі, весяліліся” (в. Заладзе) [1, с. 266].

Абрадаў, звязаных з калодзежам, вялікая колькасць. Асабліва распаўсюджаны быў абрад, калі ў калодзеж сыпалі мак. Пры гэтым чалавек, які сыпле гэты мак, павінен прыгаворваць пэўныя словы для таго, каб яго жаданне споўнілася: *“У нашай вёсцы, каб пайшоў дождж, рабілі так. Выходзілі да калодзежа, адчынялі крышку і сыпалі макавае зерне, і гаварылі: «Колькі зерня макавага, столькі дажджу будзе». І нашы мары збываліся. Тры-чатыры дні ішоў дождж”* (в. Задруцце) [1, с. 266].

У другім варыянце абраду выклікання дажджу, у якім важным прадметным атрыбутам з’яўляўся мак, удзельнічалі і дзяўчаты, у якіх павінны быць “доўгія валасы”. Адбываўся гэты абрад такім чынам: выбіраліся дзяўчаты з “доўгімі валасамі”, яны чыталі малітвы пад вечар, а астатніх адпраўлялі “даіць” мак, потым тыя праводзілі спецыяльныя дзеянні каля калодзежа: *“У нашай вёсцы, калі была засуха і не было дажджу, вось, каторыя бабкі старэнькія былі, яны ведалі такія абрады і нас пасвяшчалі ў гэтае. Яны бралі пасвяцены мак сабе і выбіралі дзевачак такіх, з доўгімі косамі, і вось пад вечар яны чытаюць малітвы, стаяць перад іконамі, а нас адпраўляюць даіць мак, і каб трыжды праз калодзеж, накланяліся задам, галовамі, і праз валасы сынеш мак у калодзеж, і завеш там, выклікаеш дождж, каб пасушыў пасевы”* (Рагачоўскі раён) [1, с. 267].

Акрамя варыянтаў абраду выклікання дажджу, звязаных з нейкімі адмысловымі дзеяннямі, мелі месца і такія, якія ўключаюць у сябе толькі пэўныя славесныя прыгаворы і выкарыстоўваюцца вельмі часта тады, калі доўга няма дажджу. Гэта найбольш распаўсюджаныя абрады, таму што для іх выканання іншы раз не патрэбны былі асаблівыя дзеянні, толькі веданне асобных фраз. Звесткамі пра адзін з такіх варыянтаў абраду выклікання дажджу, звязанага са славеснымі прыгаворамі, падзялілася жыхарка вёскі Стрэнькі Зоя Іванаўна Баранова: *“І я, і мая маці, і бабуля мая таксама, нават дзеці мае і ўнукі выкарыстоўвалі гэтую прымаўку. Дзеці, вядома ж, рабілі гэта жартам і па звычцы, але вось я з бабуляй сваёю і мамкай клікалі дождж. Дык вось, мы казалі так: «Дожджык, дожджык, лупані, бабу з поля прагані, бабу сядзе на лапату і паедзе далей у хату». У дзяцінстве жах як часта я яе казалі, нават цяпер таксама так раблю”* (запісана намі ў в. Стрэнькі ад Барановай Зоі Іванаўны, 1953 г. н.).

Іншы раз абрад выклікання дажджу суправаджаўся карагодам і выкананнем заклічкі, а таксама песень: *“Яшчэ памятаю, як мы збіраліся вёскай усёю і пачыналі вадзіць хараводы, песні спяваць*

ўсякія, ужо не памятаю точных слоў, але вродзе: «Дожджык, мілы, услыхай ты нас» як- та так, я точна не памятаю ўжо слоў, але та- кое было точна, вось памятаю гэта” (запісана намі ў в. Стрэнькі ад Баранавай Зоі Іванаўны, 1953 г. н., студэнткай).

Прааналізаваныя варыянты абраду выклікання дажджу, як свед- чаць фактычныя матэрыялы, – яскравае пацвярджэнне рэгіянальна- лакальнага багацця мясцовай традыцыйнай культуры беларусаў.

Спіс літаратуры

1 На берагах Дняпра і Друці: народная духоўная культура Рагачоўскага раёна / склад. і агул. рэд. В. С. Новак. – Мінск: Беларусь, 2016. – 363 с.

УДК 398.4:82-343(=111):82-343(=133.1):82(=161.3)

В. Д. Герілович, Д. А. Ларина

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ПЕРСОНАЖИ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АНГЛИЧАН, ФРАНЦУЗОВ И БЕЛОРУСОВ

Статья посвящена характеристике существ низшей мифологии английского, французского и белорусского народов, представлены описания внешнего вида и функциональности популярных персонажей, проведён сравнительный анализ образов народной демонологии, показаны их сходные и отличительные черты.

Сведения о персонажах низшей мифологии, которые занимают важное место в традиционных культурах английского, французского и белорусского народов, демонстрируют уникальные этнические особенности их мировоззрения. Низшая мифология, в отличие от высшей, мифов о богах и героях, включает в себя более приземленные, часто комические или даже гротескные образы, которые менее связаны с религиозными представлениями и в большей степени отражают повседневную жизнь и верования людей.

Обратимся к анализу персонажей низшей мифологии англичан. Известно, что в английской традиционной культуре существуют разные фольклорные существа низшего мифологического уровня. Назовём самые популярные из них:

1 Фо-а (Fuath). Этот термин используется для обозначения целого класса злых и добрых духов. Главная черта фо-а заключается в том, что они все тесно связаны с водным пространством. К Фо-а относят таких существ, как пиау-ли, федал и «Худое пальтишко», так как они все проживает в воде или подле нее. Обычно их описывают как «уродливых» существ. Как правило, в их образах органически сочетаются зооморфные и антропоморфные черты. Это существа, которые имеет человеческий облик, но иногда показываются и с конской гривой, с перепонками между пальцев и хвостами, которые имеют шипы [1]. Отличительная черта фо-а – отсутствие носа. Исходя из народных верований, эти существа могут выходить на сушу, принимая облик жеребцов, а также человека. В первом случае они ищут себе жертву, а во втором – пару для себя (жену). Дети, рождённые в таких браках, могут иметь разные патологии: перепонки между пальцами, гипертрофированные конечности, для них характерна боязнь света и др. Само слово «fuath» значит «ненависть» [1].

2 Боггарт (Boggart). Данного персонажа (фейри) часто ассоциируют с домовым. Этих существ описывают как «лохматых, с длинными желтыми зубами и желтыми глазами, которые светятся в темноте. Они селятся в людских домах по одиночке, так как не особо жалуют друг друга» [1]. Обычно они проявляют дружелюбие по отношению к хозяевам дома, в котором живут, но отличаются вредными чертами характера. Например, их вредность проявляется в привычке сбрасывать с людей одеяло поздно ночью. Если их разозлить, то они могут вредить человеку: например, разбить посуду или выпустить домашний скот. Считалось, что от боггарта можно избавиться только с помощью священника и молитв. В книге Дж. Роулинг о Гарри Поттере боггарт описывается как бесформенное существо, которое способно принять облик того, чего человек боится больше всего [1].

3 Феи. По народным представлениям, эти существа обитают в таких местах, как леса, цветочные поля и у водоемов. Обычно изображаются как «мелкие существа с прозрачными крыльями и красочными нарядами из растительности, имеющие волшебные силы» [1].

В функциональности фей проявляется амбивалентность (могут и помогать, и вредить). Их поведение варьируется в зависимости от местных традиций. В мифологических рассказах говорится о том, что «они могут как даровать удачу, так и наводить неприятности» [1].

Низшая британская мифология оказала значительное влияние на литературу и культуру. Она вдохновила таких писателей, как Уильям Шекспир, использовавшего образы фей в «Сне в летнюю ночь»,

а также Дж. Р. Р. Толкина и К. С. Льюиса, которые черпали в низшей мифологии идеи для создания фэнтезийных миров в произведениях. Образы мифологических существ встречаются в живописи, музыке и кино, а также продолжают влиять на современную английскую культуру: феи и эльфы часто появляются в книгах, фильмах и играх.

Во французской мифологии, как и английской, имеется огромное количество разных мифологических существ. Они отличаются от персонажей мифологии других народов, что связано с этническими особенностями менталитета. Рассмотрим некоторых из них:

1 Мелюзина. Этот персонаж французской мифологии представляет собой «мифическую водяную фею или духа, часто изображаемую с хвостом рыбы или змеи. Согласно легендам, она имеет женский облик с длинными волосами и красивым лицом, но её нижняя часть тела трансформируется в хвост, когда она погружается в водные глубины» [2]. По народным верованиям, мелюзина обитает в реках, озерах и прудах. Её функциональность связана с охраной своей территории. Она может появляться в образе прекрасной женщины, обладает магическими способностями, может исцелять, а также владеет умением предсказывать будущее [2].

2 Горгульи. Это мифологические существа, о которых известно, что изначально они появились в средневековой европейской архитектуре, особенно в готических соборах, где выполняли функцию водостоков (отводили дождевую воду от стен зданий). Внешний облик горгульи обычно представлен в виде «многогранных и часто устрашающих фигур, имеющих человеческие, звериные или фантастические черты, часто с выражениями лиц, полными агрессии или страха. Эти каменные создания часто изображают крылья, острые зубы и гротескные формы, что придаёт им зловещий и мистический вид» [2]. Исходя из мифологических представлений французов, горгульи могли наделяться магическими способностями. Они выполняли функцию защиты зданий и людей от злых духов, охраняли от невзгод. Образы этих существ символизировали мистическую связь между земным и потусторонним мирами.

3 Вуивр. Считается, что это королева или король змей, «во лбу этого существа находится ярко-красный рубин» [2]. Часто его изображают в виде огненного змея, хранителя подземных сокровищ. Вуивры живут в заброшенных замках и крепостях. Они могут летать в небе и плавать в воде. Во время купания они оставляют свой рубин на берегу. Тот, кто сможет его украсть, по народным верованиям, будет обладать подземными богатствами вуивра [2].

Бытующие в народной среде сведения о мифологических существах французской мифологии обогащают культурный контекст местных традиций и являются уникальным источником, вдохновляющим деятелей искусства и литературы на использование образов народной демонологии в процессе создания произведений. Можно сделать вывод, что мифы о персонажах низшей мифологии помогают более глубоко осмыслить особенности мировоззрения того или иного народа, дают возможность оценить тот факт, как фантастика древних мифов раскрывает особенности поэтического восприятия предками повседневной жизни.

В белорусской мифологии полно разных персонажей, которые символизируют связь человека с природой и домом. Например:

1 Водяной – персонаж белорусской мифологии, который представляет собой дух воды. Водяной обычно описывается как «человек с зелеными или синими оттенками кожи, с длинными, растрёпанными волосами, украшенными водорослями и другими водными растениями». Эти существа обитают в глубоких водоемах, особенно в реках и прудах, где могут принимать облик обыкновенного человека, чтобы обмануть случайных путешественников. Водяной известен своей игривой, но зачастую злопамятной натурой: он может заманивать людей в воду или же охранять свои владения, иногда помогая им в сложных ситуациях, когда проявляется к нему должное уважение [3, с. 16].

2 Леший – дух леса в белорусской мифологии, изображаемый как «высокий худощавый человек с шершавой кожей и волосами из веток и листвы». Он обитает в глубинах леса, защищая животных и растения, и обладает магическими способностями, позволяющими ему менять облик и размер. Леший может запутывать путников, выводя их из леса, или, наоборот, помогать тем, кто уважает природу и приносит ему дары. Символизируя силу природы, леший напоминает о важности разумного сосуществования человека с окружающим миром [3, с. 165].

3 Домовой – дух домашнего уюта в белорусской мифологии, изображаемый как «маленькое существо с бородой и добрым нравом». Он обитает в домах, заботясь о благополучии семьи и порядке. Домовой может помогать в хозяйственных делах, но также наказывает за неуважение. К нему принято относиться с уважением, оставляя угощения, чтобы обеспечить мир и гармонию в доме [3, с. 102].

Былички о персонажах низшей мифологии белорусов активно бытуют и сегодня в устной традиции, символизируя связь с природой и домом. Они напоминают о необходимости проявлять уважение к окружающему миру, семейным ценностям, а также о гармонии во взаимоотношениях.

Сходства между персонажами низшей мифологии в английской, французской и белорусской традиционных культурах объясняются несколькими факторами. Во-первых, все они олицетворяют силы природы, связанные с водой и лесом, что связано с зависимостью людей от природных ресурсов. Например, водяной и фо-а символизируют водные источники, важные для жизни.

Во-вторых, многие персонажи имеют амбивалентную природу, отражая сложность человеческих чувств и раскрывая многие моральные аспекты, что помогает людям осмысливать свои поступки, страхи и надежды.

В-третьих, взаимодействие этих существ с людьми, которое ярко проявляется в народных верованиях, характеризует социальные структуры и духовные ценности, например, важность создания домашнего уюта, необходимость проявления уважения домочадцев друг к другу, их миролюбие, морально-этнические качества олицетворяют боггарт и домовой.

Различия между персонажами низшей мифологии в английской, французской и белорусской культурах проявляются в их внешних характеристиках, функциях, отношении к людям и степени проявления магического, что можно объяснить уникальными культурными контекстами и историческими традициями, сложившимися в каждой из этих стран.

У представленных выше персонажей есть разные внешние и внутренние характеристики. Например, водяной в белорусской мифологии чаще всего изображается как страшное существо, обитающее в водоемах, тогда как фо-а в английском фольклоре может принимать разнообразные облики, включая облик уродливого и меланхоличного существа. Мелюзина во французской мифологии, напротив, представлена как красивая водяная фея с рыбьим хвостом, что подчеркивает ее изящество и магическую природу.

Различаются эти персонажи и по функциональности. В английском и французском фольклоре существа могут быть связаны не только с природой, но и с социальными, и эмоциональными аспектами жизни. Например, феи часто выступают как посредники в любовных историях, влияя на судьбы героев, в то время как белорусские персонажи, такие как домовой, акцентируют больше внимания на практическом взаимодействии с людьми и заботе о домашнем уюте, не проявляя при этом особой магии.

Взаимодействие этих персонажей с людьми может варьироваться. Английские и французские мифологические существа (феи

и багги) могут часто подшучивать над людьми или вмешиваться в их дела для развлечения, в то время как белорусские существа чаще стремятся поддерживать порядок и безопасность в доме.

Причины различий между персонажами низшей мифологии в английской, французской и белорусской культурах можно объяснить через призму исторического и культурного контекстов в каждой из стран. Во-первых, географические и климатические условия сыграли значительную роль в формировании мифологии. Например, в ареале белорусской мифологии, который включает обширные леса и водоемы, такие персонажи, как леший и водяной, олицетворяют природу и ее стихии. В то же время, английские и французские регионы отличаются наличием более разнообразных культурных контактов разных народов, что и привело к созданию в народном сознании более абстрактных мифологических существ (фей).

Во-вторых, исторические события и изменения в обществе также оказали влияние на развитие мифологии. Например, в эпоху феодализма и развития рыцарских традиций во Франции и Англии появление таких персонажей, как феи и эльфы, связано с романтическими идеями и проблемой идеализации любви. Они стали символами желаний и мечтаний, которые отражали ценности общества того времени. Напротив, белорусская мифология сохраняет более практическое и приземленное отношение к жизни, отражая реальное состояние крестьянской культуры и связь с землёй, повседневными заботами жителей.

В-третьих, религиозные и культурные влияния также внесли коррективы в формирование мифологических представлений. В английской и французской культурах христианство привнесло в мифологию представления о добрых и злых существах, что повлияло на образы фей и духов. В белорусской мифологии, находившейся под сильным влиянием древних языческих традиций, акцент делался на персонажах-охранителях природы, что объясняет существование таких персонажей, как домовой, водяной. Для сравнения в данном случае можно назвать боггарта в английской мифологии.

Таким образом, персонажи низшей мифологии в английской, французской и белорусской культурах представляют собой уникальные отражения мировоззрения представителей разных социальных структур каждого народа. Важно отметить, что сохраняющиеся в народной памяти былички о персонажах низшей мифологии продолжают влиять на развитие современной культуры, обогащая не только народные традиции, но также разные виды искусства,

в том числе и литературу, тем самым подтверждая ценность фольклора как талантливого вида искусства в понимании человеческой природы и социальной идентичности.

Список литературы

1 Мифические существа Франции: Легенды, живущие веками | Волшебная летопись. – URL: <https://dzen.ru/a/ZgYpKcZvJE2jXVP8> (дата обращения: 02.04.2025).

2 Английская мифология и фольклор – Список существ, богов, демонов, созданий. – URL: <https://bestmif.ru/origin/18> (дата обращения: 03.04.2025).

3 Новак, В. С. Мифалогія беларусаў: вучэб. дапаможнік для студэнтаў-філалагіч. спец. ВНУ / В. С. Новак. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – 252 с.

УДК 398.332.2(476):398.332.2(430)

Е. А. Гонтарева

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ЛЕТНИЕ ОБРЯДЫ В БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНОВАНИЯ КУПАЛЬЯ

В статье, посвященной празднованию Купалья в Беларуси и Иванова дня в Германии, использованы фактические материалы, опубликованные на страницах книг “Традиційная мастацкая культура беларусаў: Гомельскае Палессе і Падняпроўе” [1] и «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники» [2]. В статье рассматриваются отличительные и схожие особенности вышеназванного летнего праздника.

Летняя календарно-обрядовая поэзия – важная составляющая земледельческого календаря белорусов и немцев. Рассмотрим вначале, как отмечали белорусы Купалье, которое является значимым праздником. В настоящее время сохраняется традиция празднования Купалья: “Купалле – адно з самых значных свят народнага календара, якое прыпадае на дзень летняга сонцастаяння, час найвышэйшага

роस्कвіту прыроды, кульмінацыю лета” [1, с. 309]. В купальской обрядности нашли отражение древние языческие традиции, связанные с культами огня, воды и плодородия. Купальский праздник символизирует возрождение, очищение и обновление. Важным элементом купальской обрядности является сбор купальских трав, которые обязательно нужно освятить в церкви: “У большасці даследаваных раёнаў свята для мясцовых жыхароў пачыналася са збору лекавых раслін, ягад, карэнняў і кветак для вянок: «Травы збіралі пад Купала. Матка навяза пучочкаў і павесіць»” [1, с. 309].

Обычно Купалье начиналось с обхода участниками обряда дворов односельчан. В некоторых регионах Беларуси именно на Купалье, как например, в Речицком раёне выполняли обряд вождения русалки, на роль которой выбирали красивую и смелую молодую девушку. Её голову украшали венком, сплетённым из разных цветов: “У некоторых лакальных традыцыях свята пачыналася з абрадавай працэсіі, якая спалучалася з абходам сядзіб аднавяскоўцаў або з гульнёвым карагодам. У цэнтры святочнага шэсця быў міфічны персанаж, на якога накіроўваліся дзеянні астатніх удзельнікаў гульні: «Эта на Івана вадзілі русалку. Малыя мы, нам па дзесяць гадоў мо было, прыбіралі русалку: вянок балышы надзявалі з разных цвятоў і валасы распусцяць ёй. На русалку выбіралі дзяўчыну смелую. І я была русалкаю. Русалку ў жыта вадзілі: бегаем, крычым. Яна, эта русалка, уродзе ў жыта пабяжыць, а мы, малыя, уцякаць, што настаяшчая русалка выскачыць» (Марыя Склярэнка, 1931 г. н., в. Свірыдавічы, Рэчыцкі раён. Зап. А. Боганевай)” [1, с. 310].

Что касается венка, то следует заметить, что это был очень важный купальский атрибут: “На Купалу вянкi плялі з усякіх траў” (Соф’я Паграбенка, 1937 г. н., в. Каменка, Кармянскі раён); “Вот пойдам, васількоў нарвом, сплятом вяночкі. Тады к вадзе пойдам, кінам <ix>, пасядзім трошкі” (Надзея Ганчарова, 1925 г. н., в. Быцькаўка, Буда-Кашалёўскі раён. Зап. І. Мазюк); “На Купалье цвяты рвалі, вянкi плялі з васількоў. А тады на галоўкі адзенем, гуляем” (Ефрасіння Баранова, 1928 г. н., в. Акцябр, Жлобінскі раён) [1, с. 311].

Известно, что на Купалье имело место гадание на венках, которое было важнейшей традицией именно в этот праздник. Например, на Гомельщине, как и у всех славян, гадали во время празднования Купалья на венках, которые бросали в воду: “А кагда ўжо кастры патухлі, кагда разходзімся – кідалі на воду і відзім: есцьлі закаціўся – плоха, а есцьлі наплыў вянок – харашо” (Аляксандра Гаўрыленка,

1938 г.н., в. Васілевічы, Жлобінскі раён); *“Пускалі тыя віночкі, кажучь, куды віночак паплыве – туды ўжо замуж пойдзеи”* (Ганна Яроменка, 1930 г. н., в. Марозавічы, Буда-Кашалёўскі раён)» [1, с. 312].

Купалье являлось временем активизации нечистой силы, которая стремилась навредить здоровью и благополучию человека: *“А на Купала, бывая ж, ходзяць ведзьмы. Дак рысавалі мазутам хрэсьцікі, мазалі дзёгцям вароты, крапіву клалі пад парог, штоб не заходжувала якаясьці нечысьць, ад усялякай гадасьці”* (Ніна Голубева, 1931 г.н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён); *“На Купала ходзяць ведзьмы, раненько по росе, до восхода сонца. Ведзьма збірае росу, тоды она молоко чужое отбірае”* [1, с. 313].

В структуре купальской обрядности белорусов важными были и такие обрядовые компоненты, как разжигание костра и сжигание на нём чучела, что являлось символизацией прощания со всем старым и зарождения всего нового: *“На Купалье рабілі чучала: ляльку з саломы, з ануч, ліцо яму сажай вымазвалі. Чучала рабілі і хлопцы, і дзеўкі ў каго-небудзь у двары. Як сонца заходзіць, выходзяць к рэчцы, хлопец уперадзе нясе чучала. Чучала два метры паставяць к дрывам, пака агонь распаляць і чучала разам гарыць”* (Ніна Марозава, 1929 г. н., в. Стаубун, Веткаўскі раён) [1, с. 320].

Поиски цветка папоротника в купальскую ночь – также один из структурных компонентов купальской обрядности, который связан с народными поверьями о его чудодейственной силе воздействия: *“Шукаюць кветку, каторая ўночы расцвітае. Еслі найдзеш – эта самы шчасьлівы чалавек: і усе, усе мысьлі твае ісполняцца. Ты ходзіш, шукаеш, думаеш – і етыя твае мысьлі, есьлі найдзеш цвяток, усе-ўсе сбудуцца”* (Валянціна Гаўрыленка, 1945 г.н., в. Васілевічы, Жлобінскі раён) [1, с. 321].

Среди важных элементов, связанных с празднованием Купалья, выделяется встреча восхода солнца, которое, исходя из народных поверий «играет»: *“Сонца гуляе на Купалье: дак так свеця, куляецца – ой, красівенька”* (Надзея Бандарэнка, 1936 г. н., в. Кучын, Кармянскі раён) [1, с. 323].

Что касается традиционной культуры в Германии, то здесь также в начале лета отмечали день Иоганна Крестителя, который по календарю приходился на 24 июня. С этой поры начинался сенокос, готовились к уборке урожая.

В немецкой традиционной культуре, как и у белорусов, повсеместно разводили купальские костры. В разжигании костра принимали

участие многие жители. «Кто не участвовал в этом обряде, того дразнили мальчишки в своих песнях или штрафовали на два с половиной гроша. <...> Если кто-либо не мог по каким-то причинам участвовать в празднике, он обязан был появиться хотя бы на несколько часов и выпить стакан вина» [2, с. 124].

Как и в белорусской купальской традиции, возле костра водили хороводы, а также девушки и юноши прыгали через костёр: «Если при прыжке парень и девушка не разожмут рук, то считалось, что их любовь укрепитя и в этом же году они справят свадьбу (Верхняя Саксония); если же разожмут руки или платьем заденут за огонь, то это был неблагоприятный знак» [2, с. 124–125].

Близок к белорусской купальской традиции и обычай скатывать с возвышенного места горящее колесо, что, исходя из народных поверий, содействовало защите полей от неблагоприятных погодных условий [2, с. 125]. В некоторых местностях Германии имел место обычай использовать головешки от купальского костра: «В целях повышения плодородия полей во многих областях Германии в пашни втыкали головешки из Иванова костра» [2, с. 125].

В отличие от белорусской купальской традиции накануне Иванова дня именно «дети отправлялись с корзинами в поля и собирали цветы и травы, но обязательно надо было нарвать веток бузины и пучки крапивы. Затем всё это сортировали и связывали в букеты, гирлянды, венки» [2, с. 126].

Таким образом, летний праздник Купалье и в Беларуси, и в Германии не только является важным культурным событием, но и раскрывает сохранившиеся в народной памяти архаичные народные верования. Как никакой другой обряд, Купалье (Иванов день, день Иоганна Крестителя) с его богатым набором символических лействий, гаданиями, гармоническим единением человека и природы, которое демонстрирует купальская ночь, раскрывает особенности поэтического мировоззрения и белорусов, и немцев.

Список литературы

1 Традицыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламевай. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.

2 Календарныя обычаі і абрады в краінах замежнай Еўропы, канец ХІХ – пачаток ХХ в. : летне-осенніе святыні / рэдакц. калегія: С. А. Токарев, І. Н. Гроздова, Ю. В. Іванова, В. К. Сокалова. – Масква: Наўка, 1978. – 296 с.

К. В. Емельянцева

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ЗИМНИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В БЕЛАРУСИ И ГЕРМАНИИ

Статья посвящена характеристике зимних обычаев и обрядов в Беларуси и Германии. В данной статье рассматриваются отличительные и схожие черты зимней обрядности белорусов и немцев, что важно для постижения сущности зимних праздников, их национальных особенностей.

Зимние обычаи и обряды являются значимой и существенной частью культурно-духовного наследия не только Германии и Беларуси, но и всего мира. С зимними праздниками наступает время, когда семья собирается вместе и укрепляются семейные узы. Сначала рассмотрим зимние обряды и обычаи немецкого народа.

В фольклорной традиции немцев было принято, чтобы в день святого Николая приносил подарки именно такой персонаж, как Христос-младенец, роль которого исполняли представительницы женского пола: «В некоторых местах в роли Христа-младенца выступала девочка или молодая женщина» [1, с. 148].

Важно отметить, что в Германии большое значение уделялось таким новогодним праздникам, как канун Рождества (сочельник) и Новый год. В этот день жители должны были завершить все домашние дела: «В этот день убирают двор и дом, пекут различные булочные изделия, готовят кушанья, украшают елку» [1, с. 148].

Наиболее важным символом Рождества не только в Германии, но и в других странах является новогодняя ель. Фольклористы отмечают, что не всегда хвойное дерево использовалось в качестве рождественского символа: «До появления елки в качестве рождественского дерева дома и хлевы украшали к Новому году зелёными ветками» [1, с. 149].

По мнению многих фольклористов, задолго до использования современной вечнозелёной елки предшествовали ей ветви плодовых деревьев, которые, находясь в воде, распускались и зацветали: «Считали, что пробудившиеся к жизни силы растения перейдут на человека и животных» [1, с. 150].

Важно отметить, что среди немецкого населения довольно популярной была рождественская служба: «Еще в 1930-е годы в Баварском лесу ежегодно направлялись в полночь к церкви процессии, участники которых были наряжены мифическими персонажами: Иосиф и Мария с ребенком в колыбели, два пастуха и кнехт Руперх; возглавляли процессию ангел и святые Мартин, Николай и Петр» [1, с. 150]. Новый год в Германии – это один из самых веселых и важных праздников, который побуждает человек изменить образ жизни в будущем году.

Следует отметить, что в немецком фольклоре сохранилось немало уникальных обрядов и связанных с ними примет и поверий. Например, они касаются непосредственно действий участников обрядовой церемонии во время Сильвестровского вечера: «Тот, кто первый вставал из-за стола, первым должен был умереть. Если после еды первым выходил мужчина, то корова должна была отелиться резвым бычком, если женщина – тёлочкой» [1, с. 157].

Молодёжь Германии в Новый год веселилась и праздновала его как с семьёй, так и с друзьями. Гадания в этот новогодний период были важными для молодых людей, стремящихся получить ответы по поводу личной жизни, брака в будущем: «Девушки гадали: нужно зажечь в спальне свечу, поставить на стол миску с водой, мыло и полотенце, а самой, раздевшись, залезть под стол, с ударом полночи должен суженый войти в комнату. Чтобы приворожить парня, которого она любит, девушка должна была в новогоднюю ночь завернуться с головы до пят в белую простыню и так идти в полночь к его дому. По пути она должна рассеять тремя пальцами узкую стежку семян льна от собственного дома до его, в конце пути трижды перевернуться, при этом назвать имя парня и затем быстро вернуться домой» [1, с. 157].

В традиционной культуре немцев специфическими особенностями бытования выделяется праздник трех королей. По мнению немецких исследователей, для жителей празднование этого дня важно, как и других зимних праздников. Как правило, мальчики переодевались в костюмы королей (в «белые балахоны», с коронами на голове») и ходили по домам: «Они изображали трех королей: у одного из них (Балтазара) лицо вымазано сажей и он нес звезду на длинной палке; Каспар и Мельхиор его сопровождали» [1, с. 158].

В знак благодарности за выступления хозяева дома одаривали юношей, а прощание последних сопровождалось следующими словами:

Wir müssen den Stern noch mal herum drehen,

Wir müssen ja heute weiter gehen.

Мы должны звезду еще раз повернуть,

Мы должны ведь сегодня еще дальше идти [1, с. 158].

Что касается зимней календарной обрядности белорусов, то можно констатировать, что, как и у немцев, Рождество в Беларуси – это важный семейный и церковный праздник, празднование которого отличается в разных регионах местными особенностями. Для белорусского Рождества характерно наличие двух разных дат празднования для католического и православного населения: “Мае пастаянную дату правядзення: па праваслаўным календары святкуецца 7 студзеня, па каталіцкім – 25 снежня” [2, с. 52].

Религиозный характер Рождества предусматривает посещение церкви населением, несмотря ни на какие трудности в жизни: “Наведванне царквы (касцёла) было неабходным кампанентам свята, і ва ўсе часы, нават тады, калі прыходзілася пераадолюваць вялікія цяжкасці і перашкоды, вяскоўцы імкнуліся паўдзельнічаць у рэлігійных адправах: «Тады царквы пабуралі, у трыццаць сядзьмом гаду. Ноччу служылі на Ражаство, баба мая скрозь хадзіла» (Праскоўя Афоніна, 1937 г. н., в. Грабаўка, Гомельскі раён. Зап. А. Боганевай); «Чцілі эта Ражаство Хрыстова, маліліся ноччу. Мама нас васпітывала строга, штоб мы верылі, што Ісус Хрыстос радзіўся і зьвязда васьсіяла» (Ніна Голубева, 1931 г. н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён)” [2, с. 52].

Что касается Нового года (“Васілле”) и щедрого вечера, то они являются кульминацией колядного обрядового комплекса. Канун Нового года в Беларуси в отличие от немецкого называется «щедрый вечер» или «щедрик». В некоторых местах проводились специальные ритуалы, связанные с призывом мороза на ужин. Этот ритуальный диалог имел место во время празднования рождественской, новогодней и крещенской кутьи. В основном ритуал зазывания мороза происходил именно на богатую кутью: “У некаторых лакальных традыцыях асобныя рытуалы, у прыватнасці запрашэнне на куццю прыродных сіл, стыхій, былі прымеркаваны да багатай куцці: «Мароз звалі на багатую куццю, на бедную ня звалі» (Ніна Певень, 1927 г.н., в. Новая Грэбля, Брагінскі раён); «Як эта ўжэ куцьця богата – моліліся ўсе, садзілася ўся сем’я і господар зове Мороза тры разы: “Мороз, мороз, ходзі куцьцеваць, у петровіцу не бываць, бо будам пугамі рубаць”» (Ксенія Купрацэвіч, 1909 г. н., в. Пухавічы, Жыткавіцкі раён. Зап.

А. Боганевай); “Перэд Новым годом зовуць: «Мороз, мороз, ходзі куцьцю есьці, а на ролью не ідзі, а то вушы обоб’ю»” (Анастасія Астаповіч, 1931 г.н., в. Дуброва, Лельчыцкі раён); «Жонкі звалі деда мороза: “Мороз, мороз, ході до нас кутю есьці, а летом не бувай, а пужылам очы поўбівай”». Бо колісь, казалы. пужыло, прывіденія ўсякі было” (Вольга Фіцнер, 1929 г. н., в. Грабяні, Лельчыцкі раён)” [2, с. 54].

Гадания для белорусов, как и для немцев, были важным компонентом в системе колядно-новогодней обрядности. Именно в канун Нового года люди повсеместно хотели узнать, какой будет их судьба в будущем. Некоторые интересные способы гадания были связаны со сновидениями и использованием отдельных предметных атрибутов, например, когда гадали, то ложили гребень под подушку: “Часцей за ўсё для атрымання праудзівай інфармацыі ў сне выкарыстоўвалі грэбень: «Пад падушку клалі грабяшок: “Суждзяны-раждзяны, прыдзі, пакажыся і галоўку прычашыся”. І сьнілась ва сне, прыходзіў» (Валянціна Шаўцова, 1936 г. н., в. Спяпы, Жлобінскі раён); «Дзяўчаты грабяшок клалі, гаварылі: “С кем век векаваць – прыдзі валасы мне часаць”» (Груня Давыдзенка, 1935 г. н., в. Барсукі, Кармянскі раён); «Старыя бабы нас вучылі: калі спаць лажыліся на Стары Новы год, то грабяшка клалі пад галаву і казалі: “Спаць лажуся, прысьніся жаніх нявесьці. Дай, Божа, знаці, з кім у пары спаці”» (Марыя Семіход, 1928 г. н., в. Міхалёўка, Брагінскі раён. Зап. У. Ганчара)” [2, с. 58].

Сам обряд колядования, который сегодня воспринимается как весёлый и занимательный процесс, раньше имел магический характер и включал обход домов и получение подарков от хозяев дома.

Значимым в обряде колядования было наличие костюма и обязательно маски. Среди всех масок особое место занимала маска козы, которая означала плодородие и жизненную энергию: “Маска казы (казла), пантаміміка якой у абрадзе суправаджалася сюжэтна звязанай з ёй каляднай песняй, лічылася асноўным сімвалам пладавітасці і жыццёвай энергіі. «Каза» ў лакальных традыцыях мела розны выгляд. Па сведчанні дарэвалюцыйных этнографіў, у XIX ст. у Мазырскім павеце «казу» рабілі так: з дрэва рабілі галаву з доўгімі рагамі і абшывалі яе кавалкамі старога кажуха. У галаву ўбівалі палку, затым выварочвалі кажух поўсцю наверх, у адзін з рукавоў усоўвалі палку да самай галавы і моцна яе завязвалі. Найбольш бойкі хлопец насіў гэту «казу», і, калі астатнія спявалі, ён залазіў пад кажух, рукамі браўся за палку і варочаў казлінаю галавою” [2, с. 62].

Крещение (6 января) обычно завершало цикл колядных праздников: “Зімовыя калядныя святкаванні на Гомельшчыне завяршаліся Вадохрышчам (Крышчэньне, Крэ(-а)шчэньне, Хрышчэньне). Па праваслаўным календары 19 студзеня адзначаецца Святое Богаяўленне, Хрышчэньне Госпада Бога і Спасіцеля нашага Ісуса Хрыста. Па каталіцкім календары 6 студзеня – урачыстасць Хросту Пана, якую традыцыйна называюць святам Трох каралёў. Галоўныя змястоўныя моманты абраднасці і вераванні гэтага дня вязаны з сімволікай ачышчальных уласцівасцей святой вады і крыжа, якія перамагаюць і выганяюць нячыстую сілу з жыццёвай прасторы чалавека” [2, с. 99].

На Крещение верующие люди обязательно посещают церковь: “Цэнтральнай падзеяй свята было царкоўнае асвятчэнне вады, што адбывалася як у храмах, так і ў адкрытых вадаёмах: «Ішлі ў цэркву, бацюшка пасьвеціць воду, а мы ўсе воду сьвянцону бралі дадому» (Надзея Швед, 1927 г. н., в. Перарова Млынок, Жыткавіцкі раён)” [2, с. 100].

Согласно церковным традициям, на Крещение обязательно нужно выпить святую воду, иначе, считалось, человек будет уязвимым перед силами зла: “Адпаведна народнаму меркаванню, хрышчэнская вада мела незвычайную ахоўную і прадукавальную моц, магла адганяць злых духаў, папярэджваць насланне ведзьмаў. У гэты святочны дзень сьнеданне пачыналі толькі пасля прыёму асвятчонай вады: «Ваду пасьвецяць, вады сьвечанай каўтанем – тады ясі» (Праскоўя Афоніна, 1937 г. н., в. Грабаўка, Гомельскі раён. Зап. А. Боганевай)” [2, с. 101].

В заключение можно сказать, что в зимней обрядности немецкого и белорусского народов есть и общие черты, и отличительные моменты, которые выявляются на уровне отдельных структурных компонентов колядно-новогодних обрядовых комплексов и связанных с ними примет и поверий.

Список литературы

- 1 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. – Москва: Наука, 1973. – 352 с.
- 2 Традиційная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.] ; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск: Выш. шк., 2012. – 910 с.

А. А. Ковалёва

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ БЕЛОРУССКИХ ЗАГОВОРОВ

Статья посвящена изучению белорусских заговоров, в частности лечебных. Рассматриваются особенности их структуры, характеризуются отдельные компоненты. На основе анализа отдельных вариантов заговоров выявляются такие составляющие части основу их композиции, как введение-молитва, зачин, закрепка. В статье говорится о том, что приём сравнения является важным художественным приёмом.

Заговоры – фольклорные тексты, которые являются магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, хозяйственных, родовспомогающих, продуцирующих и других ритуалах. Эти словесные формулы, объединяющие в себе магию слова и магию действия, демонстрируют собой попытку воздействия на окружающий мир, здоровье человека, события.

Заговоры уходят корнями в глубокую древность, в те времена, которые тесно связаны с анимизмом, верой в одушевленность всего сущего, а также близки к шаманизму – практике общения с духами. Следует отметить, что в традиционном обществе заговоры были своеобразной «медициной для бедных», доступной каждому, кто знал нужные слова и определённые ритуалы. Их исполнение поручалось знахарям, целителям, сведущим в таинственных знаниях, что передавались из поколения в поколение.

Материалы полевых экспедиций, которые проводятся в ГГУ имени Франциска Скорины, являются ярким свидетельством сохранения заговоров в народной памяти. В процессе длительного бытования заговоры трансформировались, сохраняя языческую основу, вобрали в себя христианские молитвы и образы святых. Знахари и целители, обладавшие знаниями о травах и силе магического воздействия словом, всегда пользовались большим уважением в обществе, к ним обращались в тех случаях, когда помощь со стороны официальной медицины была недоступной или неэффективной. Сосредоточим внимание на особенностях структуры заговоров.

Исследователи выделяют такие композиционные элементы, как введение-молитву, зачин, основную, или эпическую часть, закрепку и заминирование. Как видим, заговор – это не просто набор слов, это тщательно организованный текст, имеющий определенную структуру.

Например, во введении-молитве звучит обращение за помощью к Богу, Богородице: “Госпадзі Божа, багаславі, Госпадзі Божа, памажы. Госпаду Богу памолімся і Прачыстай матцы паклонімся” (заговор “Ад змей”) [1, с. 120].

Если говорить о зачине, то важно заметить, что именно в этой части описываются действия того, кто заговаривает: “Стану я рана, умыюся бела, памалюся Богу верна, выйду я ў чыстае поле, гляну пад вутраную зару на каянь-мора” (заговор “Ад шалу”) [1, с. 146].

Если характеризовать основную часть заговора, которая могла иметь или диалогическую форму, или монологическую, то обычно её содержание образуют формулы перечня каких-либо объектов, из которых изгоняется болезнь, нечистая сила, формулы изгнания, формулы угрозы, формулы лечебных советов.

Приведём в качестве примеров композиционной организации некоторые тексты лечебных заговоров, структура которых может варьироваться. Например, заговор, который использовали для лечения разных болезней, представлен только в форме основной части, например: “На сінім моры-акіяне, на востраве Буяне стаіць дуб з кататамі. На тым дубу сядзіць арол без пер’я, без крылляў. Як яму не лятаць, не кляваць, так Івана не сушыць. Не леча цябе матка, а леча пупарэзная бабка. Прымі мой дух” [1, с. 358].

Обратим внимание на разные варианты заговоров от зубной боли. Например, в одном из вариантов “Ад зубнога болю” нашёл отражение принцип несопоставимости двух природных объектов с земляным червём: “Первым разам, божым часам, раннюю зарую, вячэрнюю парую стань жа ты, Госпадзі, на помач, рабе божае Ганне на пользу.

У моры рака, а ў дубе чарвяка, на небе месяц. Як гэтым тром братам уместа не схадыцца, мед-віно не піць, між сабой не гаварыць, так у рабы божае Ганны зубам не балець, касці не ламіць, крыві не паліць. Дыхні, Госпадзі, сваім духам гасподнім. Стань, Госпадзі, на помач, рабе божае Ганне на пользу” [1, с. 181]. В приведённом тексте можно выделить такие структурные элементы, как введение-молитву и основную часть. В данном заговоре сочетаются христианские элементы (обращение к Богу) с народными верованиями. Основу

использованного сравнения в данном варианте заговора составляет принцип невозможного единства реки, червя и месяца, что в результате и помогает убедиться в невозможности болезни.

В заговоре “Ад болю галавы” (“Галава-галаўніца, касяна прыстраніца, чорна чарняўка, сіня сіняўка, бела бяляўка. На Сіяньскай гарэ, на шаўковай траве адна скацісь малінаю, другая – гарошынаю, трэця – маслінаю. У аднэ вуха ўскоч, а ў друге выскоч” [1, с. 362]) отсутствуют некоторые структурные части, имеют место основная часть, а также закрепка, выраженная краткой словесной формулой “У аднэ вуха ўскоч, а ў друге выскоч”, которая является подтверждением быстрого и безболезненного избавления от боли.

В следующем варианте заговора “Ад зубнога болю” (“Цар маладзік на небі, цар арак на моры, цар дуб на зямлі. Як етыя тры царыкі ўкучу ня сходзяцца і не ваююцца, каб так раба зубы век не балелі, косьці не ламілі.

Ляжыць мяртвец у гробі, ня чуець ні болі, ні ламоты, каб так у раба божага на век боль не балела і косьць не ламіла” [1, с. 181]) присутствует только основная часть. В приведённом тексте заговора используется художественный приём двойного сравнения, сущность которого заключается в невозможности соединения трех царей и безболезненности мёртвого. Зубная боль сравнивается с тем, что у мёртвого отсутствуют – боль и ломота. В основе заговора важное место занимает принцип отрицания: как три царя никогда не сойдутся вместе, так и зубы у больного не должны болеть. Сравнение с мертвецом подчеркивает полное отсутствие боли.

Акцент на невозможности соединения трех элементов нашёл воплощение и в другом варианте заговора “Ад зубнога болю”: “На небі – месяц малады, у лесі – дуб таўсты, а ў полі – камень сяды; як етым тром царам умесці не бываць, мёду-віна не піваць, так і маім зубам не шумаваць” [1, с. 181]. Как и в предыдущем тексте заговора от зубной боли, в данном случае также используется художественный приём сравнения, который базируется на трёх несоединимых элементах (месяц, дуб, камень), благодаря которому и отрицается зубная боль. В данном тексте при помощи слова “шумаваць (не шуметь, не болеть)” выразительно подчёркивается отрицание зубной боли.

Таким образом, можно утверждать, что определяющим художественным приёмом заговоров является сравнение, которое может выступать как средство, подчёркивающее и схожесть явлений, и отрицание какого-то подобия. Функциональная роль таких сравнений,

как считает исследователь Г.А. Барташевич, заключается не только «в выявлении главной мысли произведения, высказывании пожелания, но и в том, что они являются эстетично организуемым элементом произведения» [2, с. 214–215].

В варианте заговора от зубной боли «От любого внутреннего воспаления» принцип несопоставимости затрагивает также несоединимые объекты: «На небе месяц висока, у моры камень глыбока, у лесе дуб далёка. Як гэтыя тры браты зыйдуцца да месца, да будуць піць і есці, то тады ў Віці будуць зубы балеці Маладзік ты малады, ці быў ты на тым свеце?

– Быў.

– А ці баляць у мёртвых зубы?

– Не, не баляць.

Так няхай і ў Віці не баляць» [1, с. 183].

Как видим, в качестве условия для боли выступает соединение трех элементов: месяца, камня, дуба. В данном варианте заговора представлена его интересная композиционная форма – диалог с «молодым месяцем», что придает динамичность развитию сюжета. Подчеркивается мысль, что раз у мёртвых зубы не болят, то и у живого человека (Вити) они болеть не должны.

Несмотря на отсутствие научных доказательств эффективности заговоров в лечении каких-либо болезней, всё-таки нельзя отрицать их силу мощного психологического воздействия. Сам факт веры в магию слова и магию действия поддерживает надежду на исцеление и оказывает положительное влияние на самочувствие человека. Это явление известно как эффект плацебо, когда состояние здоровья улучшается благодаря тому, что пациент верит в исцеление.

Таким образом, заговоры как важная часть традиционной культуры белорусов, напоминающие нам о силе человеческой веры, надежде и стремлении к исцелению, отражают особенности мировоззрения наших предков и подтверждают факт совершенства их художественной формы.

Список литературы

1 Замовы / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. ш камент. Г. А. Барташэвіч; рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.

2 Беларусы. Т. 7. Вусная паэтычная творчасць / Г. А. Барташэвіч, Т. В. Валодзіна, А. І. Гурскі і інш.; Рэдкал.: В.М. Бялявіна і інш.; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мн.: Бел. навука, 2004. – 586 с.

В. А. Краўчанка

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ПАХАВАЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ СВЕТЛАГОРШЧЫНЫ: МЯСЦОВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ

У артыкуле, прысвечаным пахавальнай абраднасці аднаго з раёнаў Гомельскай вобласці – Светлагорскага, разглядаюцца пахавальныя абрады, звычаі і звязаныя з імі прыкметы і павер'і. У артыкуле выкарыстаны палявыя экспедыцыйныя матэрыялы, якія захоўваюцца ў архіве навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі ГДУ імя Францыска Скарыны.

Светлагорскі раён – адзін з раёнаў Гомельскай вобласці, у якім не толькі захоўваюцца агульнанародныя традыцыі пахавання, але і маюць месца адметныя асаблівасці пахавальных абрадаў і звычаяў. Звесткі, якія былі запісаны ў палявых экспедыцыях ад жыхароў розных вёсак Светлагорскага раёна, пацвярджаюць устойлівасць захавання і спецыфічны характар пахавальнай абраднасці і звязаных з ёй прыкмет і павер'яў. “Грунтуюцца яны на веры ў замагільнае жыццё, на сувязь памёршага з сям'ёй, на магчымасць нябачнага прыходу душы нябожчыка, які, паводле павер'яў, можа дапамагаць або шкодзіць жывым” [1, 260].

Калі чалавек паміраў, у доме спынялі гадзіннікі, запальвалі свечку, закрывалі тэлевізар, вокны, люстэркі, “каб пакойнік не відзеў сам сябе” (запісана ў в. Чкалава ад Закружнай Валянціны Іванаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Залатуха Калінкавіцкага р-на,) студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). Нябожчыка абавязкова трэба было памыць, апрануць. Як правіла, яшчэ пры жыцці было падрыхтавана такое адзенне. Мыць яго павінны былі людзі таго ж полу: мужчын мылі мужчыны, жанчын – жанчыны, прычым запрашалі мыць нябожчыка чужых людзей, напрыклад, суседзяў: “Калі мылі нябожчыка, то звалі саседзей, еслі жанчына памірае, то звалі жанчыну, а еслі мужчына, то звалі мужчыну” (запісана ў в. Чыркавічы ад Сівак Ніны Пятроўны, 1934 г. н., Гарэлік Праскоўі Несцераўны, 1929 г. н., студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). Было прынята ў мясцовых традыцыях даваць падарунак тым, хто ўдзельнічаў ў рытуале абмывання, за гэта ім давалі хустку або

ручнік. У некаторых вёсках мыць нябожчыка павінны былі людзі сталага ўзросту: *“Звалі старэйшых. Вот, напрымер, мужчына памрэ, значыць, мужчын два-тры чалавекі”* (запісана ў в. Баравікі ад Сцепанцовай Марыі Сяргееўны, 1949 г. н., студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.); *“Мужчына мужчыну мыў, а жэнішчына – жэнішчыну. Старыя, якія ўжо нязмоглыя, нездаляшчыя”* (запісана ў в. Рудня ад Шумавай Марыі Арсеньеўны, 1934 г. н., Шумава Уладзіміра Уладзіслававіча, 1964 г. н., Караткевіч Галіны Кірылаўны, 1941 г. н. (раней пражывала ў в. Шчытная Жлобінскага р-на), студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.). Пасля абмывання ваду вылівалі або каля вугла хаты, дзе не ходзяць людзі, або на вуліцы з таго боку хаты, дзе знаходзіцца чырвоны кут: *“Воду тую, у якой яго мылі, абязацельна надо, вот дзе ў вас ікона ў хаце, на кут выліць, на дварэ, на кут і ўсё”* (запісана ў в. Чкалава ад Закружнай Валянціны Іванаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Залатуха Калінкавіцкага р-на,) студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.).

Цікавымі мясцовымі рысамі вылучаўся рытуал прыбірання нябожчыка ў вёсцы Чыркавічы (аграгарадок зараз): памерламу “звяззвалі бараду”: *“Ну, нада бараду звязаць, калі чалавек памёр”* (запісана ў в. Чыркавічы ад Сівак Ніны Пятроўны, 1934 г. н., Гарэлік Праскоўі Несцераўны, 1929 г. н., студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). На тое месца, дзе павінна была стаяць труна з нябожчыкам, кідалі капейкі, каб *“закупіць месца”* (запісана ў в. Баравікі ад Сцепанцовай Марыі Сяргееўны, 1949 г. н., студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.). Нельга было іншым людзям насіць тое адзенне, у якім чалавек памёр: лічылася, што можна моцна захварэць, калі праігнараваць гэту забарону.

Звычайна пахаванне ладзілі зранку ці ў абед, на наступны дзень пасля смерці, таму што людзі верылі, што калі хаваць памерлага ў другой палове дня, то *“скора накойнік зноў у хаце будзе”* (запісана ў в. Краснаўка ад Паўлаўцовай Людмілы Уладзіміраўны, 1950 г. н. (прыехала з г. Вялікі Усцюг РФ), студэнткай Горскай Т. (2006 г.)). Ноччу над нябожчыкам чыталі малітвы, галасілі. У некаторых вёсках на галашэнне запрашалі спецыяльных жанчын, *“галасух”*, у некаторых – нябожчыка аплаквалі толькі *“свае”*: *“Ёсць галасухі спецыяльныя, а ў нас не было. Як памрэ чалавек, дак свае плачуць”* (запісана ў в. Рудня ад Шумавай Марыі Арсеньеўны, 1934 г. н., Шумава Уладзіміра Уладзіслававіча, 1964 г. н., Караткевіч Галіны Кірылаўны, 1941 г. н. (раней пражывала ў в. Шчытная Жлобінскага р-на), студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.). Лічылася, што па

нябожчыку нельга было доўга і многа плакаць, бо «там» (на тым свеце) яму будзе цяжка. У горадзе Светлагорску, напрыклад, людзі, якія збіраліся правесці памерлага ў апошні шлях, высказвалі свае меркаванні пра яго: *“Калі чалавек памёр, то ўсе высказваюць свае мненія”* (запісана ў г. Светлагорску ад Цітовай Евы Іванаўны, 1941 г. н. (раней пражывала ў Татарстане), студэнткамі Даніленка В., Музычэнка Т., Рашоевай Т.).

У труну нябожчыку клалі розныя рэчы. Так, у вёсцы Баравікі клалі сена, прасціну і падушку, а “з сабой” – нічога: *“Колісь у гроб паложашь сена, заслалі прастынёй і падушачку. З сабой нічога не клалі”* (запісана ў в. Баравікі ад Гайдук Любоўі Тарасаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Еланы Светлагорскага р-на), студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.). *“З сабой на той свет”* памерлым клалі адзенне: гэта маглі быць рубашкі, штаны, майткі. Існавала павер’е, што нябожчык можа прыходзіць у снах і прасіць *«даць яму на той свет»* тое, што яму «там» трэба. У такім выпадку людзі закопвалі гэтыя рэчы каля магілы: *«Наклала, а штаноў забылася, рэмя забыліся заплікнуць яму. А ён тады сніцца: “Дзе мой рэмень?” Дак я гэты рэмень скруціла, да пашла, да на магілу. Выкапала ямачку, закапала рэмень. І штаны...»* (запісана ў в. Рудня ад Рудніцкай Марыі Рыгораўны, 1927 г. н., студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.). У некаторых вёсках у труну клалі гадзіннік, шапку, а свечку клалі ў рукі нябожчыка, а на грудзі – абраз. Тым, хто ў жыцці смаліў, маглі пакласці папіросы і махорку.

Значнае месца ў пахавальнай абраднасці надавалася вынасу труны з хаты на могілкі. З гэтым працэсам у людзей было звязана шмат прыкмет і павер’яў. У некаторых вёсках традыцыйна труну выносіла радня, а ў іншых – чужыя: *“Выносілі труну ўся радня, маладыя хлопцы, і неслі да перакростка”* (запісана ў в. Мядзведаў ад Лапусты Ганны Адамаўны, 1943 г. н. (раней пражывала ў Хойніцкім р-не), студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.); *“Ну, чужыя людзі выносілі гроб”* (Запісана ў в. Чкалава ад Закружнай Валянціны Іванаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Залатуха Калінкавіцкага р-на,) студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). Калі выносілі труну, памерламу звязвалі рукі і ногі, а развязвалі, калі ўжо прыносілі на могілкі, потым гэтыя завязкі кідалі ў магілу або клалі ў труну каля ног нябожчыка: *“Рукі звязвалі і ногі звязвалі, кагда на кладбішчэ завязеш, нада развязаць рукі і ногі. Да, пакуль вязеш, яны звязаны, і туды ў магілу кінуць завязкі”* (запісана ў в. Чыркавічы ад Сівак

Ніны Пятроўны, 1934 г. н., Гарэлік Праскоўі Несцераўны, 1929 г. н., студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). Людзі пільнавалі за тым, каб гэтыя завязкі ніхто не ўкраў, бо, як лічылася, “там” чалавеку будзе дрэнна: *“Вот і е такіе, кажучь, знахары, якія варуюць гэтыя трапачкі і, кажучь, тады вельмі плоха чалавеку дзелаецца”* (запісана ў в. Чкалава ад Закружнай Валянціны Іванаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Залатуха Калінкавіцкага р-на,) студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). У вёсцы Медзведаў труну выносілі да скрыжавання і ззаду пасыпалі жытам: *“Выносілі <...> і неслі да перакростка. Засыпалі жытам. Калі маладыя жэняцца, то засыпаюць упярод, а калі хароняць, узад”* (запісана ў в. Мядзведаў ад Лапусты Ганны Адамаўны, 1943 г. н. (раней пражывала ў Хойніцкім р-не), студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.).

З пахавальнай абраднасцю як з адным з важным відам сямейна-абрадавага фальклору звязана шмат прыкмет і павер’яў. Напрыклад, лічылася, што, калі неслі труну, *“нельга было пераходзіць дарогу і ісці наперадзе”* (запісана ў г. Светлагорску ад Зіновіч Любоўі Іванаўны, 1954 г. н. (раней пражывала ў г. Добруш), студэнткамі Гусакавай Я., Цімашэнка А.). А ў вёсцы Краснаўка студэнтамі былі запісаны наступныя павер’і: *“Нельга насіць адзёжу, у якой чалавек памёр, бо сільна забалееш”*; *“Нельга чапаць пакойніка за ногі, бо многа ў хаце будзе пакойнікаў”* (запісана ў в. Краснаўка ад Паўлаўцовай Людмілы Уладзіміраўны, 1950 г. н. (прыехала з г. Вялікі Усцюг РФ), студэнткай Горскай Т. (2006 г.)). Акрамя гэтага, нельга было на сабе несці крышку труны: тады, лічылася, чалавек можа хутка памерці.

Перад пахаваннем у магілу кідалі капейкі, каб “закупіць месца”: *“На кладбішчы ў магілу дзеньгі брасалі. Ну, гаварат, нада купіць землю. Гаварат, нада ж абязацельна капейкі брасаць”* (запісана ў в. Чкалава ад Закружнай Валянціны Іванаўны, 1936 г. н. (раней пражывала ў в. Залатуха Калінкавіцкага р-на,) студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.). Потым асвятчалі магілу святой вадой і хавалі памерлага: *“Свечанай вадой папырскаюць магілку і хаваюць. І плачуць, і галосцяць на сваём, і прашчаюцца, і цалуюць, но ніхто нічога не сыпле”* (запісана ў в. Рудня ад Рудніцкай Марыі Рыгораўны, 1927 г. н., студэнткамі Анцімонік А., Бандурынай К.).

Паводле павер’яў, усіх, хто прысутнічаў на пахаванні, запрашалі на памінкі. Перад асноўнай ежай кожны павінен быў пакаштаваць лыжачку (або тры) салодкай стравы, якую называлі “сыта”. Яна ўяўляе сабой салодкую воду з хлебам, саладзілі “сыту” цукрам або мёдам: *“Сладкае ставілі, салодзяць воду, хлеб туды*

крышаць. Называлася сыта” (запісана ў в. Стракавічы ад Дземідовіч Ніны Іванаўны, 1930 г. н. (раней пражывала ў в. Славаня Светлагорскага р-на), студэнткамі Гусакавай Я., Цімашэнка А.). Пасля гэтага маглі падаваць боршч, прасяную кашу, маленькія булачкі і гарэлку. На стол сыпалі цукеркі: “*А пасля, як паабедуюць, і вадзічкі кругам дадуць запіць*” запісана ў в. Прыстарань ад Тунік Веры Іванаўны, 1936 г. н., студэнткамі Гусакавай Я., Цімашэнка А.). На помінках нельга было напівацца і сварыцца.

Памінаць нябожчыка збіраліся праз 9 і 40 дзён. Лічылася, што да саракавога дня душа чалавека яшчэ побач, а ў гэты дзень “*адлятае да Бога*”: “*Пасля смерці праз 9 і 40 дзён таксама сабіраліся. Счыталі, што ў гэты дзень душа да Бога адлятае*” (запісана ў в. Печышчы ад Кузьмянок Зінаіды Мікітаўны, 1934 г. н., студэнткай Гайковай Ю. (2007 г.)). На помінках гучалі галашэнні, у якіх звярталіся да Бога, да памерлага, напрыклад: “*Устань, братка, скажы хоць славечка // Сваім дзеткам, да ўсёй радні. // Ой, Божа ж мой, Божа!*” (запісана ў в. Чыркавічы ад Сівак Яўгенні Пятроўны, 1931 г. н., студэнткамі Малуха Л., Ярмоліч А.); “*Ой, пайду я на могілкі // Ды стану рыдаць // “Устань, устань, родна мамка, // Касу расчасаць. // А ўсе мае сяброўкі // Касу расчасалі, // А маю родну мамку // Зямля не пускае*” (запісана ў в. Печышчы ад Кузьмянок Зінаіды Мікітаўны, 1934 г. н., студэнткай Гайковай Ю. (2007 г.)).

Прыведзеныя матэрыялы па пахавальнай абраднасці Светлагорскага раёна сведчаць аб захаванасці ў лакальных традыцыях агульнаэтнічных элементаў і наяўнасці спецыфічных асаблівасцей.

Спіс літаратуры

1 Беларусь / рэдкал.: Бялявіна В. М. [і інш.] – Т. 7 : Вусная паэтычная творчасць. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 586 с.

УДК 398.332.1(=161.3):398.332.1(=112.2)

А. Д. Мазаник

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

ВЕСЕННИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРАЗДНОВАНИЯ МАСЛЕНИЦЫ)

Статья посвящена весенним обычаям и обрядам в Германии и Беларуси. В этой статье анализируются общие и уникальные

черты весенней обрядности на примерах празднования Масленицы у немцев и белорусов, что важно для более глубокого понимания особенностей их культур.

Весна – это время пробуждения природы, символ обновления и возрождения, та пора года, которая сопровождается множеством обрядов и обычаев, отражающих богатое культурное наследие различных народов. Вначале рассмотрим более подробно особенности праздников этого периода в Германии.

Одним из самых ярких и шумных весенних торжеств в Германии является Масленица, которую исследователи относят к обрядам переходного периода. Современное состояние бытования масленичной обрядности заметно отличается от тех древних масленичных обрядов, которые испокон веков проводили предки немцев. В прошлом на территории современной Германии существовали уникальные масленичные обряды, которые со временем утратили свою магическую основу и были забыты.

Ранее Масленица длилась несколько недель – начиная с дня трёх королей и до начала Великого поста, который наступает в «пепельную среду» (“Aschermittwoch”). Народ называл этот праздник по-разному: например, «нелепая» или «чёртова неделя». Каждый день празднования Масленицы имел свои названия и особенности.

К XX веку Масленица превратилась в яркий карнавал с весёлыми и шумными шествиями и театрализованными представлениями, однако при этом сохранялись, важно отметить, некоторые магические ритуалы, направленные на обеспечение урожайности полей и благополучия людей [1, с. 141–142].

Важной частью праздника были обряды, связанные с сельским хозяйством. Крестьяне совершали действия около полей с плугом, чтобы таким образом создать благоприятные условия для роста зерновых культур: «Нередко вокруг полей устраивались шествия с плугом, имевшие магический характер» [1, с. 142]. В таких мероприятиях участвовали молодые мужчины, которые тащили плуг по деревне, символизируя начало весенних полевых работ. «Если ряженные парни тащили плуг вместе с девушками, то этот обычай толковали как штраф с достигших брачного возраста, но ещё не вступивших в брак парней и девушек» [1, с. 142].

В Зауерланде существовала необычная традиция: в масленичный понедельник женщины и девушки снимали сапоги у мужчин и парней и пытались укусить их за большой палец ноги. На следующий день

мужчины отвечали тем же – кусая женщин. Считалось, что через укус из организма выходят болезни, поэтому укусившего нужно было отблагодарить за здоровье [1, с. 142].

Обязательным элементом Масленицы были костры. Огонь считался символом благополучия, плодородия и защиты от злых духов. Их зажигали преимущественно на возвышенностях. Бытовало мнение, что чем больше огня, тем в большей степени солнце будет освещать поля и тем самым способствовать хорошему росту сельскохозяйственных культур.

Также популярной традицией было бросание горящего диска в честь близких – любимой девушки, родителей или брата. Считалось, что в том случае, если диск не взлетит или не долетит до цели, счастье тому человеку не суждено. По народным верованиям, «горящий диск прогревает землю и способствует росту растений. Молодые люди прыгали по полю и напевали:

Same, Same, reg dich,

Same, Same, streck dich.

Семя, семя – шевелись,

Семя – вытягивайся [1, с. 143].

В Оснабрюке в масленичный понедельник устраивали необычное состязание, цель которого заключалась в отсечении головы петуха. Его помещали в корзину так, чтобы торчала только голова. С помощью жребия и с завязанными глазами участники соревновались в ловкости до тех пор, пока кому-нибудь не удастся достигнуть цели и отсечь петуху голову [1, с. 144].

Важно подчеркнуть, что у немцев, как и у белорусов, уделяли много внимания еде: пекли много блинов, оладий и булочек. Последний четверг перед постом называли «жирным», так как именно в этот день употребляли много жирной пищи из семи или девяти блюд.

Главным развлечением на Масленицу были яркие шествия наряженных участников, танцы, песни и шутки. Маски варьировались по внешнему виду, среди них имели место устрашающие, некоторые из них использовались для отпугивания злых духов.

Говоря о масленичных традициях в Германии, нельзя не упомянуть карнавалы. Самыми известными из них были кёльнский, майнцский и мюнхенский: «Подготовка к карнавалу начиналась в 11 минут 11-го часа пополудни 11-го числа 11-го месяца (т. е. 11 ноября)» [1, с. 144-145]. Известно, что в ходе подготовки к карнавалу выбирали короля или принца карнавала, а также принцессу, совет шутов и других участников.

В Мюнхене в масленичный понедельник проходил обычай Metzgesprung – «прыжок мясника». Он заключался в том, что перед ратушей после мессы происходило крещение учеников мясников и их символический переход в подмастерья. Юные подмастерья одевались в овечий мех с телячьими хвостами и старались облить окружающих водой из фонтана, а также бросали орехи и яблоки.

Женщинам было запрещено праздновать Масленицу и участвовать в карнавалах, поэтому они после обеда собирались без мужчин в кафе или ресторанах для совместного празднования, а мужчины имели возможность присоединиться к ним вечером и участвовать в совместных танцах.

Как и у немцев, на территории современной Беларуси ежегодно отмечается Масленица с ее особыми колоритными национальными обрядами и обычаями.

Масленица у белорусов символизирует проводы зимы. Люди пекли блины, которые символизировали солнце. Употребление блинов считалось залогом богатства и удачи на весь год. Даты праздника варьируются с 3 февраля по 14 марта, а последний день считается началом Великого поста и символом прихода весны.

С приходом христианства богатое застолье с блинами и другими жирными блюдами стало настоящим праздником для крестьянина. Люди пировали и не забывали щедро угощать друг друга, не оставляя без внимания и бедных. “Ужо на Масьленку малако, масла, тварог, бліны і больш нічога (Валянціна Анікеева, 1921 г. н., в. Старая Рудня, Жлобінскі раён)” [2, с. 159].

Все масленичные обряды у белорусов делятся на три части: встречу праздника, его основное торжество и проводы. В эти дни устраивали гуляния с катаниями на санях, соревнованиями по поеданию блинов и играми с медведем. Обязательно сжигали соломенное чучело зимы как символ прощания со снегами и морозами. В некоторых местностях Беларуси именно на Масленицу совершался обряд зазывания весны. Люди выпекали жаворонков из теста и подбрасывали их вверх, что символизировало прилёт птиц.

В традиционной культуре белорусов сохраняется интересный обряд под названием «Колодка»: “На Масленую, як хлопец не жаніўся, яму прывязывалі ступу к нагам, і штоб ён адкупліваўся. Раз ня жэнішся, дык яму такое нараканія давалі. Ступа ў кажнага ў хаце была. Ілі ступа, ілі такая калодка таўставаценькая, адпіліная. Ідуць жа, знаюць, дзе такі хлопец. Большой часцю бабы. Раз такі празьнік – заведзяно” (Лідзія Сцецова, 1936 г. н., п. Кругавец-Калініна,

Добрушскі раён) [2, с. 159]. Можно предположить, что белорусский обряд под названием «Колодка» близок в некотором плане по семантике к немецкому обряду «тащить плуг». Объединяет эти обряды идея обязательного вступления в брак молодёжи, продолжения рода.

Масленица длилась семь дней: с понедельника по воскресенье. Первые три дня назывались Узкой Масленицей – их посвящали домашним делам и уборке. С четверга начиналась Широкая Масленица – время развлечений и выпекания блинов без ограничений.

Существует множество масленичных примет. Например, чем больше блинов испечешь – тем больше денег и удачи ожидает тебя в будущем году, а если блины получились скромными или некрасивыми – предполагаются трудности впереди. Народ верил, что качество блинов напрямую связано с судьбой предстоящего года.

В целом можно сказать: весенние праздники вроде Масленицы играют важную роль в сохранении культурных традиций народов. Они помогают укреплять связь между поколениями и сохранять национальную идентичность благодаря древним обрядам и обычаям – ценному наследию каждой этнической культуры.

Список литературы

1 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX – начало XX в.: весенние праздники / Ред. коллегия: С. А. Токарев, И. Н. Гроздова, Ю. В. Иванова, В. К. Соколова. – Москва: Наука, 1977. – 358 с.

2 Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе: у 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.

УДК 398.332.33(476.2-37Ветка)

А. А. Нарук

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

МЯСЦОВЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЖНІЎНАЙ АБРАДНАСЦІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ФАЛЬКЛОРУ ВЕТКАЎСКАГА РАЁНА)

У артыкуле на аснове багатага фактычнага матэрыялу, запісанага ў палявых экспедыцыях выкладчыкамі і студэнтамі

ГДУ імя Францыска Скарыны на тэрыторыі Веткаўскага раёна, разглядаюцца лакальныя асаблівасці жніўнай абраднасці. Прааналізаваны мясцовыя асаблівасці такіх відаў жніўнай абраднасці, як зажынкi і дажынкi, засяроджана ўвага на звязаных з імі прыкметах і павер'ях.

Яшчэ са старажытных часоў хлеб у жыцці беларусаў меў сакральны статус. Гэты культ абумовіў наяўнасць у нацыянальным светапоглядзе веры ў шматлікіх духаў, што апекаваліся нівай, а тае-сама разнастайных рытуалаў, звязаных з аграрнай магіяй. Невыпадкава жніво з'яўляецца важным элементам земляробчага календара: яно падводзіла вынік штодзённай упартай працы. Па яго выніках можна было меркаваць пра дабрабыт асобнай сям'і, добры ўраджай – зарука лёгкай зімоўкі, выратаванне ад галоднай смерці. Таму жніво суправаджалася багатым комплексам поліфункцыянальных рытуалаў і звычаяў. У кожным з рэгіёнаў Беларусі ён меў адметны характар.

Структура жніўнай абраднасці на Гомельшчыне, як і паўсюль на Беларусі, уяўляе сабой тры паслядоўныя этапы: зажынкi, уласна жніво і дажынкi. “Паняцце “зажынкi” (зажон) уключае два тлумачэнні: першае (сітуацыйнае) – зажынкi як пачатак жніва, другое (функцыянальнае) – зажынкi як абрад” [1, с. 328]. Такім чынам, сітуацыйны і функцыянальны пачаткі накладаліся, утвараючы арганічны сінтэз, які і вытлумачваў, на першы погляд, звычайную, побытавую падзею як сакральны абрад, надаваў яму цэласнае рытуальна-магічнае афармленне.

Звычайна зажынкi былі прымеркаваны да рэлігійнага свята – дня ўшанавання апосталаў Пятра і Паўла. І ў самім абрадзе, нягледзячы на яго паганскія карані, прасочваюцца відавочныя элементы хрысціянскай традыцыі: “Штобы быў добры ўраджай, хадзілі асвятчаць поле – не ўсе, праўда, спачатку хаця б. Мая бабуля ўсёгды сама эта дзелала. Возьме бутэлечку з вадою і пайшла на лугу, а пад нос прыгаворвае што-та” (в. Старое Сяло) [2, с. 217]. Непарыўнае спалучэнне язычніцкіх і хрысціянскіх уяўленняў і рытуалаў – адметная рыса беларускай нацыянальнай ментальнасці і народнай духоўнай культуры.

Асаблівая ўвага надавалася зажынальнасці, якая павінна была адпавядаць шэрагу патрабаванняў, каб забяспечыць поспех усёй грамадзесці. Пры яе выбары ўлічвалі здароўе жанчыны, яе працавітасць, здольнасць паспяхова весці гаспадарку, а таксама звярталі ўвагу і на маральныя якасці. Важным быў і знешні выгляд жніа: нельга было ісці зажынаць у штодзённай ці бруднай вопратцы, чыстае святочнае

ўбранне было абавязковым: “Выбіралі пунейшую жанчыну, каб была здаровая. У суботу вытапяць баню. Перад Пятром. Казалі: “Заўтра ж Пятро, дак трэба зажаці жыта”. Пасля бані жанчына перадзявалася ў чыстае адзенне. Потым гэтая жанчына ішла на поле і зажынала 5–10 снапоў” (в. Акшынка) [2, с. 206].

У лакальных традыцыях Гомельшчыны сустракаецца звычай аглядаць поле перад жнівом на наяўнасць заломаў (“завіткаў”, “завязкаў”, “завязяў”). Звычайна іх рабілі вядзьмаркі з мэтай нашкодзіць асобнай сям’і ці вёсцы ў цэлым: маглі наклікаць хваробы на людзей, паморак на жывёлу, патравы на ніву і г. д.: “Када я зашла замуж, я ў сьвякроўкі жала жыта первы год. Я зажала, я бачыла, што там памята, я думала, мо куры патапталі ці што, а эта залом быў. А пачом вечарам сьвякроўка сама пашла жаць, а залом гэты ўвідзела: “Во, добра, дзетка, што ты яго ня сжала. Эта хто-та плахі чалавек залом сьдзелаў”. Як сажнеш – забалееш” (в. Чырвоны Кут) [1, с. 329].

Першаму зжатаму снапу надавалася вялікае сакральна-магічнае значэнне. Яго звычайна ставілі ў чырвоным куце пад абразамі, захоўвалі год (да наступнага жніва) і выкарыстоўвалі ў іншых рытуалах земляробчага календара: асвятчонае зерне выкарыстоўвалі для сяўбы, а сам сноп быў неабходным атрыбутам каляднай вячэры (яго ставілі на святочны стол, па ім варажылі на будучы ўраджай). Часам першым нажатым каласам надавалі сімвалічную форму кола шляхам спляцення іх у вянок: “На зажон рабілі вянок з калосься і захоўвалі яго на іконе цэлы год” (в. Стаўбун) [1, с. 333].

Пасля зажынак пачыналася жніво – самы складаны і знясільваючы этап. Да працы далучаліся і маладыя дзяўчыты, і сталыя кабеты, нават дзеці і падлеткі. Асабліва цяжка было цяжарным і маладзіцам з немаўляткамі. Ім даводзілася браць малых з сабой на поле, на якім непадалёку ад матчынай паласы, майстравалася калыска і невялікі будан, што ахоўваў дзіця ад сонца і спёкі.

Працавалі з ранку да вечара. І ў такіх умовах песня была дзейным сродкам паляпшэння фізічнага і псіхалагічнага стану жней, яна з’яўлялася неад’емным элементам жніўнай абраднасці: “Жнуць, падабавкі вяжуць – пяхуць, усё сь песнямі. То пра жніво пяхуць, то пра жызьць якую, і ўсе хорам” (в. Чырвоны Кут) [1, с. 336]. Паводле меркаванняў А. Ліса, “жніўная паэзія ўвабрала ў сябе і таленавіта ўвасобіла (сродкамі міфалагічнай і рэалістычнай паэтыкі) атмасферу жніва, характар цяжкай, пад спякотлівым сонцам адказнай работы” [3, с. 3].

Вялікая колькасць жніўных песень прысвечана тэме кахання:
*Закацісь, закацісь ты, жаркае сонца,
А за лес, за лясок.
Ты прыбудзь-ка, прыбудзь,
Дружочак мой любезны,
Прыбудзь-ка на часок...*

(в. Акшынка) [2, с. 206].

Часта ў жніўных песнях гучаць матывы шлюбу, сямейнага жыцця, часам нешчаслівага:

*Ой, нашто ж ты мяне, мая мамка родна,
На горечка радзіла?
Ой, нашто ж ты мяне, мая родная,
Горьку долю ўдзяліла?
Удзяліла ж ты мне горькую долечку:
За п'яніцу аддала,
За п'яніцу, за няўдаліцу,
За горькую сірату...*

(в. Янова) [2, с. 212].

Скінуць стому і аднавіць сілы жнеям дапамагалі і традыцыйныя гульні. Напрыклад, частка ўдзельніц згіналася, астатнія ж прыгалі праз іх; бегалі адна за адной у даганялкі. Таксама быў звычай качацца па полі: дзве жанчыны клаліся на зямлю і, абдымаючыся, перакочваліся са спіны адной на спіну другой, і так некалькі разоў. Лічылася, што гэта дзеянне дапамагала пазбавіцца ад болю ў паясніцы і касцях.

Па заканчэнні жніва наступалі дажынкi. Гэты этап вылучаецца адметным старажытным абрадам, характэрным для ўсіх усходніх і паўднёвых славян, які называлі “барадой”, “дажынкамі” ці “чубком”: *“Дажынаюць жыта, паследняе ўжо. Выбіраюць двенаццаць каласоў, глядзяць, штоб жыта роўненькае было, каласы дзябёлыя. Каласы звязваюць разам. Тады ўбіраюць іх цвітамі, кітайкамі з нізу да верху. Расчышчаюць зямлю ету, куды каласы ставяць, ржэўнік увесь адкідваюць, капаюць ямачку, кладуць у тую ямачку хлеб, соль і ваду. Кажуць:*

– Вот табе, барада, хлеб, соль і вада” (в. Данілавічы) [2, 209].

Згодна з народнымі ўяўленнямі, гэты рытуал спрыяў плоднасці нівы. Верылі, што нібыта пасля яго правядзення ўвесь ураджай у наступным годзе будзе падобным па якасці тым каласам, што былі сабраны ў апошні сноп.

На Гомельшчыне найбольш распасюджанай была наступная форма “барады”: звязаныя ўверсе каласы (замацоўвалі пераважна чырвонай ніткай), упрыгожвалі кветкамі, што сімвалізавалі красаванне, квітненне прыроды. Сам абрад быў скіраваны на захаванне, “завязванне” жыццёвых сіл, ураджайнасці нівы на наступны год.

Таксама быў шырока распаўсюджаны звычай рабіць дажынкавы вянок, які плялі з каласоў, упрыгожвалі стужкамі, палявымі кветкамі, галінкамі з ягадамі каліны ці рабіны, і меў ён пераважна круглую форму. Такі вянок захоўвалі на покуці разам з зажынкавым снапом і верылі, што зерне з яго павінна было забяспечыць будучы багаты ўраджай.

Святкаванне дажынак суправаджалася ўрачыстымі гуляннямі і сумеснымі застоллямі. Лічылася, што быццам шчодро накрыты стол абяцаў добры ўраджай у наступным годзе: *“Пасля дажынак мы ўжо так пачыналі гуляці, што завідавалі ўсе суседзі. Тож сабіраліся на полі. Не, кастры не палілі. Увакруг пажатага жыта і пачыналі хараводы вадзіць, песні пеці, гультні розныя іграці”* (в. Старое Сяло) [2, с. 218].

Самі гулянні суправаджаліся адметнымі дажынкавымі песнямі:

*А ў нас сёння дажыначкі,
Мы жыцечка дажалі.
Мы жыцечка дажалі,
Бародачку завязалі.
Бародачку завязалі,
Хлеба-солі паклалі...*

(в. Янова) [2, с. 212].

Такім чынам, жніўныя абрады і песні Веткаўскага раёна адначасова захоўваюць іх агульнанацыянальную аснову і выяўляюць адметныя лакальныя рысы ў рытуалах, песнях, прыкметах і павер’ях.

Спіс літаратуры

1 Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1 / Т. В. Валодзіна [і інш.] ; пад агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 910 с.

2 Вечнае: Фальклорна-этнаграфічная спадчына Веткаўскага раёна / Аўт. уклад.: І. Ф. Штэйнер, В. С. Новак. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 362 с.

3 Ліс, А. С. Жніўныя песні: манаграфія / А. С. Ліс. – Мінск : “Навука і тэхніка”, 1993. – 208 с.

М. А. Стаўская

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

ЛЕТНІЯ АБРАДЫ І ЗВЫЧАІ ЖЫХАРОЎ РЭЧЫЦКАГА ПАЛЕССЯ

У артыкуле на багатым аўтэнтычным фальклорна-этнаграфічным матэрыяле, запісаным падчас палявых экспедыцый на тэрыторыі Рэчыцкага Палесся і змешчаным у зборніку “Фальклорна-этнаграфічная і літаратурная спадчына Рэчыцкага раёна” [1], разгледжаны рэгіянальна-лакальныя асаблівасці купальскай і жніўнай абраднасці.

Летні цыкл земляробчага календара, які найперш уключае купальскія і жніўныя абрады і песні, дэманструе глыбокую сувязь чалавека з прыродай. У ім кожнае абрадавае дзеянне напоўнена магіяй і архаікай народных вераванняў. У летнія месяцы, калі зямля дорыць свае найбагацейшыя плады, людзі адзначаюць святы, што ўвасабляюць пэўныя пераходныя моманты сезона, звязаныя з Купаллем і яго магічнымі ачышчальнымі агнямі, жнівом як кульмінацыяй плённай працы, дажынкамі як сімвалізацыяй падзякі зямлі за багаты ўраджай.

Вядома, што летні каляндарна-абрадавы фальклор прадстаўлены найперш святам Івана Купалы, якое адзначаецца з 6 на 7 ліпеня. У гэтую магічную ноч на ўзвышшах і каля рачных берагоў запальвалі вогнішчы, вакол якіх вадзілі карагоды і скакалі праз агонь – як у адзіночку, так і парамі. Паводле сведчанняў жыхароў, кастры павінны былі быць высокімі, што магло паспрыяць ураджайнасці зерневых культур: “Вельмі важнымі ў Купаллі былі кастры. Яны былі высокімі, каб жыта было высокае, а ўраджай багатым. Іх усягда запалівалі на ўзгорках. Але мы дак раскладывалі на беразе нашага возера. Кастры заўсёды трэба было пераскокваць” (в. Гірава) [1, с. 144–145]. У некаторых вёсках, калі не раскладвалі касцёр на Купалле, то было прынята, каб абавязкова ў хатах гарэлі лампы: “На Купалу раней кастроў не палілі. Усе дамы толькі павінны былі свяціцца, лампы павінны былі абавязкова гарэць. Гэта ўжо пазней пачалі ў Вятхіні кастры паліць” (в. Вятхінь) [1, с. 142]. Зыходзячы з успамінаў жыхароў гэтай вёскі, запальванне кастра на

Купалле было звязана з ураджайнасцю, засцярогай ад хвароб, наладжваннем шлюбных пар: *“Хлопцы калёсы сцягвалі ў кучу, хвораст, нават хаты палілі пустыя. <...> Каля кастра карагоды вадзілі, спявалі песні, у «Чуні» гулялі, у «Гарэпню», загадкі загадвалі, потым праз агонь прыгалі. Купала святкуецца, каб добры ўраджай быў, каб людзі не хварэлі, каб паждаць усім хлебаробам добрай сілы, каб дзеўкі пасля ўраджаю замуж выходзілі”* (в. Вятхінь) [1, с. 142].

Дзяўчаты плялі вянкi і варажылі, пускаючы іх па вадзе, а напярэдадні зраніцы збіралі лекавыя травы: *“Плялі вянкi з васількоў, кідалі ў рэчку і загадвалі на сябе і на жаніха: еслі ў вадзе сойдуца гэтыя вяночкі, то будзеш разам у пары, а еслі не то не будзеш”* (в. Азершчына) [1, с. 143]. Па-рознаму ў мясцовых традыцыях тлумачылі семантыку варожбаў: *“Збіраліся маладыя хлопцы, прыгалі праз кастры, а дзяўчаты плялі вянкi і кідалі іх у раку, чый наплыве ўперадзе, значыць, хутка выйдзе замуж, чый патоне, значыць, ніколі дзяўчына не выйдзе замуж. А чый наплыве назад – дзяўчына доўга будзе сядзець у дзеўках”* (в. Красная Дуброва) [1, с. 143].

У сістэме купальскай абраднасці важным загадкавым кампанентам былі пошукі папараці-кветкі як сімвала шчасця і ўдачы: *“Ніколі мы не варажылі а папараць-кветку шукалі заўсёды. Не было ў нас такога свята, можа таму, што рэчкі не было нідзе побач, толькі копанкі невялічкія”* (в. Дуброва) [1, с. 145]; *“Шчэ на Купалу ў дванаццаць часоў усе дзеўкі і хлопцы ішлі ў лес. Там шукалі папараць кветку, казалі, што той, хто знойдзе яе, усягда будзе здаровы, багаты і шчаслівы”* (в. Ровенская Слабада) [1, с. 145]; *“Затым ішлі ў лес і шукалі сапраўдную папараць-кветку. І лічылі, хто яе знойдзе – будзе разумець мову птушак і звяроў і будзе самы шчаслівы на зямлі”* (г. Рэчыца) [1, с. 146].

Завяршалася свята на досвітку: удзельнікі сустракалі ўзыход сонца і купаліся ў рачных або азёрных водах: *“Вот як мы ўсягда Купалле спраўлялі каля возера, то купаліся. Купаліся ўсе: і дзяўчаты, і хлопцы. Таму што шчыталі, што, хто накупаецца ў ету ноч, той будзе здаровым і стане красівейшым. Мы дак, дзеўкі, старалісь як мага больш дзяржаць косы ў вадзе”* (в. Гірава) [1, с. 144].

Паводле народных вераванняў, менавіта ў купальскую ноч назіралася актывізацыя шкаданоснай дзейнасці ведзьмы. Гэтыя істоты, паводле павер'яў, маглі ладзіць свае таемныя зборы і шкодзіць людзям або іх гаспадарцы: *“Ад ведзьмаў абкладывалі крапівой калодзежы, вокны, дзверы. Крапіва бараніла ад злых духаў, сіл і чар”*

(в. Гірава) [1, с. 144]; “У гэтую ноч заўсёды весяліліся ведзьмы. <...> Гэты агонь лічыўся ачышчальным, і нячыстая сіла не магла падабрацца туды. А тым, хто заставаўся дома, ведзьмы і дамавікі рабілі шкоды” (г. Рэчыца) [1, с. 145].

Засяродзім увагу на характарыстыцы жніўнай абраднасці, у структуры якой вылучаюцца зажынкі, уласна жніво і дажынкі. Варта адзначыць, што працэс жніва быў напоўнены магічным сэнсам, пачынаючы ад дзеянняў, звязаных з зажынаннем першых каласоў, і завяршаючы рытуаламі, звязанымі з апошнімі каласамі. Жніво мела дакладны парадак дзеянняў, кожнае з якіх суправаджалася пэўнымі абрадамі, вызначалася цікавай сімволікай і адрознівалася верай у сакральны сэнс рытуалаў.

Звычайна жніво пачыналася зажынкамі, падчас якіх адбываўся рытуал зажынання першых каласоў, якія лічыліся магічнымі: “На жніво жалі жыта. На каторы год зажне першай жыта жэнішчына маладая, чыстая – то калі будуць жаць і парэжаш палец ці што другое, не будзе гнаіцца, не будзе балець. А калі першай зажне якая-небудзь няўдалая жанчына ці бальная, усё жніво будуць то нарывы, то раны. Потым тую жанчыну клялі” (в. Будка) [1, с. 146]. Як правіла, для выканання рытуала зажынання першых каласоў выбіралі жанчыну, шчаслівую ў сямейным жыцці, абавязкова сталага ўзросту: “Перад пачаткам жніва ў поле адпраўляюць старэйшага, каб паглядзеў ураджай, ці можна жаць, ці не. Калі ўраджай паспеў, то першымі ішлі зажынаць старэйшыя жанчыны. Яны ішлі з хлебам і з салам пасвяцёным” (в. Ліскі) [1, с. 147]. Першы нажаты сноп прыносілі дахаты і ставілі на покуці: “Як сажнуць першы сноп, яго нясуць дадому і стаўляюць на кут. Спяваюць песні” (в. Каравацічы) [1, с. 148].

Дажынкі – абрадавае свята, якое сімвалізавала завяршэнне цяжкай працы падчас самога жніва: “Тады дажынкі. Зноў сабіраемся ў каробкі. Набіраем тады ўжэ і хлэба, і яды. Тады мужыкі стыя прывозяць на вазах, а мы ж на палянках жалі. Кладуць тры снапы на воз жыта. І тут каля ваза садзяцца, і тутака і дажынкі святкуем. У нас бараду здымалі. Красныя ніткі бярэш, тры каласы ўжэ, зжала паласу жыта ўжэ, звязвалі етыя тры каласы краснаю ніткаю і кругом іх абжынаеш, а яны, каласы, астаюцца: «Жала, жала, буйнае жыта, // Прыйшла родная маці, // Сярпа атабрала // І дажала буйнае жыта»” (в. Красная Дуброва) [1, с. 149].

Жніўныя песні, якімі суправаджалася цяжкая праца, – важная частка традыцыйнага святкавання жніва. Яны напаўнялі працоўныя

дні своеасаблівым жыццёвым рытмам, узмацнялі калектыўны дух і адлюстроўвалі глыбокую сувязь чалавека з зямлёй: “Ой, у полі дажыначкі, // А ў доме радзіначкі, // Нарадзіла маці сына, // Беленькага лебядзіна, // Нарадзіла маці дачку, // Беленькаю лебёдачку. // Нарадзіла, крэпка ўснула, // Мы будзілі, не ўзбудзілі. // – Ціха, дзеткі, вы не плачце, // Зрубім хату мы новую, // Возьмем жонку маладую. // Згары, хатка, ты, новая, // Памры, матка маладая, // Умры, матка маладая, // Устань, наша, родненькая!” (в. Азершчына) [1, с. 155].

Такім чынам, летні цыкл традыцыйных святкаванняў – гэта не проста паслядоўнасць пэўных абрадавых дзеянняў, а сапраўдная жывая тканіна народнай культуры, дзе гарманічна пераплятаюцца старажытныя народныя вераванні. Прааналізаваныя матэрыялы па купальскай і жніўнай абраднасці Рэчыцкага Палесся сведчаць пра адметную іх мясцовую спецыфіку. Звесткі пра Купалле і жніво і сёння ўстойліва захоўваюцца ў народнай памяці, пацвярджаючы іх арганічную сувязь з прыродай, продкамі, раскрываючы глыбінную сутнасць нацыянальнай культуры.

Спіс літаратуры

1 Фальклорна-этнаграфічная і літаратурная спадчына Рэчыцкага раёна. Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы, рэдагаванне І. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. – Мінск : ЛМФ «Нёман», 2002. – 384 с.

УДК 398.3:61

К. С. Шаўцова

Навук. кір. – В. С. Новак, д-р філал. навук, прафесар

БЕЛАРУСКІЯ ЛЕКАВЫЯ ЗАМОВЫ: МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ

Артыкул прысвечаны даследаванню беларускіх лекавых замоў, выяўленню іх прызначэння ў жыцці, характарыстыцы структурных кампанентаў гэтага віду абрадавага фальклору. Фактычную аснову артыкула складаюць тэксты замоў, запісаныя на тэрыторыі Гомельшчыны ў палявых экспедыцыях студэнтамі і выкладчыкамі ГДУ імя Францыска Скарыны і апублікаваныя на старонках зборніка “Гаючае слова роднай зямлі: беларускія лекавыя замовы” [1].

Замовы – гэта славесныя магічныя тэксты, пры дапамозе якіх імкнуліся вылечыць хваробы. Менавіта дзякуючы гэтым славесным формулам, што выкарыстоўваліся таксама і ў розных абрадах, імкнуліся дасягнуць жаданага выніку. Невыпадкова замовы з’яўляюцца своеасаблівым відам абрадавага фальклору.

Як вядома, яны падзяляюцца на некалькі груп: гаспадарчыя, лекавыя, любоўныя, сацыяльна-бытавыя, ахоўныя ад звяроў і звышнатуральных істот. Практычна тэксты замоў захоўваюцца ў сваёй нязменнай форме, бо ў іх змесце нельга было нічога змяняць, і гэта было звязана з тым, каб не нашкодзіць чалавеку падчас іх выкарыстання.

Валодалі замоўнай творчасцю нешматлікія людзі, якія былі ўпэўнены ў магічнай сіле ўплыву слоў і тых дзеянняў, што іх іншы раз суправаджалі. Верылі ў народзе, што з дапамогай замоў можна як дапамагчы чалавеку, так і нашкодзіць. Носьбітаў гэтага ўнікальнага віду мастацтва называлі “шаптухамі”, “чараўніцамі”. Варта адзначыць, што замовы адрозніваюцца ад іншых фальклорных жанраў асаблівасцямі структуры, семантыкай, сістэмай вобразаў, сродкамі мастацкай выразнасці. На думку даследчыцы замоўнай творчасці Г. А. Барташэвіч, “слова ў замовах і сродак магічнага ўздзеяння, сродак рэалізацыі закладзенага ў замове пажадання і ў той жа час гэта сродак стварэння магічнага тэксту, магічнай формулы, паэтычнага вобраза” [2, с. 200]. Засяродзім увагу на аналізе лекавых замоў беларусаў.

У структуры замовы можна вылучыць некалькі важных частак, да якіх адносяцца такія, як уводзіны-малітва, зачын, асноўная частка, закрэпка і заамяшчэнне. Як правіла, пачынаюцца замовы са звароту да Бога, да Святой Багародзіцы. Менавіта пад уплывам хрысціянства ў іх змесце з’яўляецца кароткі або разгорнуты малітоўны ўступ. “Хрысціянізаваны ўступ можа не мець дачынення да зместу твора, ён даўніна традыцыі” [2, с. 213].

Прывядзем прыклады розных варыянтаў уводзін-малітвы, абапіраючыся на тэксты лекавых замоў, запісаных на тэрыторыі Гомельшчыны: “Госпаду Богу памалюся, мацеры Прачыстай пакланюся, Святая Прачыстая памажы волас уліваць” (замова “Волас уліваць”) [1, с. 23]; “Первым разам, божым часам Госпаду Богу памалюся. Ранняя зарніца, Божая памашніца” (замова “Ад уроку”) [1, с. 64]; “Первым разам, божым часам Госпаду памолімся, Святой Прачыстай паклонімся, святым дзянёчкам васкрасеннем, утрашней зарой” (замова “Ад удару”) [1, с. 159]. Невыпадкова называюцца “Госпад Бог” і “Святая Прачыстая”, бо надзвычай важна было адразу паказаць, да каго звяртаецца чалавек па дапамогу.

У наступнай частцы замовы, якую называюць зачынам, гаворыцца пра дзеянні чалавека, які выконвае рытуал замаўлення: “Іду я не ўліцаю, не дарожкаю, а па пустых перавулках, па канавах, па ярах” (замова “Ад зубной болі”) [1, с. 176].

У асноўнай частцы замоўнай формулы змешчана інфармацыя аб тым, якой менавіта па сутнасці з’яўляецца хвароба, якую трэба лекаваць. Замовы могуць быць ад розных хвароб: ад перапуду, ад каўтуна ў валасах, ад зубнога болю, ад удару і гэтак далей. Звычайна ў гэтай частцы замовы можа ісці размова пра невялікую гісторыю, падобную да казкі, напрыклад: “Ішоў Гасподзь з нябёс з усімі сіламі, святымі апосталамі, з мора вадзі змераў, за жалеза голай рукой хапаў, ад (імя) злёкі, урокі, здані, прыстрэкі, прыгаворы адганяў папіны, маміны...” (замова “Іспуг”) [1, с.123]; “Як на моры, на востраве там стаяў дуб на дванаццаць какатоў, пад тым дубам сядзела тры дзевіцы. Адна – шыла, другая – вышывала, а трэця – нічога не рабіць, а рабу Божаму (імя) спуг гаварыць...” (замова “Спуг”) [1, с. 125].

Завяршаецца замова закрэпкай, што надае статус абавязковасці сказанаму, і вымаўленнем слова “Амінь”, напрыклад: “Я – словам, а Бог – з помашчу. Амінь” (замова “Іспуг”) [1, с. 124]. Як адзначыла Г. А. Барташэвіч, “закрэпкі павінны замацаваць тое, што выказана як галоўнае пажаданне, таму ў іх пераважае матыў замыкання, матыў замка” [2, с. 214], напрыклад, “Хай маім зубам і языку будзе ключ” [1, с. 82].

У пераважнай большасці лекавых замоў, запісаных на Гомельшчыне, сустракаецца закрэпка ў выглядзе розных варыянтаў наступнай кароткай формулы: “Госпадзі, палюбі мой дух” (замова “Ад залатніка”) [1, с. 197].

Варта падкрэсліць, што многія лекавыя замовы суправаджаліся пэўнымі дзеяннямі, такімі, як акрапленне хворага святой вадой, піццё святой вады і інш. Звернемся непасрэдна да асобных тэкстаў замоў, напрыклад, замовы “Ад ліхога вока”: “Умывала дзяцей цераз рэшата, прыгаворваючы пры гэтым: «Як вада на рэшаце не дзержыцца, так бы не дзяржаліся на рабе Божай (імя) ні ўрокі, ні крыксы, ні празоры, ні перапалохі»” [1, с. 93].

Прыведзеная замова з’яўляецца абаронай ад негатыўнага ўплыву, выкліканага зайздрасцю ці зласлівымі думкамі. Іншы раз выкарыстоўвалі пэўныя прадметныя атрыбуты ў якасці абярэгаў, напрыклад, дзецям надзявалі крыжык на шыю ці чаплялі мяшочак з асвятчонай соллю, прышпільвалі шпільку да адзення (навыварат),

завязвалі чырвоную нітку на руку. “Зурока”, паводле сведчанняў інфармантаў, была небяспечнай тым, што чалавек пачынаў або цяжка хварэць, або яго суправаджалі няўдачы. Лічылася ў народзе, што той, каго “зурочылі”, “пачынае сохнуць”.

Іншы раз замову ад спуду чыталі, выкарыстоўваючы асвятчоную ў царкве ваду: “Загаворвала тры разы на ваду і брызгала дзіця і яго пасцель тры дні падрад: «Святой Спасіцель, Іван Крэсціцель на парозе стаяў, кнігі пісаў, вадзіцу асвятчаў, к рабу Божаму (імя) падступаў. Той вадой раба Божая (імя) прамывала, іспуг ў яго снімала. Амінь»” [1, с. 123]. Спуд у дзяцей – распаўсюджаная з’ява. Звычайна ён суправаджаецца празмернай трывожнасцю, гіперактыўнасцю, недамаганнямі і стомленасцю немаўляці. Над калыскай дзіцяці таксама вешалі абраз Багародзіцы, каб яна бараніла дзіця ад уздзеяння злых сіл.

Замовы часта вымаўляліся падчас родаў, каб аблегчыць пакуты жанчыны-парадзіхі і, у крайнім выпадку, выратаваць жыццё дзіцяці або самой маці: “Ішла Божая Маці меднай гарой, несла ключы за сабой, цэркаў атмыкала і рабу Божаю адмаўляла, і младзенца на свет белы выпускала. Амінь” [1, с. 267]. Такімі словамі бабка-павітуха адпужвала злых духаў, якія з’яўляліся пры нараджэнні “чыстага”, “безгрэшнага” немаўляці.

Такім чынам, замовы – неад’емная частка жыцця нашых продкаў. З імі ў даўніну пачыналася жыццё чалавека, і з імі ж яно завяршалася. Яны былі скіраваны на дапамогу і абарону ад хвароб, злых духаў. Імі лекавалі, ратавалі, суправаджалі на той свет. Лекавыя замовы з’яўляюцца найкаштоўнейшым відам народнага мастацтва, з дапамогай якога можна больш глыбока зразумець лад жыцця нашых продкаў, спасцігнуць асаблівасці светапогляду.

Спіс літаратуры

1 Гаючае слова роднай зямлі : беларускія лекавыя замовы / аўтар уступнага артыкула, аўтар-укладальнік Вярзеенка С. А. – Гомель: Барк, 2013. – 340 с.

2 Беларусы. Т. 7. Вусная паэтычная творчасць / Г. А. Барташэвіч, Т. В. Валодзіна, А. І. Гурскі і інш.; Рэдкал.: В.М. Бялявіна і інш.; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мн.: Бел. навука, 2004. – 586 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Артемяева А. И. Временные рамки и направления современной русской поэзии	3
Евтихеева У. О. Важность изучения произведений военно-патриотической тематики на уроках русской литературы в школе.	8
Кіарэску Дз. І. Прырода ў лірыцы Р. Баравіковай як сродак стварэння лірычнага вобраза	12
Корнева Е. Д. Особенности воплощения демонологических героев в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»	17
Костюк Э. Н. Рукопожатие как жест прощания (на материале произведений русской классики)	20
Масляк А. Д. Методы и приемы развития памяти на уроках литературы	25
Моисеенко Т. С. Использование технических средств обучения на уроках русской литературы	28
Попенкова С. П. Роль эпиграфов в повести А. Адамовича «Последняя пастораль»	32

Языкознание

Гарусова Т. В. Формирование орфографических умений и навыков на уроках русского языка	36
Жилицкая Д. А. Языковые средства создания образа Воланда в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	40
Кононенко К. А. Сравнительно-сопоставительный анализ русскоязычной и англоязычной концептосфер	45
Лисовская Е. М. Приставочные производные праславянского * <i>rekti</i> в русском языке	50
Мека К. И. Семантика слова <i>рофл</i> в молодежном сленге ...	54
Петранкова Д. Ю. Влияние англицизмов на молодежный сленг современного русского языка	58
Рачкова П. А. Способы выражения направления взгляда в языковой паре <i>немецкий-английский</i>	62
Савишникова Д. А. Специфика межкультурной коммуникации	67
Сидорейко Ю. А. Стереотипы и предрассудки в межкультурной коммуникации	72

Фольклористика и этнография

Абрамовіч В. Н. Радзінна-хрэсьбінныя абрады і звычаі Жыткавіцкага раёна	76
Акулич А. В. Традиции свадебной обрядности у белорусов и немцев	81
Асіпцова Г. А. Абрад выклікання дажджу на Рагачоўшчыне (на матэрыяле фальклору Рагачоўскага раёна)	86
Герілович В. Д., Ларина Д. А. Персонажи низшей мифологии в традиционной культуре англичан, французов и белорусов....	90
Гонtareва Е. А. Летние обряды в Беларуси и Германии: особенности празднования Купалья	96
Емельянцева К. В. Зимние обычаи и обряды в Беларуси и Германии.....	100
Ковалёва А. А. Особенности структуры белорусских заговоров.....	105
Краўчанка В. А. Пахавальная абраднасць Светлагоршчыны: мясцовыя асаблівасці	109
Мазаник А. Д. Весенние обычаи и обряды в Германии и Беларуси (на материале празднования Масленицы).....	113
Нарук А. А. Мясцовыя асаблівасці жніўнай абраднасці (на матэрыяле фальклору Веткаўскага раёна)	117
Стаўская М. А. Летнія абрады і звычаі жыхароў Рэчыцкага Палесся.....	122
Шаўцова К. С. Беларускія лекавыя замовы: мастацкія асаблівасці	125

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных статей

Первый выпуск сборника вышел в 2008 году

Выпуск 18

Ответственный за выпуск Е. Л. Хазанова

Подписано в печать 01.07.2025. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 8,39.

Тираж 10 экз. Заказ 382.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

